

63
П-41

110

ВГУ имени П.М. Машерова

ПОБЕДА- ОДНА НА ВСЕХ

ВИТЕБСК
2020

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова»

ПОБЕДА – ОДНА НА ВСЕХ

*Материалы II Международной
научно-практической конференции*

Витебск,
23–24 апреля 2020 г.

*Витебск
ВГУ имени П.М. Машерова
2020*

УДК 94(47+57):316.42:930(062)

ББК 63.3(2)622-08я431

П41

Печатается по решению научно-методического совета учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова». Протокол № 4 от 26.02.2020.

Редакционная коллегия:

И.В. Николаева и А.Н. Дулов (отв. ред.),
Е.А. Гребень, А.П. Косов, Д.В. Юрчак

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор *В.К. Коршук*;
доктор исторических наук *Г.Г. Краско*

П41 **Победа – одна на всех** : материалы II Международной научно-практической конференции, Витебск, 23–24 апреля 2020 г. / Витеб. гос. ун-т ; редкол.: И.В. Николаева и А.Н. Дулов (отв. ред.) [и др.]. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2020. – 182 с.
ISBN 978-985-517-739-6.

Рассмотрены проблемы историографии и источниковедения военной истории, международных отношений и дипломатии в годы Второй мировой войны, боевые действия на фронтах, различные аспекты нацистского оккупационного режима и всенародного сопротивления, вопросы увековечения памяти о войне.

Издание может быть полезно исследователям, педагогам, аспирантам, студентам, учащимся, а также всем, интересующимся историей Второй мировой и Великой Отечественной войн.

УДК 94(47+57):316.42:930(062)

ББК 63.3(2)622-08я431

ISBN 978-985-517-739-6

© ВГУ имени П.М. Машерова, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел 1. ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ	5
Новікаў С.Я. Забытыя старонкі вызвалення Беларусі ў канцы 1943 – першай палове 1944 года: крыніцазнаўчы аналіз новых нямецкіх дакументаў	5
Бондарева Е.М. Документы Государственного архива Витебской области как источник по истории военной повседневности	16
Юргевич Н.К., Дергунов А.С. Фронтовые письма как источник изучения Великой Отечественной войны	19
Латышева В.А. Журналы поступления пациентов в Минскую областную психиатрическую больницу в 1944–1948 гг. как источник по истории психического здоровья населения из числа мужчин в послевоенные годы	24
Николаева И.В. Документы по истории партизанского движения 1941–1944 гг. в Беларуси как источник изучения женской военной повседневности	28
Дулаў А.М. Даследаванні крыніц гісторыі Вялікай Айчыннай вайны, прадстаўленыя на міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі «Актуальныя праблемы крыніцазнаўства» (Віцебск) у 2011–2019 гг.	32
Щавлинский Н.Б. Фальсификация Второй мировой войны в информационном пространстве западных стран	38
Раздел 2. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ДИПЛОМАТИЯ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ. БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ НА ФРОНТАХ	44
Циватый В.Г. Институты многосторонней дипломатии в годы Второй мировой войны (1939–1945): темпоральный дискурс	44
Кандраценка А.С. Міжнароднае становішча Славацкай Рэспублікі ў 1939–1941 гг.	49
Исаева О.Н. Оборона Каневского плацдарма летом 1941 года	53
Ямпольская Л.Н. 106-я казахская кавалерийская (Акмолинская) дивизия в Харьковской операции 12–29 мая 1942 г.: неизвестные страницы	58
Пивовар Н.В. 155-й укрепленный район в боях за Витебск	63
Тимофеев Р.В. Транспорт в наступательной операции «Багратион»	66
Лобода Д.А. Отношения местного населения Полтавы с американскими военнослужащими в ходе операции «Френтик»	69
Яковлева Г.Н., Стельмах А.В. Лепельское минометное училище в годы Великой Отечественной войны	72
Ивицкий А.М. К проблеме достоверности заявленных побед немецких летчиков-истребителей в годы Второй мировой войны	77

Величко Н.В. Правовые основы, структура и задачи союзного контрольного механизма в послевоенной Германии и участие в нем Франции	81
Раздел 3. ОККУПАЦИЯ И СОПРОТИВЛЕНИЕ	87
Мандрик И.В. Беларусь в германских планах освоения восточного пространства	87
Гребень Е.А. Городская и сельская повседневность периода германской оккупации Беларуси 1941–1944 гг.: общие и специфические аспекты	97
Генина Ю.А. Оперативный штаб рейхсляйтера Розенберга в нацистской системе грабежа культурных ценностей	102
Иванова Т.П. Немецкие аэродромы периода Великой Отечественной войны на территории Беларуси	106
Дьякова Е.В., Топчий Д.С. Деятельность харьковской «Просвіти» в православной сфере	113
Довгялло М.С. Участие российской эмиграции в национально-освободительной борьбе югославского народа (1941–1945 гг.)	117
Чернявский И.В. Награждения партизан Западной Беларуси медалью «Золотая Звезда» (1941–1945 гг.)	123
Тимофеев Р.В. Восстановление железнодорожного транспорта в послеоккупационный период Великой Отечественной войны	127
Раздел 4. ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ	131
Космач В.А. Величие Победы: главные итоги, геополитические последствия и уроки Великой Отечественной и Второй мировой войн 1939–1945 гг.	131
Корсак А.И. Перезахоронение останков воинов Красной армии и партизан на территории Лиозненского района Витебской области: история и современность	141
Юрчак Д.В. Воинские захоронения периода Великой Отечественной войны как объекты культурного наследия: реалии, проблемы и перспективы	147
Брижицкая С.А. Могила и музей Тараса Шевченко в Каневе в 1941–1944 гг.: гуманитарный аспект	153
Давидовская О.Н. «Витебская область в годы Великой Отечественной войны» (о первой послевоенной выставке Витебского областного краеведческого музея)	160
Станкевич Ю.В., Свилас С.Ф. О праздновании 8 мая в Германии ...	164
Давидович А.В. Изобразительное искусство Беларуси 1941–1945 гг. как хранитель памятных событий военных лет	168
Лагвіненка С.М., Півавар М.В. Падрыхтоўка Віцебскага кадэцкага вучылішча да святкавання 75-годдзя Перамогі ў Вялікай Айчыннай вайне	172
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	178

Раздел 1 ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Новікаў С.Я.

ЗАБЫТЫЯ СТАРОНКІ ВЫЗВАЛЕННЯ БЕЛАРУСІ Ў КАНЦЫ 1943 – ПЕРШАЙ ПАЛОВЕ 1944 ГОДА: КРЫНІЦАЗНАЎЧЫ АНАЛІЗ НОВЫХ НЯМЕЦКІХ ДАКУМЕНТАЎ

Важкай падставай для сцвярджэння аб забытых ці нават невядомых старонках гісторыі вызвалення Беларусі для аўтара гэтых радкоў з’яўляецца той факт, што ўсебаковае даследаванне гісторыі баявых дзеянняў Чырвонай арміі на этапе вызвалення ўсходніх і паўднёвых беларускіх раёнаў, нягледзячы на з’яўленне ў апошнія гады грунтоўных навуковых прац [1; 2; 3; 4], пакуль што застаецца з асобнымі «белымі плямамі» у сучаснай беларускай і расійскай гістарыяграфіі [5; 6]. У іх пераліку без належных адказаў дагэтуль знаходзяцца вельмі складаныя гістарычныя пытанні, напрыклад: 1) аб перабежчыках (Überläufer – ням.) ці савецкіх дэзерцірах, г. зн. тых, хто самавольна пакідаў вайсковыя часці або месцы нясення службы ці нават поле бою; 2) савецкіх ваеннапалонных, якія, як высветлілася, і на этапе вызвалення Беларусі траплялі ў нямецкі палон падчас правядзення Чырвонай арміяй наступальных аперацый (Гомельска–Рэчыцкай, 10–30.11.1943 г.; Калінкавіцка–Мазырскай, 8–30.01.1944 г.; Рагачоўска–Жлобінскай, 21–26.02.1944 г.; Палеская, 15.03 – 4.04.1944 г.); 3) аб фактычным удзеле штрафных рот Чырвонай арміі, якія дзейнічалі, як правіла, у агульных баявых парадках пры вызваленні Беларусі: гэта значыць, у вырашэнні аператыўна асабліва важных ці надзвычай цяжкіх баявых задач па разведцы боем, штурму і заняцці абарончых пазіцый праціўніка, прарыву ўзмоцненых рубяжоў для забеспячэння наступлення разам з іншымі савецкімі часцямі і інш.

У першую чаргу паставім прынцыповае пытанне аб тым, ці даследавалася гэтая тэматыка айчынай гістарычнай наукай увогуле і ў якой ступені згаданыя гістарычныя з’явы вядомы шырокаму беларускаму чытачу калектыўных даследаванняў ці аўтарскіх манаграфій у прыватнасці? З айчынай літаратуры больш менш у апошні час стала вядомай тэма аб афіцэрскіх штрафных батальёнах – гэтак званых штрафбатах [7; 8; 9; 10, 11], якія, як вядома з загада Наркама абароны СССР № 227 ад 28.07.1942 г. (у літаратуры вядомы пад назвай «Ні кроку назад!»), фарміраваліся на кожным фронце ў залежнасці ад баявых абставін у колькасці ад адной да трох адзінак. У іх склад накіроўваліся сярэднія і старэйшыя камандзіры і палітработнікі, абвінавачаныя ў «парушэннях дысцыпліны». Такія суровыя пакаранні выносілі камандуючыя і ваенныя

саветы франтоў у дачыненні да камандзіраў рот, батальёнаў, палкоў, камісараў і палітработнікаў, якія адступілі без загаду зверху, таму аб'яўляліся «здраднікамі Радзімы». Адзіным шляхам да зняцця такога пакарання было сплочванне крывёю абавязку перад Радзімай. Пасля чаго ім вярталіся ранейшыя воінскія званні, узнагароды, правы, а для праходжання далейшай службы яны маглі быць накіраваны ў іншыя часці.

У гэтай сувязі зададзімся чарговым пытаннем адносна таго, а наколькі беларускі чытач здолее самастойна разабрацца ў такіх складаных і супярэчлівых аспектах праблемы, асабліва ва ўмовах захавання ў грамадстве ў дачыненні да штрафных рот выключна ідэалагічных ацэнак, калянавуковых стэрэатыпаў і адсутнасці пры гэтым спецыяльных навуковых даследаванняў. Адразу ж нагадаем, што ў канцы нулявых гадоў пабачыла свет праца, прысвечаная толькі аднаму са штрафбатаў, які прымаў удзел у вызваленні Лоева, Гомеля, Рагачова і Жлобіна ў складзе 1-га Беларускага фронту [10]. Гэта гісторыка-дакументальнае выданне было прысвечана 8-му асобнаму штрафному батальёну, аўтарам якога з'яўляўся адзін з яго непасрэдных удзельнікаў – камандзір роты аўтаматчыкаў, потым адной з рот гэтага батальёна лейтэнант Пыльцын А.В. Як ён сам адзначае ў прадмове да кнігі, успаміны паказваюць толькі некаторыя баявыя эпізоды гісторыі батальёна, якія ўдалося аднавіць для чытача дзякуючы не толькі ўласных успамінам, але ў значнай меры чаргу працы аўтара з дакументамі Падольскага ваеннага архіва. Баявы афіцэр звяртае ўвагу на тое, што ў 1944 г. сярэднямесячныя страты пераменнага складу забітымі, памерлымі, раненымі і хворымі перавышалі ў 3–6 разоў узровень страт асабовага складу звычайных войскаў [10, с. 425].

Аднак Пыльцын А.В. пакідае ў сваёй кнізе без аніякай увагі большасць з акрэсленых вышэй аспектаў гэтай складанай тэмы, засяроджваючы ўвагу толькі на асобных старонках гісторыі ўдзелу 8-га штрафнога батальёна ў баях за вызваленне Беларусі. Пасля знаёмства з выданнем у чытача застануцца шматлікія пытанні аб падобных па сваім найменні баявых падраздзяленнях Чырвонай арміі – штрафных ротах? Галоўным з іх з'яўляецца наступнае: наколькі масавай з'явай у Чырвонай арміі былі штрафнікі? Колькі салдат, сяржантаў і афіцэраў (пастаяннага і зменнага складу) прайшлі праз такія вайсковыя падраздзяленні ў ходзе вызвалення Беларусі? У чым вызначаліся асаблівасці выкарыстання сяржанцка-салдацкіх і афіцэрскіх штрафных рот пры вырашэнні баявых задач? Як вызначалася аснова для камплектавання штатнага складу савецкіх падраздзяленняў падобнага роду? Чаму да гэтага часу не апублікаваны ўспаміны хоць кагосьці з тых, хто ваяваў у штрафных ротах, здолеў выжыць у баях, але так і не распавёў пра гэта на старонках газет, часопісаў ці кніг? Няўжо ніхто не хацеў раскажаць праўду аб такіх франтавіках? Ці ёсць таму іншыя прычыны, чаму не знайшоўся ніхто, хто

б з апорай на ўспаміны ці малавядомыя факты, якія мелі месца ў гісторыі, здолеў бы паведаць нашчадкам аб такіх унікальных падраздзяленнях Чырвонай арміі, якія змагаліся за вызваленне Беларусі.

У гэтай сувязі ўзнікае галоўнае пытанне – чаму гэта тэма да цяперашняга часу не знайшла свайго даследчыка ў сучаснай беларускай гістарыяграфіі, не стала прадметам даследавання ў навуковых працах, чаму застаецца без крытычнага аналізу. Нагадаем чытачу, што ў савецкі час тэма штрафных рот наўмысна замоўчвалася як у літаратуры, так і ў друку, а таксама ў сродках масавай інфармацыі. Ці такое замоўчванне працягваецца і надалей па той простае прычыне, што гэта катэгорыя удзельнікаў баявых дзеянняў не знаходзіла свайго замацавання ў савецкай канцэпцыі Вялікай Перамогі? Звернемся да прававых асноў фарміравання штрафных падраздзяленняў. Паводле загаду № 227, дзе ў якасці штрафніка разглядаліся «вінаватыя ў парушэнні дысцыпліны па баязлівасці або няўстойлівасці», а таксама тыя чырвонаармейцы, хто наўмысна на невыкананне загаду, членашкодніцтва, уцякаў з поля бою ці спрабаваў перайсці да ворага. Таму штрафнікі ставіліся на найбольш цяжкія ўчасткі арміі, каб даць ім магчымасць сплаціць крывёю свае злчынствы перад Радзімай [12, с. 251].

Зразумела, што для паказу гэтай складанай і надзвычай супярэчлівай праблемы прафесійнымі гісторыкамі асабліваю каштоўнасць будучы уяўляць дакументальныя крыніцы, якія могуць утрымліваюць звесткі аб такіх малавядомых вайсковых падраздзяленнях, іх асабістым і колькасным складзе, узросце, падрыхтоўцы, узбраенні, нацыянальнасці і г.д. Асабліва важным фактарам для вывучэння гэтай тэматыкі можна назваць увядзенне ў шырокі ўжытак новых крыніц, якія ўтрымліваюць звесткі аб штрафных ротах. Мажліва, што для напісання іх усебаковай пакуль недастаткова не толькі дакументальных крыніц, але і гістарычных звестак.

Таму аўтара гэтых радкоў прапануе разгляд некалькіх даволі важных аспектаў для даследавання гісторыі штрафных рот у ходзе вызвалення Беларусі ўвосень 1943 – пачатку 1944 г. У нашым выпадку размова вядзецца пра нямецкія дакументы, якія ўяўляюць сабой рэгулярныя данясенні аддзела выведкі і контрвыведкі штаба 9-й нямецкай палявой арміі. Перш-наперш звернем увагу чытача на тое, што практычна ўпершыню ў беларускай гістарыяграфіі размова будзе весціся пра шматлікія прыклады фактычнага ўдзелу радавых, сяржантаў і афіцэраў у баях па вызваленні канкрэтных беларускіх населеных пунктаў, дзе побач з гераічнай і трагічнай тэматыкай гістарычнымі фактамі вайны была такая няпростая з’ява, як штрафныя роты, штрафнікі і гісторыя іх баявой дзейнасці. Апроч таго, за рамкамі гэтай гісторыі застаюцца не менш важныя жыццёвыя аспекты ваеннага мінулага, звязанага не толькі з гібеллю саміх штрафнікоў, але і з надзвычай цяжкім лёсам іх сямей, не ў першую чаргу жанчын ці бязвінных удоў, якія пасля вайны неслі крыж

матуль ці жонак здраднікаў Радзімы. Пра такія гістарычныя сюжэты айчынная гістарыяграфыя ці літаратары пакуль што маўчаць.

Таксама нагадаем, што на лініі наступлення Беларускага фронту рубяж абароны трымала 9-я нямецкая палявая армія, якая знаходзілася на правым крыле групы армій «Цэнтр» і з канца 1943 г. і ў пачатку 1944 г. адказвала за ўтрыманне абароны на даволі знаным участку ад Новага Быхава на поўначы да Жыткавіч на поўдні. Гэтая лінія пастаянна змянялася на асобных участках фронту ў напрамку на захад, што было вынікам паспяховага наступлення сіл Беларускага фронту (з красавіка 1944 г. – 1-га Беларускага фронту). Паводле нямецкіх звестак, на участку абароны 9-й германскай палявой арміі колькасць савецкіх дзеючых стралковых дывізіяў дасягала 39 з 11, 48, 50, 61, 65 і 63 армій [13, S. 529].

Паводле загада № 227, правам на фактычнае стварэнне штрафных рот надзяляліся ваенныя саветы армій і перш за ўсё камандуючыя арміямі, якія маглі сфарміраваць на рубяжы дзейнасці арміі ад пяці да дзесяці (гледзячы на абставіны) штрафных рот (ад 150 да 200 чалавек у кожнай), куды накіраваць радавых байцоў і малодшых камандзіраў, якія правінаваціліся ў парушэнні дысцыпліны па баязлівасці ці няўстойлівасці, і паставіць іх на цяжкія ўчасткі арміі, каб даць ім магчымасць сплаціць крывёю свае злачынствы перад Радзімай [12, с. 251]. Нагадаем, што ў плане аператыўнага падпарадкавання штрафныя роты былі прыдадзены палкам, якія забяспечвалі штрафнікоў усім неабходным, выдавалі ўзбраенне, боезапасы, вызначалі канкрэтнае заданне.

Крыніцазнаўчы аналіз нямецкіх архіўных матэрыялаў дазваляе даць адказ на пастаўленыя вышэй пытанні толькі ў некаторай ступені. У нашым выпадку размова вядзецца пра трафейную калекцыю «Александрыйскіх мікрафільмаў» [14, с. 60–69], у якіх захаваліся данясенні аддзела выведкі і контрвыведкі, падрыхтаваныя штабам 9-й нямецкай палявой арміі. Аснову данясенняў складалі звесткі, атрыманыя ў ходзе допытаў савецкіх ваеннапалонных і перабегчыкаў па некалькіх важных пазіцыях, звязаных з: 1) баявымі часцямі (іх баяздольнасцю, баявой моцы, складам, узбраеннямі, стратамі); 2) папаўненнем (адукацыяй, узростам, нацыянальным паходжаннем); 3) выкарыстаннем на вайскавай службе жанчын; 4) санітарным станам і ўмовамі гігіены; 5) газавай вайной; 6) савецкімі ўзбраеннямі і тэхнічным забеспячэннем; 7) уздзеяннем нямецкай зброі; 8) настроем у савецкіх вайсковых падраздзяленнях; 9) настроем і становішчам у тыле; 10) прапагандай і абслугоўваннем часцей; 11) падставамі для пераходу да немцаў; 12) умовамі харчавання і забеспячэння; 13) транспартам; 14) эканомікай і прамысловасцю; 15) абыходжаннем з нямецкімі ваеннапалоннымі; 16) рознымі пытаннямі; 17) нумарам палявой пошты [15, К. 7915486, 7915538, 7915607, 7915640, 7915662, 7915689, 7915724, 7915847, 7915945, 7915994, 7916040, 7916135,

7916140, 7916182, 7916186, 7916202, 7916227, 7916245, 7916272, 7916286, 7916310, 7916328].

На цяперашні час аўтарам выяўлена і апрацаваны матэрыялы 23 данясенняў, якія ахопліваюць перыяд ад 2 лютага па 9 чэрвеня 1944 г., і былі датаваны: 2.01.44, 11.01.44, 18.01.44, 23.01.44, 28.01.44, 4.02.44, 12.02.44, 23.02.44, 7.03.44, 12.03.44, 17.03.44, 24.03.44, 28.03.44, 31.03.44, 6.04.44, 13.04.44, 21.04.44, 27.04.44, 11.05.44, 21.05.44, 1.06.44, 9.06.44, 22.06.44. Як бачна, гэта былі данясенні, якія рэгулярна (раз на 5, 10 і 15 дзён) рыхтаваліся афіцэрамі армейскага штабнага аддзела выведкі і контрвыведкі на падставе атрыманых звестак. Кожнае з такіх данясенняў дасягала даволі значных тэкставых памераў: данясенне № 21 ад 21.05.1944 г. мела самы меншы памер толькі ў 13 старонак, тады як першае вясновае данясенне № 9 ад 7.03.1944 г. утрымлівала матэрыял на 72 старонках. У іх змяшчаліся самыя розныя звесткі, тэматычна падзеленыя паводле прыведзеных вышэй крытэрыяў, а таксама факты, якія не сустракаюцца ў існуючым на цяперашні час гістарычным наратыве: або размова ідзе пра сістэматызаваныя звесткі пра назвы вайсковых часцей, нумароў дывізіяў, палкоў, батальёнаў і рот, або даецца характарыстыка ўкамплектавання ўзбраеннямі канкрэтнага падраздзялення з прывядзеннем іх колькасных даных, або прыводзіцца падрабязная геаграфія перамяшчэння вайсковых часцей, згадваюцца імёны асобных камандзіраў батальёнаў, палкоў, дывізіяў і г.д. Адным з самых сур'ёзных недахопаў нямецкіх дакументаў для даследчыка можна назваць амаль поўную адсутнасць імёнаў і прозвішчаў радавых, сяржантаў і малодшага афіцэрскага складу, нягледзячы на тое, што даюцца звесткі пра ўзрост і вайсковую часць, у якой чырвонаармеец праходзіў вайсковую службу на момант палону ці наўмыснага пакідання сваіх баявых пазіцый з мэтай пераходу да ворага.

Прывядзём кароткі крыніцазнаўчы аналіз зместу данясенняў у аспекце паказу некаторых фактаў вайскавай паўсядзённасці, якая па цяперашні час у такім вымярэнні практычна застаецца па-за межамі навуковых даследаванняў.

Перш за ўсё прывядзём агульную колькасць тых, хто ў канцы 1943 – першай палове 1944 г. стаў аб'ектам практычнай дзейнасці нямецкай выведкі і контрвыведкі. З данясенняў вынікае, што за крыху больш чым за паўгода праз армейскі штабны аддзел прайшлі звесткі на 1960 чырвонаармейцаў розных вайсковых званняў, пачынаючы ад радавога без імя і прозвішча, але са звесткамі пра год нараджэння, прыналежнасць да вайскавай часці, данымі пра ўзбраенне, і завяршаючы маёрам, камандзірам палка 110-й гвардзейскай стралковай дывізіі. Менавіта такая колькасць савецкіх радавых ва ўзросце ад 1893 да 1925 гадоў нараджэння, сяржантаў (2 яфрэйтараў, 9 малодшых сяржантаў, 16 сяржантаў і 10 старшых сяржантаў і 2 старшын) і афіцэраў (11 малодшых лейтэнантаў, 17 лейтэнантаў, 10 старшых лейтэнантаў і 1 капітана) патрапіла ў нямецкі

палон. Адзначым, што данясенні ўтрымліваюць звесткі, якія раскрываюць агульную карціну палону чырвонаармейцаў на працягу гэтага часу, адпаведна: у студзені ў палон патравілі 300 чалавек, у лютым – 359, сакавіку – 907, красавіку – 30, маі – 1 і ў чэрвені – 17. У той жа час з 23 данясенняў толькі 16 утрымліваюць звесткі пра штрафнікоў, пачынаючы з першага данясення ад 2.01.1944 і завяршаючы апошнім данясеннем № 24 ад 22.06.1944 г. За гэты ж час пакінулі свае баявыя пазіцыі і перабеглі да праціўніка, г. зн. дэзерціраваў 161 чырвонаармеец ці 8,2%, з якіх: у студзені – 25 чалавек, у лютым – 36, у сакавіку – 58; красавіку – 27, у маі – 4, у чэрвені – 14 чалавек.

У прыведзеную лічбу ўваходзяць таксама 109 ці 4,37% штрафнікоў, з якіх 102 служылі ў штрафных ротах, а 7 з'яўляліся афіцэрамі асобных штрафных батальёнаў, якія ўдзельнічалі ў вызваленні Беларусі ў пачатку 1944 г. [15, К. 7915486–5502, 7915538–5549, 7915607–5616, 7915640–5645, 7915662–5671, 7915689–5699, 7915724–5737, 7915772–5790, 7915847–5870, 7915945–5962, 7915994–6007, 7916040–6058, 7916109–6113, 7916163–6168, 7916187–6189, 7916203–6206, 791628–6231, 7916227–6231, 7916246–6247, 7916273–6276, 7916287–6290, 7916311–6313, 7916328–6332].

Паводле нямецкіх дакументаў атрымліваецца, што штрафнікі належалі да двух штрафбатаў (8-га і 33-га, які дзейнічаў пры 115-й стралковай брыгадзе), а таксама пяці штрафных рот (2-й роты 217 стралковай дывізіі, 188-й пры 42-м танкавым палку, 192-й, 257-й пры 1201-м стралковым палку 354-й стралковай дывізіі, 258-й пры 210-м стралковым палку 82-й стралковай дывізіі, 260-й пры 253-й стралковай дывізіі). Тады як савецкія ваеннапалонныя паходзілі з некаторых вышэй названых і іншых штрафных рот, у тым ліку: 33-га штрафбата пры 63-й арміі, 187-й штрафной роты, 188-й штрафной роты ў складзе 48-й арміі, 189-й штрафной роты пры 175 стралковай дывізіі, 190-й штрафной роты пры 307-й стралковай дывізіі, 192-й штрафной роты пры 102-й стралковай дывізіі, 257-й штрафной роты пры 354 стралковай дывізіі 65-й арміі, 258-й штрафной роты пры 210-м стралковым палку 82-й стралковай дывізіі, 262-й штрафной роты пры 193-й стралковай дывізіі, 263-й штрафной роты пры 303-м стралковым палку 69-й стралковай дывізіі [15, К. 7915486–5502, 7915538–5549, 7915607–5616, 7915724–5737, 7915847–5870, 7915945–5962, 7915994–6007, 7916040–6058, 7916109–6113, 7916187–6189, 7916203–6206, 791628–6231, 7916227–6231, 7916246–6247, 7916311–6313, 7916328–6332].

Наяўныя нямецкія матэрыялы даюць магчымасць скласці ўзроставую характарыстыку савецкіх дэзерціраў, а таксама выявіць некаторыя адметнасці. У першым выпадку бачна, што з агульнай колькасці 17 перабежчыкаў ці 10,6% былі народжаны ў другой палове 1890-х гадоў. Выключэннем быў толькі адзін чырвонаармеец, народжаны ў 1894 г. Трое з гэтай колькасці служылі ў штрафных ротах. У наступнай узроставай групе належала амаль трэць былых чырвонаармейцаў – 46 чалавек (28,7%),

з якіх 6 служылі ў штрафных ротах. Самую вялікую групу складалі народжаныя ў дзясятыя гады XX стагоддзя – 55 чалавек (34,3%), з іх толькі 8 ці 14,5% служылі ў штрафных ротах. На апошнюю групу, якая ахоплівае толькі 5 першых гадоў трэцяга дзесяцігоддзя, прыпадае 43 дэзерціраў (26,8%), з якіх 23 чалавека былі маладзейшыя за 20 гадоў, адзін з іх быў 1926 года нараджэння, г.зн толькі 18-гадовым юнаком. Заўважым, што 13 чалавек ці 30,2% былі народжаны ў 1924 г. З агульнай колькасці перабежчыкаў 30 чалавек ці 18,75% паходзілі з штрафных рот і батальёнаў. Сярод перабежчыкаў 9 мелі вайсковыя званні, у тым ліку: 1 капітан, 4 лейтэнанты, 1 – малодшы лейтэнант, 2 сяржанты і 1 малодшы сяржант.

Звернемся да данясення № 1 ад 2.01.1944 г. [16, К. 7915486–513]. На наш погляд, асаблівую навуковую каштоўнасць маюць разведвальныя звесткі, атрыманыя ў адзеле нямецкай выведкі ў дачыненні да складу аднаго з гвардзейскіх стралковых палкоў 38-й гвардзейскай стралковай дывізіі (камандзір палка палкоўнік Шчарбакоў), якая разам з 110 і 113 гвардзейскімі стралковымі палкамі ўваходзіла ў склад LXXXXV гвардзейскага стралковага корпуса. Па стане на 11.11.1943 г. полк быў укамплектаваны ў складзе 523 чалавек (32 афіцэры, 77 сяржантаў і 414 радавых), з якіх 472 (з іх 3 афіцэры, 65 сяржантаў і 404 радавых) з'яўляліся новым папаўненнем, з іх 260 чалавек ужо былі ўдзельнікамі баёў, 22 былі членамі партыі, 49 прадстаўлялі саюз камуністычнай моладзі і 11 чалавек мелі ўзнагароды, у тым ліку 5 афіцэраў і 6 сяржантаў. З агульнай колькасці 473 чырвонаармейцы ці 90,5% прадстаўлялі рускіх – 275, украінцаў – 169 і беларусаў – 33, астатнія 50 чалавек былі прадстаўнікамі розных нацыянальнасцей, сярод іх 9 – татараў, 6 – узбекаў, 6 – мардвіны, 3 – чувашы, 1 грузін, 1 – армянін і 20 прадстаўнікоў іншых нацыянальнасцей. Па ўзросце штатны склад падзяляўся на тых, хто быў народжаны раней чым у 1896 г. – 5 чалавек, 27 былі народжанымі ў прамежку паміж 1896 і 1898 гг., 31 – з 1898 па 1901, 50 – з 1902 па 1904, 26 – з 1905 па 1907, 34 – з 1908 па 1910, 52 – з 1911 па 1913, 29 – з 1914 па 1916, 80 – з 1917 па 1919, 85 – з 1920 па 1922, і 104 – з 1925 па 1925 г. Гэта азначае, што 298 чалавек ці 56,9% полк складалі чырвонаармейцы ва ўзросце да 30 гадоў.

З данясення № 2 ад 11.01.1944 г. [17, К. 7915539–5579] мы даведваемся аб іншым вайсковым падраздзяленні – гвардзейскім лыжным батальёне 37-й гвардзейскай стралковай дывізіі (камандзір дывізіі – генерал-маёр Ушакоў), сфарміраваным у перыяд з 5 па 15 лістапада 1943 г., узброеным 8 снежня, але да канца года заставаўся без лыж. На працягу трох тыдняў праводзілася тактычная падрыхтоўка з працяглымі маршамі. На момант яго камплектавання камандзірам быў маёр Гранкін, на 29.12.1943 г. яго колькасць складала 364 чалавекі, у тым ліку: у склад 1-й стралковай роты ўваходзілі 99 чалавек, 2-й – 102, ўзвод выведкі складаў 23 чалавекі, узвод мінамётчыкаў – 36, танкавы каміндзірскі ўзвод – 20 чалавек, сапёрны ўзвод – 19, узвод падпальшчыкаў – 11, узвод сувязі – 11, санітарны

ўзвод – 7, гаспадарчы ўзвод – 22 чалавекі. Пры гэты згадвалася, што на працягу толькі апошняга тыдня снежня 1943 г. батальён згубіў 9 чалавек забітымі, 9 – параненымі і 3 зніклымі без звестак.

Адзначым, што ў гэтым жа данясенні прыведзены звесткі, датычныя 84 чырвонаармейцаў, якія патрапілі ў палон да немцаў, але памерлі на працягу апошняга месяца. Паводле іх салдацкіх кніжак аддзел нямецкай выведкі склаў наступную карціну: па ўзросце адзін з памерлых быў 1893 г., 14 былі народжанымі з 1894 па 1903 г, 27 – 1904 па 1913, 35 – з 1914 па 1923, 2 былі з 1924 і 5 з 1925 году нараджэння. У аспекце адукацыі звесткі былі такія: не ўмелі чытаць і пісаць – 17 чалавек, скончылі 3 класы школы – 15, 4 гады – 12, навучаліся ад 5 да 7 класаў – 27 чалавек, 12 – скончылі ад 8 да 10 класаў, вышэйшую адукацыю меў 1 чалавек. Па кваліфікацыі: рабочымі былі 25 чалавек, сялянскае паходжанне мелі 45 чалавек, служачыя – 10, навучэнцы – 4. Членамі камуністычнай партыі большавікоў былі 7 чалавек, кандыдатамі ў партыю – 3, камсамольцамі – 3, беспартыйнымі – 71 чалавек. Па вайсковых званнях яны падзяляліся на камандзіраў і палітработнікаў – 4 чалавека, старшых лейтэнанты – 3, лейтэнанты – 5, малодшыя лейтэнанты – 5, старшыня – 1, сяржанты – 5, малодшыя сяржанты – 1, яфрэйтар – 1, радавыя – 34, былыя цывільныя грамадзяне – 24, былы партызан – 1. У дакуменце прыводзіліся звесткі аб прыналежнасці да вайсковых часцей на ўзроўні дывізіяў і штрафных рот, у тым ліку: 16 чалавек служылі ў 4 (5), 8 (1), 55 (1), 73 (1) стралковых дывізіях, у 37 (5), 38 (2), 44 (1) гвардзейскіх стралковых дывізіях; наступныя 35 праходзілі вайсковую службу ў 108 (1), 110 (20), 139 (1), 169 (1), 170 (8), 197 (1) і 260 (2) стралковых дывізіях, 33 – у 283 (3), 323 (1), 348 (1), 362 (12), 413 (1) стралковых дывізіях; 5 служылі ў 176-й штрафной роце і астатнія 10 у іншых вайсковых часцях. Па нацыянальнай прыналежнасці яны складалі наступную карціну: 45 рускія, 8 – украінцаў, 12 – беларусаў, палякаў – 1, што складала 66 чалавек ці 78,5%; мардовы і чувашы складалі 2 чалавекі ці 2,5%, армяне і азербайджанцы – 2 чалавека (2,5%), 13 чалавек уключалы 10 узбекаў, 1 казах і 2 туркмены ці 15,5% і 1 з 84 памерлых быў яўрэй (1%).

Данясенне № 6 ад 4 лютага 1944 г. [18, К. 7915689–5721] дае чытачу магчымасць пазнаёміцца з падобным дадаткам, у якім размова ідзе пра 63 чырвонаармейца, якія загінулі за першы месяц новага 1944 года. У дачыненні да пасадак, якія займалі яны: 11 – маёры, 1 старшы лейтэнант, 5 лейтэнантаў, 6 – малодшых лейтэнантаў, 1 – старшыня, 1 – старшы сяржант, 2 – сяржанты, 1 – малодшы сяржант, 34 – радавыя і 11 – грамадзянскіх асоб; з 63 чалавек 32 былі рускімі, 7 – украінцамі, 4 – беларусы, усяго 69% славян і 31% іншых прадстаўнікоў, у тым ліку: 1 – чуваш, 3 – азербайджанцы, 6 – узбекаў, 1 – кіргіз, 1 – трукмен, 3 – таджыкі, 5 – казахаў. З вышэйшай адукацыяй не было нікога, ад 7 да 10 класаў навучання ў школе – 19 чалавек, ад 5 да 6–11, 4-класная адукацыя – 8,

ад 1 да 3 класы – 12, неадукаваныя – 13. Па ўзросце: з 1926 году – нікога, з 1925 – 4, 1924 – 6, з 1914 па 1923 – 20, з 1904 па 1913 – 24, 9 – 1893 па 1903 г. Па партыйнай прыналежнасці: члены партыі – 3, кандыдаты – 5, камсамольцы – 6, беспартыйныя – 49; сацыяльнае паходжанне: з сялян – 31, з рабочых – 23, служачых – 9. Прыналежнасць да вайсковых часцей: 5 чалавек – 33 сд, 5 чалавек – 60 сд, 4 чалавекі – 137 сд, 6 чалавек 307 сд, 6 чалавек 399 сд, па адным ці 2 чалавекі з розных часцей – 37 чалавек.

Не менш цікавым з’яўляюцца для чытача звесткі, падрыхтаваныя аддзелам выведкі ў дачыненні да нормаў харчовага забеспячэння чырвонаармейцаў у разліку на 1 дзень. Заўважым, што звесткі прыведзены на аснове допыту начальніка пункта забеспячэння 1090 стралковага палка лейтэнанта Віслабокава. Адпаведна ім чырвонаармейцы штодня атрымлівалі: 1) хлеба чорнага – 900 грам, з якіх 100 гр маглі быць заменены бульбай; 2) хлеба белага 2-га сорту – 20 гр.; 3) круп – 140 гр.; 4) макаронаў – 30 гр.; мяса – 180 гр.; 6) рыбы – 0 гр.; соевай мукі – 15 гр.; 8) тлушчы – 30 гр.; 9) алею – 20 гр.; 10, цурку – 35 гр.; чаю – 1 гр.; солі – 30 гр.; гародніны: бульбы – 500 гр., капусты – 170 гр., морквы – 45 гр, буракоў – 40 гр, цыбулі – 30 гр, агуркоў і супу з гародніны – 35 гр.; 14) таматнай пасты – 6 гр, 15) лаўровы ліст – 0,2 гр, 16) перцу – 0,3 гр.; 17) воцату – 2 гр.; 18) гарчычнага парашку – 0,3 гр.; 19) махоркі – 20 гр.; 20) запалак на месяц – 3 каробкі; 21) паверу для цыгарэт на месяц – 7 блокаў; 22) мыла туалетага – 200 гр.

У данясенні № 7 ад 12.02.1944 г. [19, К. 7915724–5771] прыведзены малавядомыя звесткі, якія сведчаць аб тэхнічным забеспячэнні вайсковых часцей у студзені 1944 г. З дакумента вынікае, што аб’ёмы розных паставак выраслі, з якіх: 8,7% былі адрамантаваны; 0,6% складалі пастаўкі для тылавых службаў, рэзервовых частак і абозаў, 90,7% – былі новымі пастаўкамі для вайсковых часцей. З папаўнення прыбылі без адукацыі – 9,3%, пасля кароткатэрміновай падрыхтоўкі – 33,0%, 57,7% рыхтаваліся ад 1 да 12 месяцаў. У плане нацыянальнасці: рускія складаюць – 67,2%, іншыя нацыянальнасці – 32,8%. Па ўзросце: 1926 год – 2,7%, 1925 – 15,8%, 1918 – 1924 – 29,4%, ад 1908 – да 1917 – 27,9%, з 1890 – па 1907 – 16,5%, і нішэй 1898 года – 7,7%.

Такія дасканалыя звесткі былі не выпадковымі. Паколькі ў аснове падрабязных допытаў ваеннапалонных і перабежчыкаў ляжалі апытальнікі, якія налічвалі дзясяткі самых розных пытанняў, у тым ліку: 1) пытанні асабістага кшталту, прыналежнасці да вайскавай часці, месца і абставіны палону, а таксама характару баявой дзейнасці падраздзялення Чырвонай арміі і г.д.; 2) пытанні прафесійнай адукацыі, пачатку службы ў войску, настрою сярод радавых і афіцэраў, адносін да вайны і інш.; 3) характарыстыкі вайсковых падраздзяленняў, іх узбраенняў, штатнага складу часцей, дзейнасці розных відаў узбраенняў, папаўнення і г.д.; 4) якія баявыя задачы выконваюць падраздзяленні на баявым участку наступлення ці абароны, што вызначана ў якасці аб’екта цэнтральнага ўдару, якія тактычныя сродкі выкарыстоўвае

баявой падраздзяленне і інш.; 5) характарыстыка поля бою з дакладнымі звесткамі (лакалізацыяй на карце), дакладныя звесткі пра лінію абароны, умацаванні, выкарыстанне палявых умацаванняў, мінных палёў і г.д.

Сярод матэрыялаў рознага кшталту хацелася б звярнуцца да некаторых дакладных даных, у першую чаргу персанальнага характару. У данясенні № 22 ад 1.06.1944 г. [20, К. 7916286–6308] змешчаны матэрыялы, якія на допыце пакінуў 16-гадовы чырвонаармеец, узяты ў палон у раёне г. Жлобіна. Менавіта ў той раён было накіравана пасля кароткай тактычнай і практычнай падрыхтоўкі стралковае падраздзяленне ў складзе 150 чалавек, галоўным чынам расійскіх юнакоў з Кіраўскага раёна РСФСР. Гэта была моладзь 1927/1928 гадоў нараджэння, сабраная ў складзе асобнага вучэбнага батальёна, які складаў 6 рот па 150 чалавек. Увогуле ў падраздзяленні атрымалі падрыхтоўку амаль каля 1000 чалавек. 15 лютага 1944 г. быў сфарміраваны эшалон і накіраваны ў раён г. Рэчыца, адкуль пешым маршам дабіраўся ў напрамку Жлобіна. У адным з лясных масіваў наша падраздзяленне было перададзена ў склад 40-й стралковага палка 102-й стралковай дывізіі.

З данясення вынікае, што у часці старэйшыя таварышы смяліся з такога папаўнення, паколькі рост некаторых з іх не дасягаў 1,40 м. Паўсюдна гучала крыўдныя заўвагі, што цяпер вайну хочучь выйграць пры дапамозе малакасосаў. Хоць на справе старэйшыя таварышы былі пасяброўску настроены і ставіліся са спачуваннем. Выдадзеная форма была для нас завялікай. Пры маршыраванні мы цапляліся за полы шыняля або грукалі прыкладам вінтоўкі аб зямлю. 10 сакавіка, калі немцы пачалі наносіць баявы ўдар, я застаўся з-за страху ляжаць на зямлі і патрапіў у палон. У час гэтых баявых дзеянняў я быў вельмі ўражаны, асабліва калі пабачыў, што наша рота ў складзе 250 чалавек была цалкам разбіта і ў палон патравілі разам са мной яшчэ 28 параненых чырвонаармейцаў. Астатнія мае аднагодкі за часам нямецкага ўдару хутчэй за ўсё загінулі. Калі нас адпраўлялі на фронт у якасці папаўнення ў складзе стралковага батальёна, нам казалі, што немцы вельмі слабыя, што іх можна будзе выгнаць з захопленай тэрыторыі вельмі лёгка. Руская прапаганда настолькі запэўніла нас, што мы паверылі, што здолеем гэта зрабіць нараўне з дарослымі. Але на справе гэты было не так.

Такім чынам, першаснае знаёмства нават з некаторымі нямецкімі данясеннямі, дазваляе не толькі значна пашырыць уяўленні пра малавядомую дакументальную базу, але і атрымаць важныя звесткі для больш глыбокага вывучэння асобных старонак гісторыі першапачатковага вызвалення Беларусі. Уведзены матэрыял актуалізуе пытанне аб неабходнасці пастаноўкі на парадак дня сучаснай беларускай гістарыяграфіі адну з актуальных задач па крытычным аналізе падзей мінулага з мэтай максімальна поўнай рэканструкцыі гісторыі Беларусі перыяду Вялікай Айчыннай войны. У пераліку такіх задач павінна стаяць

праца па ўвядзенні ў шырокі ўжытак малавядомых гістарычных фактаў, без якіх на цяперашні час ужо немагчыма правядзенне ўсебаковага даследавання па згаданай праблематыцы. Відавочна, што фарміраванне новага інфармацыйнага кантэнта патрабуе не толькі ўвядзенне малавядомых нямецкіх крыніц, але і выкарыстанне метаду кампаратыўнага аналізу для далейшага аб'ектыўнага навуковага даследавання ваеннай мінуўшчыны.

Аналіз эмпірычных фактаў, выяўленых аўтарам гэтых радкоў сярод матэрыялаў калекцыі «Александрыйскія мікрафільмы», сведчыць аб невычэрпнасці крыніцазнаўчага патэнцыялу, які захоўваюць арыгінальныя нямецкія дакументы, пакуль не ў дастатковай меры выкарыстаныя беларускімі і замежнымі даследчыкамі для ўсебаковага вывучэння гісторыі вызвалення Беларусі ўвосень 1943 – пачатку 1944 г.

1. Освобождение Беларуси. 1943–1944 / редкол.: И.И. Басик [и др.]. – Минск : Беларуская навука, 2014. – 942 с.
2. Беларусь: памятное лето 1944 года : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков, Минск, 19–20 июня 2014 г. / редкол.: А.А. Коваленя [и др.]. – Минск : Беларуская навука, 2015. – 568 с.
3. Здановіч, У.В. Новыя падыходы да вывучэння вызвалення Беларусі ад нацысцкіх акупантаў у сучаснай айчыннай гістарыяграфіі / У.В. Здановіч // Беларусь: памятное лето 1944 года : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков, Минск, 19–20 июня 2014 г. / редкол.: А.А. Коваленя [и др.]. – Минск : Беларуская навука, 2015. – С. 93–98.
4. Новікаў, С.Я. Вызваленне Беларусі ад германскіх захопнікаў 1943–1944 гг. у сучасных айчынным і замежным гістарыяграфічных наратывах / С.Я. Новікаў // Векапомныя дні вызвалення : материалы Респ. науч.-практ. конф., посвящ. 75-летию освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков, Гомель, 2 мая 2019 г. / под общ. ред. Е.К. Кириченко. – Гомель : БелГУТ, 2019. – С. 3–11.
5. Страна в огне : в 3 т. / редкол.: Литвин А.М. (гл. ред.) [и др.]. – Т. 2 : Коренной перелом. 1942–1943 : в 2 кн. – Кн. 1. – М. : Абрис, 2018. – 734 с.
6. Страна в огне : в 3 т. редкол.: Литвин А.М. (гл. ред.) [и др.]. – Т. 3 : Освобождение. 1944–1945 : в 2 кн. – Кн. 1. / Суржик Д.В. – М. : Абрис, 2018. – 717 с.
7. Басюк, І. Ішлі ў бой штрафныя роты / І. Басюк // Беларуская думка. – 2000. – № 11. – С. 122–126.
8. Пыльцын, А.В. Правда о штрафбатах / А.В. Пыльцын. – М. : Яуза, 2007. – 368 с.
9. Пыхалов, И.В. Штрафбаты пообесторонь фронта / И.В. Пыхалов [и др.]. – М. : Яуза, 2007. – 482 с.
10. Пыльцын, А.В. Страницы истории 8-го штрафного батальона Первого Белорусского фронта / А.В. Пыльцын. – Минск : ИВЦ Минфина, 2009. – 448 с.
11. Пыльцын, А.В. Правда о штрафбатах. Как офицерский штрафбат дошел до Берлина / А.В. Пыльцын. – М. : Яуза, 2016. – 544 с.

12. Приказ народного комиссара обороны № 227, 28 июля 1942 г. // Мировые войны XX века : в 4 кн. – Кн. 4 : Вторая мировая война: документы и материалы / под ред. М.Ю. Мягкова. – М. : Наука, 2002. – С. 248–251.
13. Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. In 10 B-de. Bd. 8: Die Ostfront 1943/44. Der Krieg im Osten und an den Nebenfronten / Hrsg. von Karl-Heinz Frieser. – München : Deutsche Verlags-Anstalt, 2007. – 1319 S.
14. Новікаў, С.Я. «Александрыйскія мікрфільмы» як новая архіўная першакрыніца па ваеннай гісторыі Беларусі / С.Я. Новікаў // Вести Института современных знаний. – 2000. – № 2. – С. 60–69.
15. НАРБ. – Фонд «Александрыйскія мікрафільмы» (далей – АМФ). – № 180. – К. 7915486–7916339.
16. АОК 9. Abt. I с/АО: Auszüge aus Gefangenenvernehmungen vom 2. Januar 1944 // НАРБ. – АМФ. – № 180. – К. 7915486–7915513.
17. АОК 9. Abt. I с/АО: Auszüge aus Gefangenenvernehmungen vom 11. Januar 1944 // НАРБ. – АМФ. – № 180. – К. 7915539–7915579.
18. АОК 9. Abt. I с/АО: Auszüge aus Gefangenenvernehmungen vom 4. Februar 1944 // НАРБ. – АМФ. – № 180. – К. 7915689–7915721.
19. АОК 9. Abt. I с/АО: Auszüge aus Gefangenenvernehmungen vom 12. Februar 1944 // НАРБ. – АМФ. – № 180. – К. 7915724–7915771.
20. АОК 9. Abt. I с/АО: Auszüge aus Gefangenenvernehmungen vom 22. Juni 1944 // НАРБ. – АМФ. – № 180. – К. 7916286–7916308.

Бондарева Е.М.

ДОКУМЕНТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ВИТЕБСКОЙ ОБЛАСТИ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ВОЕННОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Одним из популярных направлений в современной историографии является история повседневности, в рамках которой проводится изучение условий жизни, труда и отдыха людей в тот или иной исторический отрезок времени. Особый интерес у многих исследователей связан с периодом Великой Отечественной войны, события которой привели к серьезным изменениям в повседневности советского человека, его поведении и психологическом восприятии мира.

Реконструировать повседневную жизнь, посмотреть на военное время глазами обычного человека, в том числе женщин и детей, позволяют документы, хранящиеся в Государственном архиве Витебской области.

Огромный документальный материал по истории военной повседневности содержится в фонде № 9742-п «Коллекция документов с воспоминаниями участников Великой Октябрьской социалистической революции, гражданской войны, Великой Отечественной войны, ветеранов партии и труда». В фонде насчитывается 459 дел за 1917–1990, 1994 гг. Особый интерес представляют воспоминания участников и очевидцев событий Великой Отечественной войны (о деятельности 3-й Белорусской партизанской бригады, Осинторфского комсомольского подполья, расстреле детей

Героя Советского Союза М.Ф. Шмырева, об уничтожении Витебской группировки немецко-фашистских войск и многие другие). Среди документов коллекции имеются, например, воспоминания Разведчикова (Ялтыхова) Петра Игнатьевича – бывшего юного партизана, а затем бойца-разведчика 136-й отдельной разведывательной роты 47-й стрелковой дивизии о борьбе с немецко-фашистскими захватчиками на территории Городокского района, написанные им 7 января 1975 г. Петр родился 16 мая 1929 г. в д. Поташня Городокского района. До войны носил фамилию Ялтыхов. 3 июня 1942 г. он стал разведчиком партизанского отряда, а уже в феврале 1943 г., в возрасте 14 лет, был награжден медалью «За боевые заслуги». После окончания войны Петр Игнатьевич взял фамилию Разведчиков. Жил в г. Витебске, работал на фабрике КИМ [1, л. 5–23].

Воспоминания жителей оккупированного г. Витебска, участников подпольной и партизанской борьбы на территории Витебщины хранятся также в фонде № 745 «Коллекция документов об организации всенародной борьбы с немецко-фашистскими захватчиками на территории Витебской области в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)». О жизни в захваченном Витебске можно узнать, например, из воспоминаний Кульбеевой Валентины Николаевны, 1928 года рождения. Немецкие солдаты, вошедшие в город в июле 1941 г., не произвели на нее никакого впечатления. Это были «здоровые парни», которые смеялись, слушали на патефонах русские пластинки. Осень 1941 г. выдалась ранней и холодной. Не имея соответствующего обмундирования, немцы одевали на себя то, что им попадало под руку, в том числе женские шубы и пальто. Перед освобождением Витебска «в городе несколько дней стояла вонь. Немцы заметали свои следы злодеяний. Они жгли трупы евреев в Иловском овраге и замученных и расстрелянных партизан и подпольщиков. Валил страшный дым. Ветер как раз дул на город. Дышать было нечем, рвало от этого воздуха» [2, л. 1–2, 10]. На основе собранных воспоминаний и документальных материалов в 1975 г. была издана книга «Без линии фронта», авторами которой были организаторы и участники партизанского движения на Витебщине Яким Александрович Жилинин, Иван Борисович Позняков, Василий Иванович Лузгин. В фонде насчитывается 82 дела за 1942–1944, 1948, 1957, 1962, 1965–1970, 1976 гг.

Воспоминания бывших членов подпольной группы, действовавшей в г. Витебске, содержатся в личном фонде № 10876-п «Марудов Трофим Андреевич – руководитель группы Витебского городского партийно-патриотического подполья в годы Великой Отечественной войны», в котором насчитывается 72 дела за 1939–1995 гг. [3, с. 552].

В фонде № 1900 «Коллекция документов личного происхождения участников Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» хранятся личные документы полного кавалера ордена Славы Янченко Ильи Платоновича (1913–1991), гвардии капитана запаса Кузьмина Николая Назаровича

(1922–1988), гвардии подполковника в отставке Симакова Мартына Степановича (1903–1995). В фонде насчитывается 37 дел за 1922–1988 гг. Среди документов фонда имеются автобиографии и автобиографические воспоминания [3, с. 568–569].

Уникальные документы, свидетельствующие о зверствах немецко-фашистских захватчиков, хранятся в фонде № 256 «Коллекция цифровых копий на правах подлинников документов Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, коллективным хозяйствам (колхозам), общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР (ЧГК) по г. Витебску и Витебской области БССР, переданных из Государственного архива Российской Федерации». В фонде насчитывается 10 цифровых копий дел за 1943–1945 гг. Это протоколы допросов свидетелей, осмотра мест массового уничтожения мирного населения, акты установления преступлений, заявления жителей о преступлениях немецко-фашистских захватчиков, поисках пропавших родственников и другие документы.

Среди документальных материалов фонда № 1620 «Коллекция личных документов остарбайтеров, военнопленных, узников концентрационных лагерей и лиц, принявших германское гражданство, служивших в рядах немецкой резервной полиции, службе безопасности (СД) и вспомогательной службы военно-воздушных сил (ВВС) и противовоздушной обороны (ПВО) (1941–1945 гг.)» имеются письма советских граждан, вывезенных на принудительную работу в Германию, за 1941–1944 гг. [3, с. 569].

Большой иллюстративный материал периода Великой Отечественной войны имеется в фонде № 2181 «Коллекция фотографий оккупационного периода 1941–1944 гг.» Это фотографии советских граждан, находившихся в период войны в Норвегии (г. Нарвик), полицейских и членов их семей, лиц, работавших в учреждениях в период оккупации, служащих Ашевской больницы и неучтенных лиц [3, с. 570].

В составе фонда № 2290 «Коллекция печатных материалов периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» хранятся периодические издания на русском, белорусском, немецком языках, брошюры, листовки, призывы, объявления, рисунки, афиши, агитационные плакаты советских и партийных органов военного периода [3, с. 567–568].

Огромный интерес по истории повседневности немецких военнослужащих представляют документы фонда № 2037 «Коллекция личных документов военнослужащих Вермахта». В фонде имеется 133 дела на немецком и частично на русском языках за 1940–1945 гг. Среди документов: письма немецким солдатам от родственников и друзей, дневник немецкого солдата, тексты немецких песен, фотографии военнослужащих и членов их семей, анкеты, удостоверения личности и военные книжки немецких военнослужащих [3, с. 570].

Большой фактологический материал о повседневной жизни в годы войны содержатся в документах следующих фондов: № 1602-ОАФ «Учреждения, организации, предприятия и формирования, действовавшие на территории оперативного тыла группы армий «Центр»» в количестве 654 дела, № 2073-ОАФ «Витебская городская управа (Витебская горуправа) и ее подведомственные учреждения и предприятия» – 2956 дел, № 2074-ОАФ «Органы местного самоуправления г. Орши и Оршанского района и их отделы» – 691 дело, № 2090 «Лепельский мировой суд» – 138 дел, № 2092-ОАФ «Органы вспомогательной полиции г. Орши и Оршанского района» – 217 дел, № 2836-ОАФ «Учреждения, организации, предприятия и формирования немецких оккупационных властей Глубокского округа» – 98 дел, № 2848-ОАФ «Браславская районная управа» – 386 дел и № 2849-ОАФ «Браславская волостная управа» – 210 дел. В них имеются протоколы допросов, отчеты о передвижении, состоянии здоровья и настроении населения, акты обследования учреждений и предприятий, жилых домов, переписка о состоянии образования, борьбе со спекуляцией, выполнении трудовой повинности, поставках продуктов питания, сведения об уплате налогов и другие документальные материалы [3, с. 531–542].

Таким образом, в фондах Государственного архива Витебской области содержится значительный объем документов, представляющий интерес для исследователей военной повседневности и позволяющий открыть новый пласт научных знаний о войне.

1. Государственный архив Витебской области (далее – ГАВО). – Ф. 9742-п. – Оп. 2. – Д. 60.
2. ГАВО. – Ф. 745. Оп. 2. Д. 10.
3. Государственный архив Витебской области : путеводитель, 1917–2006 / Т.В. Буевич, Ю.С. Петухов. – Минск : Медисонт, 2011. – 936 с.

Юргевич Н.К., Дергунов А.С.
**ФРОНТОВЫЕ ПИСЬМА КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

Чем дальше в историю уходят события Великой Отечественной войны, тем больше увеличивается их значимость. В исторической науке последних лет появляются все новые факты, посредством которых исследователи пытаются сократить имеющиеся «белые пятна» и разрешить спорные вопросы в осмыслении войны. Это становится возможным благодаря постоянному изучению новых архивных данных, мемуарных и эпистолярных источников, материалов «устной» истории в виде собранных воспоминаний участников войны и очевидцев событий в период немецко-фашистской оккупации. Среди всех материалов по истории Великой Отечественной войны есть документы особого рода – фронтовые письма.

В научной среде такая форма эпистолярного жанра изучена в настоящее время недостаточно.

Как и другие письма, письма с фронта относятся к категории источников личного происхождения и являются носителями информации, ценной для анализа психологии человека военного времени. Изучение переписки с точки зрения содержания позволяет сделать выводы о представлениях и ценностях, мироощущении, поведении и образе жизни, круге общения и интересах фронтовиков, а также выявить гендерные особенности военной психологии. Анализ фронтовых писем также позволяет изучить эволюцию формы и содержания писем, исследовать его культурно-коммуникативные функции, значимость их как источника среди других источников по истории войны. Поэтому нужно продолжать работу по сбору писем с фронта, потому что уже уходят из жизни и хранители солдатских писем.

В годы Великой Отечественной войны письма были единственным средством связи и общения близких людей и солдат-фронтовиков. Письма для солдат очень много значили. Нужно отметить, что в военные годы получил распространение и такой вид психологической и эмоциональной поддержки как переписка девушек с незнакомыми солдатами. Не только девушки, даже дети отправляли письма на фронт с одним и тем же адресом: «Действующая армия. Незнакомому бойцу». С августа 1941 г. с таким адресом на почты всей страны приходило множество писем и посылок, в которых советские дети благодарили и поддерживали незнакомых защитников и просили быстрее вернуться домой живыми и невредимыми [1].

Фронтовым письмам присуща особенность – они очень просты и, одновременно, жизненны. Письмо от солдата было свидетельством того, что он был жив, однако оно могло содержать и самое страшное известие – такие письма заменяли «похоронку». То, что предстоящий бой мог стать последним – понимали многие солдаты. На этот случай в кармане гимнастерки хранили заранее написанное письмо на случай своей гибели, в котором солдаты стремились успокоить и поддержать своих родных.

Вся корреспонденция на фронт и в тыл была бесплатной, кроме посылок. Наиболее распространенными видами солдатских писем военного времени были письма в бумажных конвертах, почтовые карточки и открытки, письма на типографских бланках, письма-треугольники.

Оформленные в патриотическом духе, конверты, открытки и заготовки для писем в советском тылу выпускали большими тиражами. На открытках, к примеру, печатали карикатуры на немцев, подписывали хлесткими лозунгами: «Стреляю так: что ни пуля – то в немца», «Смерть фашистским оккупантам!», «Вперед на Запад!». В связи с острой нехваткой открыток и конвертов в годы войны появились фронтовые письма-треугольники. Они не требовали конверта для отправки и сворачивались определенным образом: обычный лист бумаги из тетради загибали справа,

потом слева направо, а оставшуюся полоску бумаги вставляли внутрь треугольника, предварительно загнув концы. Для таких писем использовались не только обычные листы бумаги, но и страницы из буклетов, газет (текст писали на полях) и т.д. Особой популярностью пользовались «письма-секретки». Это формат типографского бланка, который сгибался пополам и складывался конвертом. Во внутренней части листа помещался текст письма. На лицевой части типографским способом обычно печатались слова «Смерть немецким оккупантам!» или высказывания И.В. Сталина, изображались портреты полководцев или сюжетные картинки (например, три красноармейца пишут письмо) [2]. Свои послания солдаты чаще писали простым «химическим карандашом» (при смачивании водой, слюной он оставлял фиолетовый след, который не стирался), а в госпиталях – чернилами при помощи перьевой ручки.

Письма от гражданского населения, из тыла или из других воинских частей посылались исключительно на полевой почтовый номер части. Кроме этого, почтовая карточка или письмо иногда содержали штамп места назначения с индексом почтовой службы, принявшей карточку. И обязательно на каждом письме стоял штамп военного цензора «Просмотрено Военной Цензурой». Военная цензура всегда просматривала всю переписку, например, на наличие в ней высказываний против системы или ссылки на секретные данные, например, месторасположение, передвижение воинских частей, численности потерь, особое внимание уделялось эмоциональному настроению бойцов. Если в письмах встречаются зачеркнутые черной пастой слова и предложения – это работа цензуры. Чтобы обойти цензуру и намекнуть близким о своем состоянии или месте пребывания, солдаты вкладывали в письма небольшие подказки. Известны случаи, когда родным приходили треугольники с веточками полыни, которые намекали на горькую жизнь в полевых условиях. В качестве намеков использовались и вырезки из газет-листочков.

Следует отметить, что в военные годы с адресом доставки практически всегда были проблемы: люди в тылу часто переезжали, спасаясь от боевых действий, воинские части также не стояли на месте, адресаты погибали или пропадали без вести. Письма могли приходиться значительно позже официальных «похоронок», что давало надежду родным на то, что солдат жив и скоро вернется. Когда адресат погибал, адрес доставки перечеркивался, и письмо возвращалось обратно, что также приравнивалось к похоронке, которая могла так и не прийти. Но если адресат переезжал на неизвестный адрес или попадал в госпиталь, письма могли не возвращать.

Боец, отправляющий весточку домой, и не помышлял о том, что, спустя годы, его послание будут изучать посторонние люди. Поэтому он писал просто, откровенно, порой незатейливо, передавая многочисленные приветы родным и близким. Содержание фронтовых писем довольно различное. К первой группе фактов можно отнести описания впечатлений

фронтовика от боевых операций, оценки боевого духа советских солдат и противника. Вторая группа – эмоциональный рассказ о бедствиях и разрушениях войны, третья – анализ межличностных отношений на фронте. Четвертая группа характеризует личностный мир солдата, его заботу и внимание к близким и родным, что представлено в переписке больше всего. Дом и семья становились для воина моральной опорой и поддержкой на фронте. К тому же, находясь на передовой, солдат стремился в своем письме успокоить, подбодрить родных и вселить надежду на скорую победу.

Письмо – документ военной эпохи. Сегодня сохранились тысячи солдатских писем, которые собраны сотрудниками музеев и архивов. Но чаще всего их можно найти в частных коллекциях, которые передаются из поколения в поколение. Вот и перед нами лежат пожелтевшие от времени письма солдат-фронтовиков своим родным 1941–1945 гг., сохраненные Макридой Ивановной Новиковой (проживала в д. Папоротки Славгородского района) и переданные своему правнуку Артему Сергеевичу Дергунову (автору) [3]. Добавим несколько слов и об этой семье.

Всю войну семья М.И. Новиковой вела переписку с братьями Тимофеем и Михаилом Якушенко, Антоном и Василием Тюлевыми (после войны все они вернулись домой!). «Привет с фронта!» – такими словами чаще всего начинались солдатские письма. Не было на фронте человека, который бы не скучал по родному дому. Поэтому содержание этих писем очень похоже: из них узнавали о том, кто где находится, кто куда ранен и жив ли вообще, получено ли предыдущее письмо, задавали много вопросов о родне, детях, знакомых, односельчанах, писали о том, что очень скучают. Солдату были интересны бытовые подробности тыловой жизни, его волновала судьба родных. Воспоминания о доме становились для них моральной опорой и поддержкой.

Зная о военной цензуре, братья Якушенко упоминали войну одной-двумя фразами: «Пишу в блиндаже, недалеко рвутся снаряды», «нужно бить немцев за то, что убили твоего папку», «продолжаю громить немцев, выполняя приказ т. Сталина». Скорее всего мало писали о войне и потому, что воспоминания о прошлой мирной жизни позволяли отвлечься от страданий, смертей. Воевавшие немного сообщали о себе («сыт, одет, землянка теплая»), но чаще всего недоговаривали (информация об организации быта солдат на фронте тщательно закрашивалась цензурой). Все же по скудной информации из писем можно сделать определенные выводы, как были одеты солдаты, как их кормили и обеспечивали необходимым. Письмами подбадривали друг дружку братья-фронтовики, давали шуточные и мудрые советы: «Тебя учить как воевать, не собираюсь... Нужно смекалку иметь» [3]. Военные радовались любому письму и тому, что близкие живы и здоровы, что они их любят и ждут.

Часто брат Тимофей писал в письмах, что выслал деньги родным: то 60, то 600 рублей, несколько раз отправлял чистые листки бумаги – так быстрее можно было получить ответ от родственников. Да и он сам часто писал

на том, что было под рукой, например, некоторые письма были им написаны на этикетке от консервной банки. Например, это было поздравление с 1 Мая (1944 г., военный госпиталь): «Сегодня у нас большой праздник. Смотрели концерт, был общий обед всего офицерского состава (была и водка, и закуска), но я пить не научился. Получили мы и папиросы, и сало, и консервы, и сахар, так что праздник у нас веселый». Не хватало не только бумаги, часто сестра Макрида просила прислать чернильного порошка [3].

В сохранившейся переписке с фронтовиками есть много писем от школьницы Вали. Возможно, у взрослых было много забот и не хватало времени, вот девочка и взяла на себя эту задачу. Фронтовики благодарили ее за новости из дома, хвалили за старания в учебе, красивый почерк. Во всех письмах в адрес Вали чувствуется забота о ней (она в 1943 г. потеряла отца). Из письма Василия: «Я тебя в каждом разговоре вспоминаю. Мне охота посмотреть на твои кудряшки, на твои голубые глазки, но не представляется возможности. Нужно бить немцев за то, что они убили твоего папку, и еще много наших девушек забрали в Германию, и убили их папок и мамок». Дальше он пишет, что если останется жив, то никогда не оставит ее и будет воспитывать так, как воспитывал бы ее отец, а, может быть, и лучше. Старался отвлечь ее от горьких мыслей, спрашивая «что вы кушаете?», «в какой школе учишься?».

Спустя годы фронтовые письма передают нам военное прошлое в непосредственных ощущениях людей воевавших. Данный эпистолярный источник позволяет составить представление не только о бытовых моментах, но и моральном и психологическом состоянии солдат, позволяет проследить, как трансформируется это состояние от начала войны к ее завершению. В письмах с фронта прослеживается уважительное доброе отношение к матери, женщине, девочке, так как для солдат самое главное и ценное, кого они защищают. Особо ценной была детская поддержка, а это для солдата был стимул не только бороться, но и выжить. После войны письма берегли как личную память или личную боль. Но со временем личные письма с фронта превратились в бесценные документы эпохи. Письма солдат как ценный исторический источник могут быть использованы в исследовательской работе для изучения фронтовой повседневности и военных будней в тылу, при проведении различных мероприятий по патриотическому воспитанию подрастающего поколения, создании музейных экспозиций и проведении экскурсий, классных часов по истории Великой Отечественной войны.

1. Фронтовые письма [Электронный ресурс] // КВЦ «Сокольники». – 2020. – Режим доступа: <http://victory.sokolniki.com/rus/history/lettersfromwar.aspx/>. – Дата доступа: 30.03.2020.
2. Исследование фронтовых писем как исторического источника по истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. [Электронный ресурс] // Poisk.ru. – Режим доступа: <https://poisk-ru.ru/s25569t11.html/>. – Дата доступа: 30.03.2020.
3. Письма из семейного архива Новиковых-Якушенко-Тюлевых.

Латышева В.А.
**ЖУРНАЛЫ ПОСТУПЛЕНИЯ ПАЦИЕНТОВ
В МИНСКУЮ ОБЛАСТНУЮ ПСИХИАТРИЧЕСКУЮ БОЛЬНИЦУ
В 1944–1948 гг. КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ
ПСИХИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ
ИЗ ЧИСЛА МУЖЧИН В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ**

Психическое здоровье как гражданского населения, так и военнослужащих на территории Беларуси в последующие годы за окончанием ее оккупации в годы Великой Отечественной войны не являлось объектом комплексных исследований. В историографии советского послевоенного периода тема лишь затрагивалась в рамках докладов, тезисов специализированных конференций, связанных со сферой здравоохранения. Однако, как представляется, природа этого вопроса более масштабна, затрагивает все общество, не только область медицины в нем.

Именно в первые послевоенные годы динамично возобновилась деятельность существовавших еще в межвоенные десятилетия медицинских центров оказания психиатрической помощи населению на территории Беларуси. Кроме того, был открыт и ряд новых специализированных учреждений. Уже в 1944 году Наркомздравом СССР в общей сложности отмечалось значительное увеличение числа больных из такой категории как «деобилизованные инвалиды Отечественной войны в связи с психическими заболеваниями у них, а также у военнослужащих». Об этом свидетельствовали, в том числе, и отчеты действующих в военное время психиатрических больниц [2, л. 57]¹. Показателен и тот факт, что если 3-го июля 1944 года белорусский Минск был освобожден, то уже 14-го июля того же года Приказом Минского областного отдела здравоохранения была открыта областная психиатрическая больница [4, л.]. Ее базой стала прекратившая свое существование после уничтожения всех пациентов в годы оккупации психиатрическая колония в Новинках.

В целом за годы оккупации сеть медицинских психиатрических учреждений в республике была разрушена. В рамках оккупационной политики уничтожению были подвергнуты не только их здания и коммуникации: были ликвидированы практически все пациенты, а также часть сотрудников. Такая незавидная судьба постигла и как текущую документацию, так и архивы рассматриваемых медицинских учреждений на всей территории Беларуси, оккупированной за годы войны, минимизировав и документированную память об этих людях. Сегодня в фондах областных и республиканских архивах страны отсутствуют документы, содержащих персонифицированную информацию, включая как предвоенное, так и по-

---

¹ Автор благодарит А.С. Замойского за предоставление документа в рамках совместной работы в проекте «Уничтожение душевнобольных в Беларуси: 1941–1944». Фонд Г. Хенкель, Федеративная Республика Германия.

слевоенное десятилетие в отношении такой социальной группы, как душевнобольные. Таким образом, современные архивные документы не способны персонифицировать большинство из них. В целом наши сведения об уничтоженных пациентах минимальны, их персонификация практически невозможна.

Однако новую страницу здесь могут открыть документы, которые связаны уже судьбами тех пациентов, болезнь и состояние души которых были задокументированы сразу после оккупации территории Беларуси. Предположительно, душевное состояние этих людей могло обостриться или быть спровоцированным, в том числе военным временем.

Уникальным местом является библиотека государственного учреждения «Республиканский научно-практический центр психического здоровья». Определенный интерес представляют сохранившиеся здесь некоторые фотодокументы, отражающие историю этого учреждения. Напомним, в 2018 году ему исполнилось сто лет. Самый старый фотоснимок из тех, что имеются в коллекции библиотеки, датируется 1921 годом. Еще несколько из них также отражают межвоенный период в истории учреждения, большинство же фотоснимков было сделано в 1960-ые годы и последующие десятилетия. Сегодня с большинством из них можно ознакомиться на сайте самого учреждения. Среди этих фотоснимков есть и тот, на котором изображено еще двухэтажное деревянное здание, а на оборотной стороне фотографии указано: «7-ое мужское отделение» [5]. На этом «мужская» линия в истории учреждения не оканчивается. Среди документов, находящихся на хранении в библиотеке этого государственного учреждения была обнаружена единственная в своем роде находка: два журнала, отражающих поступления пациентов из числа мужского населения тогда еще в Минскую областную психиатрическую больницу. На обложке одного из них указано: «Военнослужащие 1945–1947 гг.» [1], другого – «Мужчины 1945–1948» [3].

В целом выявленные журналы представляют собой две тетради в линейку форматом чуть меньше А-4, с правой стороны у каждой тетради руковорно вырезаны и подписаны буквы алфавита. На каждую букву отводится по три страницы, на каждой отдельно по центру указывается год, далее идут записи о поступивших пациентах, фамилии которых начинаются на соответствующую букву, записи размещены в порядке поступления больных. Записи в журнале «Мужчины 1945–1948» отражают сведения о поступивших, фамилии которых начинались с буквы «А» и далее, оканчиваясь фамилиями до буквы «Щ». В журнале «Военнослужащие 1945–1947 гг.» представлено все разнообразие заглавных букв фамилий: от «А» до «Я».

Журналы содержат более 70 страниц, ряд из которых пустые. Записи производились чернильными ручками синего цвета, разными подчерками, однако начинаются в начале каждого года одинаковым подчерком, каждая запись пронумерована согласно номера поступления больного из общего

числа пациентов, поступивших за год. Очевидно, что эти два факта косвенно могут указывать, что источники создавались в более поздний период, чем указано в рамках их хронологических границ; они не являются носителями первичной информации.

Очевидно, что сотрудниками больницы пыталось быть налаженным архивное хранение как минимум этих двух «дел». В частности, в конце журнала «Военнослужащие 1945–1947 гг.» имеется следующая информация: «В настоящем деле пронумеровано 30 (тридцать) листов. Мед статистик (подпись) Жуковская «19» февраля 1958 года». В журнале «Мужчины 1945–1948» подобная запись отсутствует. Однако он оформлен подобным же образом: нумерация листов произведена простым карандашом на каждой странице в двух журналах, где содержатся записи, пустые страницы как листы не пронумерованы. Нумерация не распространилась и на обороты листов. Журнал «Мужчины 1945–1948» содержит 29 листов.

Рассматриваемые источники позволяют в большинстве случаев узнать фамилии, инициалы, даты поступления, частично дальнейшую судьбу пациентов-мужчин, как из числа военнослужащих, так и гражданского населения за период с 1944 по 1949 годы.

Из двух рассматриваемых источников именно журнал «Военнослужащие 1945–1947 гг.» имеет данные о пациентах больницы из числа мужчин за 1944 год (несмотря на хронологические рамки источника), информация о которых как военнослужащих уже была зафиксирована в самом названии журнала. Так, первый из числа подобных пациентов был госпитализирован 19 августа 1944 года и находился в больнице до 3 мая 1945 года [1, л. 7]. Всего за 1944 год приводятся данные о 274 человеках. Среди мужчин из числа гражданского населения как пациентов в Новинках, согласно данным из журнала «Мужчины 1945–1948», первым стал мужчина, госпитализация которого зафиксирована документами 2 января 1945 года, учреждение он покинул 5 апреля того же года [3, л. 7].

В целом журнал «Военнослужащие 1945–1947 гг.» содержит записи о 1034 пациентах больницы в Новинках за период с 1944 по 1947 год, 6 из этих записей относятся к 1948 году. Всего в источнике приводится 1027 записей, содержащих фамилии, 7 записей относятся к числу граждан, которые тем или иным образом попали в больницу через канал поступления туда военнослужащих, но скорее всего таковыми не являлись. В журнале они проходят под буквой «Н»: неизвестные. Один из них имел, возможно, ограниченные физические возможности. Двое было детьми: «неизвестный ребенок» и «неизвестный мальчик», как указано в источнике. Дети поступили в разные даты 1947 года, к сожалению, один из мальчиков скончался в Новинках через 17 дней в январе 1947 года. Второй ребенок так же предположительно умер. Запись о нем под номером 162 содержится в двух журналах, совпадает и дата поступления ребенка по двум источникам – 28 августа 1947 года. Если в журнале «Военнослужащие 1945–1947 гг.» после даты

поступления стоит прочерк, то журнал «Мужчины 1945–1948» содержит данные о смерти ребенка 5 января 1948 года под номером записи 162.

Журнал «Мужчины 1945–1948», как уже акцентировалось, не имеет записей за 1944 год, однако исходя из анализа информации, находящейся в нем, данные начинаются, как и указано с 1945 год (таких 190 фамилий) и продолжается до 1949 года. За этот год отмечено только 3 человека, но очевидно, что эти три записи носят отрывочный характер от общей картины, поступивших пациентов в тот год. В целом, журнал располагает записями по 780 человекам. Пофамильно можно говорить о 775 записях, 5 записей относятся к «неизвестным» гражданам. Один из них ребенок, о котором указывалось выше, у одного было известно только имя – Иван, один пациент из числа неизвестных был глухонемым. Из 5 этих человек, поступивших с 1945 по 1948 год, приводятся данные о смерти двоих.

Кроме того, полная запись в каждом из журналов содержит не только фамилию больного, инициалы, дату поступления, дату выписки, но и указание на его дальнейшую судьбу, где прослеживаются и следующие варианты: могут стоять пометки «д.», «домой», что указывает на выписку больного домой; знак «—» скорее всего ставился напротив фамилии больного, лечение которого еще продолжалось; присутствует определенное количество пометок «убежал», в этом случае дальнейшая судьба больного в источнике не прослеживается. Самая трагичная пометка «умер», чаще она характерна для записей 1944, 1945 и 1946 годов. Так же в источниках после крайней даты в записи может стоять следующий знак: «V». Он делался отличными по цвету черными чернилами, к сожалению, его значение не представляет очевидности своего смысла.

В ряде случаев больных, как из числа гражданского населения, так и военнослужащих направляли в другие учреждения. Наиболее часто это был Могилев (многочисленные записи) или 2-я больница г. Минска. Из среды военнослужащих выделяются записи, напротив которых стоят пометки «Вильнюс» (1 запись), «Москва» (2 записи).

Кроме того, среди гражданского населения из числа мужчин были те, кого отправили в «Бобруйск» (выявлен 1 больной). Напротив фамилии одного из пациентов стоит следующая информация: «ваГлуб. Г(Р?)О МВД» – один человек. Возможно, что трагично сложилась и судьба двух мужчин из числа гражданского населения, в записях о которых стоит пометка «в лагерь».

С очевидным сожалением сегодня можно констатировать, что на данный момент мы ничего не можем сделать в рамках персонификации жертв нацизма в период оккупации из числа пациентов специализированных медицинских учреждений. Однако такое положение обязывает к тому, что еще больше мы должны сделать для каждого из пациентов после оккупационного периода: сейчас мы обладаем знанием об около 2 тысячах персонифицированных записей как минимум за период полутора военных и нескольких послевоенных лет, отраженных в выявленных источниках.

Особую важность для общества имеет история специализированных медицинских психиатрических учреждений, в том числе трагических судеб

их пациентов. Отдельного внимания в этом случае должны заслуживать вопросы соблюдения как законодательства Республики Беларусь в области персональных данных и оказания психиатрической помощи, так и морально-этических принципов. Опыт предания публичности документам, подобным представленным выше, сегодня имеет, например, ряд специализированных медицинских учреждений в Федеративной Республике Германия. В частности, речь может идти о земле Северный Рейн-Вестфалия и ее окрестностях: клиник в Бедбург-Хау, Хадамаре и Бонне**.

Возможно, одним из вариантов дальнейшей судьбы журналов поступления пациентов из числа мужского населения в Минскую областную психиатрическую больницу в Новинках в 1944–1948 гг. должна стать их оцифровка. Очевидно, что выявленные источники перспективно использовать как определенную базу для создания электронного архива, который сможет продолжить не только хранение этих документов, но и более глубоко выявить их эвристический потенциал. Кроме того, этот архив смог бы стать настоящей площадкой для аккумуляции документов и дальнейшей реконструкции неизвестных страниц истории, как самого центра, так и истории пациентов из подобных учреждений, что способно отразить не только историю общества, но и его современность.

1. Военнослужащие 1945–1947 гг. // Документы из коллекции библиотеки государственного учреждения «Республиканский научно-практический центр психического здоровья».
2. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. 8009. Оп. 5. Д. 242.
3. Мужчины 1945–1948 // Документы из коллекции библиотеки государственного учреждения «Республиканский научно-практический центр психического здоровья».
4. Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 46. Оп. 1а. Д. 473.
5. Становление центра [Электронный ресурс] // Республиканский научно-практический центр психического здоровья. – Режим доступа: <https://mentalhealth.by/fotogalere/stanovlenie-tsentra>. – Дата доступа: 05.04.2020.

Николаева И.В.

ДОКУМЕНТЫ ПО ИСТОРИИ ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ 1941–1944 гг. В БЕЛАРУСИ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ЖЕНСКОЙ ВОЕННОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Советская историография и сформировавшаяся на протяжении послевоенных десятилетий официальная культура памяти о Великой Отечественной войне тематизировали историю участия женщин в партизанском движении, главным образом, как историю героической борьбы женщин-

---

** Экскурсионный проект “Behindertenmorde im Kontext der NS-Vernichtungs politik und die Psychiatrien Nordrhein-Westfalen und Umbegung”, руководитель: проф. Б. Физелер, Университет им. Генриха Гейне, Дюссельдорф, кафедра истории и культуры Восточной Европы.

партизанок, сражавшихся наравне с мужчинами на оккупированной территории. Однако героические репрезентации мужественных женщин-партизанок, которые начали создаваться методами официальной пропаганды уже в годы войны, имели весьма опосредованное отношение к женскому восприятию войны и не могли адекватно передать всю полноту женской военной повседневности.

«Культурный поворот» 1990-х годов, затронувший и военную историю, расширил формат научного исследования проблемы женского участия в войне в контексте изучения феномена войны как опыта различных социальных групп общества. В современных исследованиях, посвященных участию женщин в войне, акцент постепенно смещается на историю женского опыта войны, определение специфического положения женщин в системе общественных отношений военного периода.

«Новая» история участия женщин в партизанском движении конструируется сегодня исследователями, преимущественно, на основе анализа материалов, собранных методами устной истории. Главная особенность этих эго-документов, которая одновременно определяет и их значимость для использования в историческом исследовании, заключается в том, что они позволяют посмотреть на историю минувшей войны сквозь призму индивидуального опыта ее участников. В первую очередь, речь идет о женском опыте партизанской повседневности. Источники личного происхождения дают уникальную возможность не только реконструировать женский партизанский быт, но и представить восприятие самими женщинами партизанской действительности. Однако нельзя не учитывать, что в данном случае устные источники — это воспоминания, которые возникли спустя много лет после завершения описываемых событий и потому нуждаются в особенно осторожном отношении и научной критике. В тоже время, несмотря на рост интереса отечественных исследователей к женским воспоминаниям о войне, тема повседневности женщин-партизанок в белорусской историографии пока остается главным образом познавательной-информационной и требует дальнейшего научного анализа и обобщения.

Безусловно, для получения объективной истории участия женщин в партизанском движении личные свидетельства целесообразно использовать в комплексе с другими источниками. При этом необходимо новое прочтение традиционных документальных источников, привлечение многочисленных архивных данных, которые в силу своей специфики не были введены в научный оборот. В частности, значительным потенциалом для исследования положения женщин в рядах партизан обладают докладные записки, сообщения и отчеты партизанского руководства, уполномоченных ЦК, подпольных обкомов и райкомов КП(б)Б и ЛКСМБ «о работе среди женщин в партизанских формированиях», которые хранятся в Национальном архиве Республики Беларусь, в доступных для историков фондах

партийных и комсомольских комитетов, а также Белорусского штаба партизанского движения (БШПД) [1].

Хотя структура этих отчетов вполне очевидно отвечает предписанной сверху схеме, они оставляют место для индивидуального содержания и дают некоторое представление о проблемах, связанных с включением значительного числа патриотически настроенных женщин в мужские боевые подразделения, а также представляют возможность проанализировать, насколько декларируемое советским государством равноправие полов в военной сфере отвечало реальному положению в партизанских формированиях. Архивные документы по истории партизанского движения содержат не только имевшие место факты необоснованного ограничения участия прошедших специальную подготовку женщин непосредственно в боевых операциях, но и свидетельствуют о протестных настроениях самих партизанок по причине субъективного отношения к ним командного состава и мужского большинства в целом [2]. Представленная среди материалов фондов организационно-распорядительная документация отражает, как в свою очередь партийное и партизанское руководство решало проблемы, связанные с «недооценкой роли женщин в партизанской борьбе» [3].

Нельзя обойти вниманием и тот факт, что коммерциализация исторического прошлого, усилив внимание к вопросам повседневности, привела к появлению сегодня ряда публикаций, которые характеризуются односторонней подачей материала и представляют участие женщин в партизанских подразделениях главным образом в качестве так называемых «полевых жен». Отмеченное обстоятельство тянет за собой своеобразный шлейф домыслов о негативном поведении партизан в бытовых условиях и взаимоотношениях женщин-партизанок с мужским личным составом в целом. Отрицать существование отдельных случаев неподобающего партизанам поведения нельзя, как и имевшие место прецеденты, связанные с сексуальными злоупотреблениями в отношении женщин со стороны мужчин-сослуживцев. В документальных источниках НАРБ исследователи находят подтверждение «фактов неправильного отношения к женщинам и девушкам» [4]. При этом авторы, иной раз строящие свои рассуждения на выдержках из партизанских документов, используют только свидетельства аморального поведения и игнорируют присутствующие в этих же архивных источниках материалы о привлечении к ответственности и наказаниях за нарушения партизанской дисциплины. К сожалению, нередко оценка девиантных проявлений поведения отдельных партизан безосновательно распространяется на всех представителей движения сопротивления, что, в том числе, несправедливо и незаслуженно ставит под сомнение моральный облик тысяч женщин и девушек, принимавших участие в партизанском движении.

В комплексе документов по истории партизанского движения отдельную группу источников представляют содержащиеся в фонде БШПД «истории» бригад и отрядов, в основу которых положены дневниковые запи-

си, что велись на протяжении деятельности соответствующих формирований [5]. Разработанная оперативным отделом БШПД структура данного вида документов включает пункт «Жизнь и быт бригады-отряда», где в большинстве случаев отдельно выделена информация под заголовком «Женщины и девушки-партизанки». Составленные командирами формирований по заданному уже в июле 1944 г. формуляру «истории», безусловно, требуют критического анализа, что не умоляет их информационного потенциала для реконструирования различных аспектов партизанского быта (условия проживания, рацион питания, обеспечение одеждой, личная гигиена и т.д.) и показа обратной стороны жизни партизан – каждодневной борьбы за выживание.

Таким образом, на сегодняшний день значительное приращение знаний по военной женской повседневности происходит, главным образом, за счет материалов, собранных методами устной истории, которые требуют от профессиональной историографии их скрупулезного анализа в комплексе с архивными документами по истории партизанского движения. При этом нельзя не учитывать, что данные источники имеют ряд особенностей, обусловленных их официальным происхождением. Обладая информационной насыщенностью, они нередко несут идеологическую заданность и в силу этого содержат соответствующие оценки и суждения. В то же время критическое осмысление рассмотренного корпуса архивных документов и их сопоставление с источниками личного происхождения представляют возможность современным исследователям раскрыть различные аспекты повседневной военной действительности женщин-партизанок и опровергнуть сложившиеся негативные стереотипы относительно их участия в партизанском движении.

1. Нікалаева, І.У. Дакументы нацыянальнага архіўнага фонду як крыніца па гісторыі жанчын на акупаванай тэрыторыі Беларусі 1941–1944 гг. / І.У. Нікалаева // Актуальныя праблемы крыніцазнаўства айчыннай гісторыі : матэрыялы міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі, Віцебск, 6–7 кастрычніка 2011 г. / Віц. дзярж. ун-т ; рэдкал.: А.М. Дулаў (адк. рэд.) [і інш.] – Віцебск : УА «ВДУ імя П.М. Машэрава», 2011. – С. 205–207.
2. Национальный архив Республики Беларусь (далее – НАРБ). – Ф. 63п. Оп. 16. Д. 1. ЛЛ. 105, 137–138; Ф. 1350. Оп. 1. Д. 21. Л. 3; Ф. 1380. Оп. 1. Д. 13. Л. 24–24об.
3. НАРБ. – Ф. 1350. Оп. 1. Д. 108. Л. 52; Ф. 4п. Оп. 20. Д. 213. Л. 90; Ф. 63п. Оп. 6. Д. 2. ЛЛ. 89–90; Оп. 16. Д. 11. ЛЛ. 8–9.
4. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 20. Д. 213. Л. 132; Оп. 33а. Д. 69. Л. 141; Ф. 63п. Оп. 16. Д. 1. Л. 203; Д. 3. ЛЛ. 80, 171; Д. 11, Л. 127–127об; Д. 280. ЛЛ. 390–391; Д. 281. ЛЛ. 167–168; Ф. 1450. Оп. 2. Д. 44. Л. 92; Оп. 11а. Д. 25. Л. 28; Ф. 1336. Оп. 1. Д. 125. Л. 268; Ф. 1383. Оп. 1. Д. 56. Л. 17–18.
5. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 4.

Дулаў А.М.

**ДАСЛЕДАВАННІ КРЫНІЦ ГІСТОРЫІ ВЯЛІКАЙ АЙЧЫННАЙ
ВАЙНЫ, ПРАДСТАЎЛЕННЯ НА МІЖНАРОДНАЙ НАВУКОВА-
ПРАКТЫЧНАЙ КАНФЕРЭНЦЫІ “АКТУАЛЬНЫЯ ПРАБЛЕМЫ
КРЫНІЦАЗНАЎСТВА” (ВІЦЕБСК) У 2011–2019 ГГ.**

З 2011 г. у Віцебскім дзяржаўным універсітэце імя П.М. Машэрава раз на два гады праходзіць міжнародная навукова-практычная канферэнцыя “Актуальныя праблемы крыніцазнаўства” (першапачаткова – “Актуальныя праблемы крыніцазнаўства айчыннай гісторыі”). Арганізатарамі прадстаўнічага навуковага форуму, акрамя ВДУ імя П.М. Машэрава, выступаюць Інстытут гісторыі НАН Беларусі, Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, кафедра гісторыка-культурнай спадчыны Рэспубліканскага інстытута вышэйшай школы (Мінск), Навукова-педагагічная школа крыніцазнаўства – сайт Источниковедение.ru, Дзяржаўны архіў Віцебскай вобласці і Віцебскі абласны краязнаўчы музей. У 2011–2019 гг. у канферэнцыі прынялі ўдзел некалькі соцень навукоўцаў, якія прадстаўляюць навукова-даследчыя арганізацыі і вышэйшыя навучальныя ўстановы Беларусі, Расіі, Украіны, Латвіі, ЗША, Германіі, Польшчы і іншых краін. Традыцыйнымі тэмамі для абмеркавання сталі пытанні тэорыі і метаду крыніцазнаўства, крыніцазнаўства гістарыяграфіі, архівазнаўства і музейнага крыніцазнаўства, а таксама комплексы крыніц і асобныя крыніцы гісторыі розных эпох і рэгіёнаў. Зыходзячы з актуальнасці і значнасці гісторыі Вялікай Айчыннай вайны, у тэматычным полі канферэнцыі заўсёды прысутнічаюць даклады, прысвечаныя крыніцазнаўчаму і гістарыяграфічнаму аспектам праблемы. Мэта нашай працы – ахарактарызаваць тэматыку гэтых даследаванняў.

Гісторыкі і крыніцазнаўцы вывучаюць найперш пісьмовыя крыніцы гісторыі вайны. У зборніках канферэнцыі прадстаўлены даклады, якія ўтрымліваюць інфармацыю аб пачатковым перыядзе Вялікай Айчыннай. Так, У.М. Крыўчыкаў зрабіў агляд дакументаў і матэрыялаў Дзяржаўнага архіва Гродзенскай вобласці, якія характарызуюць некаторыя аспекты матэрыяльнага забеспячэння Чырвонай Арміі напярэдадні і на пачатку вайны [3, с. 294–295]. Патэнцыял параўнальнага аналізу крыніц для стварэння карціны франтавых баявых дзеянняў на Віцебшчыне летам 1941 г. пераканаўча прадэманстравалі вядомы беларускі ваенны гісторык С.Я. Новікаў. На падставе параўнання звестак дакументаў Цэнтральнага архіва Міністэрства абароны Расійскай Федэрацыі (ЦАМА РФ) і Федэральнага ваеннага архіва Германіі аўтар рэканструяваў падзеі, звязаныя з ажыццяўленнем 5-м і 7-м механізаванымі карпусамі двух самастойных контрудараў у ходзе Лепельскай аперацыі 1941 г., што дазволіла паставіць пад сумніў папулярны ў сучаснай беларускай гістарыяграфіі тэзіс пра тое, што ў раёне Сянно адбылася адна з буйнейшых танкавых бітваў

пачатку Вялікай Айчыннай вайны [2, с. 264–271]. Расійскі даследчык У.В. Фядзюнін паказаў інфармацыйны патэнцыял расакрэчаных у 2000 г. дакументаў ЦАМА РФ як крыніцы пра стварэнне і дзейнасць заградтрадаў на тэрыторыі Беларусі летам 1941 г. [1, с. 188–192].

Убачыць ваенную штодзённасць вачыма салдат вермахта, якія ваявалі на Усходнім фронце, дапамагае даследаванне іх лістоў, праведзенае ўкраінскім гісторыкам М.Р. Дубік. Даследчыца паказала, што эпістальарый акупантаў дазваляе прасачыць іх прыстасаванне да змяняючыхся падзей, рэакцыю на гэтыя падзеі, а таксама даволі хуткую трансфармацыю псіхалагічнага настрою і змену стаўлення да ворага ў бок паважлівага [1, с. 214–217].

Удзельнікі канферэнцыі прысвяцілі шэраг прац нямецкамоўным крыніцам акупацыйных органаў кіравання, характарызуючым эканамічную эксплуатацыю Беларусі. Крыніцазнаўчы патэнцыял арыгінальных матэрыялаў трафейнай Калекцыі дакументаў Генеральнага камісарыята “Беларусь” (ф. 370 Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь (НАРБ) для даследавання пытанняў выкарыстання працоўнай сілы акупантамі, а таксама працоўнай паўсядзённасці мясцовага насельніцтва прадэманстравалі С.Я. Новікаў [5, с. 308–312] і А.Г. Цымбал [5, с. 312–315]. І.Я. Куракова раскрыла інфармацыйную каштоўнасць дакументаў Дзяржархіва Гродзенскай вобласці як крыніцы даследавання фінансавай палітыкі гітлераўцаў у 1941–1944 гг. у акрузе “Беласток” [2, с. 275–278]. Агляд дакументаў архіва Аператыўнага штаба рэйхсляйтэра Розэнберга, што захоўваюцца ў Цэнтральным дзяржаўным архіве вышэйшых органаў улады і кіравання Украіны, здзейсніла Ю.А. Геніна [5, с. 116–118].

Прыцягнулі ўвагу навукоўцаў і крыніцы па гісторыі акупацыйнай штодзённасці 1941–1944 гг. У гэтым кантэксце заслугоўваюць увагі працы аднаго з вядучых беларускіх спецыялістаў па гісторыі акупацыйнага перыяду Я.А. Грэбеня, у якіх у святле архіўных дакументаў раскрываюцца маладаследаваныя аспекты акупацыі. У прыватнасці, на падставе матэрыялаў фонда Віцебскай гарадской управы Дзяржаўнага архіва Віцебскай вобласці (ДАВц) навуковец ахарактарызаваў прадпрымальніцкую дзейнасць як стратэгію выжывання грамадзянскага насельніцтва, што для шэрагу людзей стала крыніцай існавання і ўтрымання сям’і, ці, прынамсі, дадатковага заробку [3, с. 301–304]. Яшчэ адной стратэгіяй выжывання была падача позваў у міравы суд, які выступаў для людзей у якасці апошняй інстанцыі вырашэння спрэчных сітуацый. Аўтар акрэсліў інфармацыйны патэнцыял дакументаў Віцебскага міравога суда з ДАВц як крыніцы, што ілюструе глыбіню сацыяльных праблем акупаванага грамадства і мараль асобных грамадзян, якія імкнуліся выжыць любым коштам [2, с. 278–284]. Таксама Я.А. Грэбень на прыкладзе некаторых валасцей Петрыкаўскага раёна ў 1942 – першай палове 1943 гг. паказаў паўсядзённыя рэаліі жыцця сялян пад акупацыйнай

на падставе дакументаў валасной адміністрацыі з фондаў НАРБ [5, с. 315–318]. Гісторыкам вывучаліся дакументы калабарацыйных органаў як крыніца аб пенетэнцыярнай сістэме нацыстаў у акупаваным Віцебску [1, с. 196–202]. Канцэптэуальны характар носіць ажыццёўлены Я.А. Грэбенем агляд апублікаваных і архіўных крыніц па праблеме становішча грамадзянскага насельніцтва ва ўмовах нацысцкай акупацыі [4, с. 279–283].

Даследчыца гісторыі жанчын Беларусі перыяду Вялікай Айчыннай вайны І.У. Нікалаева выступіла з дакладамі аб крыніцах жаночай акупацыйнай і пасляваеннай паўсядзённасці [1, с. 205–207; 4, с. 293–296]. Гісторык звярнулася таксама да крыніц гісторыі штодзённага жыцця насельніцтва ў постакупацыйны перыяд вайны (на прыкладзе Віцебшчыны), паказала каштоўнасць у гэтым кантэксце метаду вуснай гісторыі [3, с. 315–317; 5, с. 47–48].

Навукоўцамі вывучаўся патэнцыял крыніц асабістага паходжання ў даследаванні акупацыйнай штодзённасці. П.Д. Скурко прааналізавала ў дадзеным кантэксце дзённікі Браніслава Шпакоўскага (1921–1945), жыхара мястэчка Самахвалавічы Мінскага раёна. Дзённікі за 1940, 1941 і 1942 гг., знойдзеныя ў коміне ў тайніку ў 1970 г., захоўваюцца ў музеі ДУА “Самахвалавіцкая сярэдняя школа” [2, с. 271–275]. Паводле меркавання аўтара, нататкі Б. Шпакоўскага, якія ілюструюць паўсядзённае жыццё пад акупацыйнай месачковай моладзі, “параўнальны з дзённікамі беларуса з Калінкавічаў Кастуся Ярмаілава, а таксама Ганны Франк з Нідэрландаў, Тані Савічавай з Ленінграда – усё гэта непасрэдныя сведчанні «пасіўных» удзельнікаў вайны, не змененыя і не рэдагаваныя пазней” [2, с. 272].

Неапублікаваныя ўспаміны падпольшчыцы Ганны Кіташовай, напісаныя ў студзені – лютым 1967 г. па просьбе буйнейшай даследчыцы віцебскага падполля Н.І. Дарафеенка (1923–2015), як крыніцу акупацыйнай паўсядзённасці разгледзеў А.М. Дулаў. Ва ўспамінах знайшлі адлюстраванне стратэгіі выжывання, прыстасавання і супраціву гарадскога насельніцтва, вязняў турмы СД і канцлагера [3, с. 296–301].

Уяўляе цікавасць праца навуковага супрацоўніка Лепельскага раённага краязнаўчага музея Ю.С. Пухавіцкай, якая вызначыла асаблівасці пасляваенных (1966–1978 гг.) лістоў удзельнікаў лепельскага падполля з фондаў музея як гістарычнай крыніцы: магчымыя памылкі памяці; эмацыйнасць; выкарыстанне простамоўнай лексікі; “завуаліраванасць” пэўных фактаў; супярэчлівасць інфармацыі; наяўнасць звестак, якія не маюць дачынення да падзей вайны; суб’ектыўнасць у ацэнках асоб, нярэдка звязаная з асабістым стаўленнем да чалавека [2, с. 292–295].

Ролю вуснай гісторыі ў вывучэнні штодзённай і лакальнай гісторыі вайны прадэманстравалі ў сваіх працах вядомы гісторык А.Р. Агееў і краязнавец з Лепеля В.У. Тухта. Першы падзяліўся вопытам запісу інтэрв’ю людзей, якім падчас вайны было не меней за 7 гадоў, разам са студэнтамі

Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.А. Куляшова падчас палявых даследаванняў на Магілёўшчыне 1996–2011 гг., што дазволіла ўбачыць асаблівасці індывідуальнага ўспрыняцця і памяці людзей пра акупантаў, калабарантаў і партызанаў, ваенныя падзеі, голад і інш. [1, с. 192–195]. В.У. Тухта праз досвед далучэння школьнікаў да запісу ўспамінаў паказаў ролю гэтых крыніц, побач з іншымі, ва ўдакладненні імёнаў землякоў-удзельнікаў савецка-фінляндскай вайны 1939–1940 гг. і партызанскага руху падчас Вялікай Айчыннай вайны [1, с. 195–196].

Значная ўвага надавалася даследаванню дакументаў Беларускага штаба партызанскага руху (БШПР) з фондаў НАРБ. Загадчык аддзела выкарыстання і публікацыі дакументаў Дзяржархіва Віцебскай вобласці У.П. Каханка ажыццявіў агляд матэрыялаў БШПР па гісторыі партызанскіх фарміраванняў, якія дзейнічалі на Віцебшчыне [1, с. 211–214]. Серыю прац аб крыніцах па разведвальнай і контрразведвальнай дзейнасці партызанаў прадставіў на навуковым форуме беларускі архівіст С.В. Кулінок [1, с. 208–210; 2, с. 285–287; 3, с. 304–306]. Звяртае на сябе ўвагу агляд даведачна-інфармацыйных дакументаў БШПР і партызанскіх злучэнняў пра дзейнасць германскіх разведвальна-дыверсійных школ і курсаў на акупаванай тэрыторыі Беларусі [4, с. 283–285]. Інфармацыйны патэнцыял дакументаў, надрукаваных у зборніку “Зимнее волшебство”, як крыніц аб узаемадзеянні партызан Віцебскай і Калінінскай абласцей супраць нацысцкай карнай экспедыцыі ў лютым – сакавіку 1943 г. ахарактарызаваны А.А. Крываротам [4, с. 285–288].

Шэраг цікавых даследаванняў быў прысвечаны крыніцам, што захавалі звесткі пра жыццё розных сацыяльных груп насельніцтва ў савецкім тыле. Так, расійскі гісторык прафесар Р.Р. Хісамутдзінава грунтоўна ахарактарызавала інфармацыйны патэнцыял лістоў гадоў вайны як крыніцы вывучэння матэрыяльнага становішча калгаснікаў Урала [2, с. 288–292]. Украінскі навуковец В.В. Леўчанка звярнуў увагу на лісты У.І. Пічэты, які знаходзіўся ў эвакуацыі ў Ташкенце, украінскаму гісторыку С.І.-Я. Баравому ў Самарканд [5, с. 322–325]. Гісторык з Расіі І.І. Ханіпава прысвяціла сваё цікавае даследаванне крыніцам асабістага паходжання, якія паказваюць штодзённасць эвакуіраваных дзяцей у дзіцячых дамах Татарстана [3, с. 309–312]. А.А. Яфімава (РФ) раскрыла патэнцыял дакументальных крыніц з фондаў Цэнтральнага аб’яднанага архіва ўстаноў сістэмы адукацыі г. Масквы для даследавання працы Маскоўскага гарадскога дома піянераў у гады Вялікай Айчыннай вайны [3, с. 307–309].

Літаральна адзіная праца прысвечана крыніцам аб ходзе вызвалення Беларусі. Прафесар А.М. Катыеўнаў з Новасібірска (РФ) ажыццявіў аналіз дакументальных крыніц, якія дазваляюць высветліць страты ваенна-служачых-сібіракоў у перыяд баёў за вызваленне тэрыторыі БССР у 1944 г. [5, с. 318–322].

Агляд адкрытых крыніц па гісторыі органаў дзяржаўнай бяспекі ў 1944–1954 гг. быў зроблены Г.Г. Краско [4, с. 291–293]. І.С. Ермацане (Рыга, Латвія) акрэсліла спецыфіку архіўна-следчых справаў НКВС

ваеннага часу як гістарычнай крыніцы. Даследчыца праналізавала справы, галоўным чынам з фондаў Латвійскага дзяржаўнага архіва, салдатаў 201-й (43-й гвардзейскай) латышскай стралковай дывізіі Чырвонай Арміі, асуджаных за “зброду радзіме” і “антысавецкую дзейнасць”, што дазволіла зрабіць высновы пра каштоўнасць інфармацыі крыніц як у ракурсе метадаў дзейнасці органаў НКУС, так і ў ракурсе стаўлення салдатаў-латышоў да савецкай улады, чалавечых лёсаў у экстрэмальных умовах вайны [3, с. 312–315].

Вывучаліся даследчыкамі дакументальныя крыніцы гісторыі ваеннага палону. Характарыстыку дакументаў беларускіх архіваў пра становішча савецкіх ваеннапалонных на акупаванай тэрыторыі рэспублікі дала ў сваёй працы А.М. Дакунова [1, с. 312–315]. Агляд матэрыялаў лагераў для ваеннапалонных вермахта і войскаў саюзных Германіі краін з Дзяржаўнага архіва Тамбоўскай вобласці прадставіў расійскі гісторык прафесар Ю.А. Мізіс [4, с. 288–291].

Да гэтых тэкстаў тэматычна набліжаецца праца польскага гісторыка доктара Д. Рогута, у якой ахарактарызаваны выбраныя польскія архіўныя фонды, што утрымліваюць успаміны інтэрніраваных у СССР вайскоўцаў Арміі Краёвай [1, с. 223–228].

А.А. Носава здзейсніла агляд дакументальных крыніц па тэме рэпатрыяцыі савецкіх грамадзян у архівах Беларусі [1, с. 220–222].

Параўнальна няшмат дакладаў было прысвечана гістарыяграфічным крыніцам. С.Я. Новікаў у дакладзе з красамоўнай назвай “Новыя крыніцы, або савецкія стэрэатыпы?” ажыццявіў грунтоўны крытычны разбор кнігі “Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 2. Происхождение и начало войны” (М.: Кучково поле, 2012. – 1008 с.) [3, с. 77–80]. У іншым тэксце даследчык у параўнальным аспекце разгледзеў метадалагічныя падыходы савецкіх, сучасных беларускіх і нямецкіх даследчыкаў да вызначэння статусу месцаў масавага знішчэння людзей у раёне вёсак Малы і Вялікі Трасцянец, а таксама колькасці ахвяр нацысцкіх злачынстваў [4, с. 72–76]. С.Я. Новікаў прыйшоў да слушнай высновы пра неабходнасць стварэння беларускімі гісторыкамі “спецыяльнага навуковага даследавання па гэтай тэме з улікам дасягненняў навейшай тэорыі і метадалогіі, асабліва кампаратывнага аналізу айчынных і замежных крыніц з мэтай атрымання новых навуковых ведаў” [4, с. 75]. Г.Г. Краско акрэсліў набыткі беларускай гістарыяграфіі па праблеме барацьбы органаў дзяржбяспекі з антысавецкім падполлем у 1944–1954 гг. [3, с. 81–83].

У некалькіх даследаваннях разгледжаны крыніцы гісторыі памяці аб вайне. М.В. Півавар вызначыў кола крыніц і даследаванняў для стварэння “Зводу помнікаў, памятных месцаў і пахаванняў часоў Вялікай Айчыннай вайны” [5, с. 362–365]. Доктар А. Фрыдман (Германія) ахарактарызаваў публікацыі газеты Камуністычнай партыі Люксембурга “Zeitung vom Lëtzeburger Vollek” да 30-й гадавіны Перамогі СССР у Вялікай Айчыннай вайне, у якіх расказвалася пра значэнне Перамогі, а таксама пра важкі

ўклад Савецкага Саюза ў перамогу над нацызмам, які, паводле выдання, імкнуліся прынізіць краіны Захаду [4, с. 316–319]. У крыніцазнаўчым даследаванні паштовак да вясновых святаў А.Я. Паўлава надала ўвагу паштоўкам да Дня Перамогі, якія даследчыца прапанавала падзяліць на дзве групы: сюжэтныя і сімвальныя [4, с. 308]. Малады лінгвіст Ю.У. Мянжынская праналізавала назвы твораў мастакоў Віцебскага Паазер'я, тэматычна звязаныя з Вялікай Айчыннай вайной, і паказала, што не толькі самі творы мастацтва, але і іх назвы – артыёнімы – могуць служыць крыніцай звестак пра гісторыю рэгіёна, актуалізаваць гістарычныя падзеі, іх час, знакавыя гістарычныя месцы, удзельнікаў гістарычных падзей [4, с. 314–316].

Невялічкі цыкл прац быў прысвечаны выяўленчым крыніцам – фотадакументам. Пачатак яму быў пакладзены ў 2013 г. канцэптуальнай працай загадчыка аддзела выкарыстання і публікацыі дакументаў Дзяржаўнага архіва Мінскай вобласці В.М. Матаха [2, с. 54–58]. Даследчык акцэнтаваў увагу на праблемах ідэнтыфікацыі фотаздымкаў часоў Другой сусветнай вайны, прывёў прыклады памылак, дапушчаных у анатацыях да фота ў беларускіх выданнях, намеціў шляхі павышэння эфектыўнасці архіўнай і археаграфічнай працы з фотадакументамі, а таксама іх выкарыстання ў навуковых даследаваннях. Грунтоўны аналіз гісторыі трафейных аэрафотаздымкаў Віцебска 1941 г. з Нацыянальнай адміністрацыі архіваў ЗША ажыццявілі амерыканскі даследчык доктар В. Гарадзецкі і намеснік дырэктара па навуковай рабоце Віцебскага абласнога краязнаўчага музея В.А. Шышанаў [4, с. 103–107]. Працягам тэмы стала праца малодшага навуковага супрацоўніка Музея Гомельскага палацава-паркавага ансамбля Ю.У. Панкова, прысвечаная аэрафотаздымцы г. Гомеля 1941 г. з фондаў музея [5, с. 305–308]. Агляд фотаздымкаў Віцебска 1945 г. са збору Віцебскага краязнаўчага музея ажыццявіла галоўны захавальнік фондаў музея В.М. Давідоўская [3, с. 317–321].

Такім чынам, у зборніках віцебскіх крыніцазнаўчых канферэнцый апублікаваны шэраг матэрыялаў дакладаў, прысвечаных шырокаму колу дакументальных і апавядальных (мемуарных і эпістальных) пісьмовых крыніц, перыядычнаму друку, а таксама фона- і фотадакументам, гістарыяграфічным крыніцам. Даследчыкі раскрылі інфармацыйны патэнцыял крыніц, якія дазваляюць рэканструяваць гісторыю ваенных дзеянняў, розныя аспекты акупацыйнага рэжыму і штодзённасці людзей пад акупацыяй, рух супраціву, жыццё ў савецкім тыле, дзейнасць органаў дзяржбяспекі ў гады вайны і ў першыя пасляваенныя гады, ваенны палон, інтэрніраванне вайскоўцаў Арміі Краёвай, рэпатрыяцыю савецкіх грамадзян, стан вызваленага Віцебска, памяць аб падзеях і героях Вялікай Айчыннай вайны. Звяртае на сябе ўвагу акцэнт на крыніцах, якія ствараюць аснову для вывучэння падзей вайны ў “чалавечым вымярэнні” ў кантэксце сучасных метадалагічных падыходаў і накірункаў гістарычных даследаванняў.

1. Актуальныя праблемы крыніцазнаўства айчыннай гісторыі : матэрыялы міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі, Віцебск, 6–7 кастрычніка 2011 г. / рэдкал.: А.М. Дулаў (адк. рэд.) [і інш.]. – Віцебск : УА “ВДУ імя П.М. Машэрава”, 2011. – 350 с.
2. Актуальныя праблемы істочніковедення : матэрыялы міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі к 135-летію со дня рождэння В.І. Пичеты, Минск–Віцебск, 9–11 октября 2013 г. / Вит. гос. ун-т; редкол.: А.Н. Дулов (отв. ред.) [и др.]. – Віцебск : ВГУ імя П.М. Машэрава, 2013. – 322 с.
3. Актуальныя праблемы істочніковедення : матэрыялы III Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі, Віцебск, 8–9 октября 2015 г. / Вит. гос. ун-т; редкол.: А.Н. Дулов и М.Ф. Румянцева (отв. ред.) [и др.]. – Віцебск : ВГУ імя П.М. Машэрава, 2015. – 342 с.
4. Актуальныя праблемы істочніковедення : матэрыялы IV Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі к 420-летію даравання гораду Віцебску магдэбургскага права, Віцебск, 20–21 апреля 2017 г. / Витеб. гос. ун-т.; редкол.: А.Н. Дулов и М.Ф. Румянцева (отв. ред.) [и др.]. – Віцебск : ВГУ імя П.М. Машэрава, 2017. – 410 с.
5. Актуальныя праблемы істочніковедення : матэрыялы V Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі к 110-летію Віцебскай ученой архіўнай камісіі, Віцебск, 25–27 апреля 2019 г. / Витеб. гос. ун-т ; редкол.: А.Н. Дулов и М.Ф. Румянцева (отв. ред.) [и др.]. – Віцебск : ВГУ імя П.М. Машэрава, 2019. – 403 с.

Щавлинский Н.Б.

ФАЛЬСИФИКАЦИЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЗАПАДНЫХ СТРАН

Інфармацыйную вайну чалавечество навучылася весті яшчэ ў глыбокай древности. Методы яе вядзення розныя і многаобразныя. Напрыклад, у VI в. да нашай эры дрэвнекітайскі філосаф і военны дзеяць Сунь Цзы даваў усёвозможныя рэкамендацыі па правядзенню інфармацыйных войнаў. Ён пісаў, што трэба разлагаць усё добрае ў стане пратывніка, вольваць яго відных дзеячель ў прэступныя дзействія, падрываць прэстыж руюводства пратывніка, разжыгаць ссоры і столькноуенія сродзі гражданаў враядэбной странаў, падстрэкаць моладзёж, ввэсці пратывніка ў абман кажушэяся трусольцю ілі слабольцю [11, с. 7–350].

Одним из самых старых и эффективных методов является запугивание протывніка. Напрыклад, персідскі царь Ксеркс I перэд тем как вторгнуцься ў Грецыю, чэрез своіх агентаў распротстраняў слухі о непобедимости своего войска: «...если все персидские воины выстрелят из луков, то стрелы затмят солнце» [9, с. 166] Чтобы добыцься покоруности населенія захваченных территорияў, протыв него нерэдко устраивали тотальны террор, граничащій с геноцидом. Так поступали Александр Македонский, Ганнибал, Чынгисхан и многіе другіе. Напрыклад, когда войска Македонского вступило на территорию Индии, царь, чтобы устрасить укывшихся

в ближайшем городе людей, приказал «никого не щадить, после того как будут сожжены укрепления осажденного им города» [6, с. 188].

В эпоху Средневековья, с появлением книгопечатания и постепенного проникновения грамотности в широкие массы в информационной войне все чаще стали использовать печатное слово. Так началась информационная война в средствах массовой информации (СМИ). Типичным носителем пропаганды и дезинформации стала листовка, их разными способами доставляли до вражеских солдат или населения. В промышленных масштабах использование листовок началось во время Первой мировой войны. В то же время основные участники конфликта создали специальные службы, которые занимались всевозможной пропагандой.

Огромное значение информационной войне придавалось во время Второй мировой войны. Специальные структуры, занимавшиеся этими вопросами, вели пропаганду как среди собственного населения и армии, так и среди войск и населения противника. Особенностью этого жестокого и бесчеловечного конфликта стала еще большая роль средств массовой информации, появилось радио и кинематограф.

С окончанием боевых действий в сентябре 1945 г. информационная война не только ушла в прошлое, но приобрела сегодня еще большую остроту, является своего рода фронтом острейшей идеологической, научной и информационно-психологической борьбы в оценке событий и их фальсификации периода Второй мировой и Великой Отечественной войны.

В первую очередь, фальсифицируются причины начала Второй мировой войны. Большинство западных историков утверждают, что прологом Второй мировой войны явился подписанный 23 августа 1939 г. германско-советский договор о ненападении сроком на 10 лет, забывая о том, что независимо от этого соглашения гитлеровским военно-политическим руководством в апреле месяце был составлен план «Вайс» о военном вторжении в Польшу [3, с. 178].

Еще большей фальсификации подвергается начало Великой Отечественной войны. Многие западные историки без всякого сомнения, в том числе и доказательства, настаивали на точке зрения, что войну развязал СССР. А писатель В. Суворов – бывший профессиональный разведчик В.Б. Резун, в 1992 г. в книгах «Ледокол» и «День» попытался ни мало, ни много в целом изменить историческую память наследников героев Великой Победы о Великой Отечественной войне. Занимаясь подтасовкой фактов, он попытался доказать, что советское руководство планировало напасть на Германию в июле 1941 г., а Германия начала превентивную войну против СССР 22 июня [10, с. 45].

Одним из объектов информационной войны является значение решающих сражений на театре военных действий. Военный историк США Х. Болдуин считал, что во Второй мировой войне было одиннадцать решающих сражений. Среди битв на германско-советском фронте он призна-

вал только Сталинградскую, лишив ее значения коренного перелома [1, с. 236]. А, между тем, Сталинградская битва не имела себе равных в мировой истории по героизму защитников и числу погибших. Признанием значения этой битвы в истории Второй мировой войны служит не только грамота американского президента Франклина Рузвельта и меч английского короля Георга VI, бережно хранимые ныне в Волгоградском государственном музее-панораме «Сталинградская битва», но и площади и улицы имени Сталинграда в Париже и Лондоне, других странах Европы и Америки. Чилийский поэт, лауреат Нобелевской премии Пабло Неруда высказывался об этом решающем на фронтах Второй мировой войны сражении так: «Сталинград – это орден Мужества на груди планеты» [9, с. 167].

«Недобросовестный» специалист по военным событиям, Х. Болдуин также полностью проигнорировал сражение на Курской дуге. Более того, в зарубежной военно-исторической литературе широкое распространение получила версия о том, будто победу Красной армии в Курской битве предопределила наступательная операция англо-американских войск в Сицилии, начавшаяся 10 июля 1943 г. и потребовавшая переброски немецких войск из территории СССР в Средиземноморье. Особенно на этой версии настаивали британский историк М. Говард и американский исследователь Г. Солсбери [3, с. 194].

Однако подобные утверждения не выдерживают проверки фактами. Как явствует из документов, 10 июля 1943 г., когда стало известно о высадке англо-американских войск в Сицилии, фюрер отдал приказ: операция «Цитадель» будет продолжаться. По свидетельству начальника генерального штаба сухопутных войск К. Цейтлера, фюрер «требовал продолжать активные боевые действия на Курской дуге даже после того, как многие генералы поняли всю бесперспективность летнего наступления» [3, с. 194]. В отличие от этих и других «специалистов» по вопросам Второй мировой войны, победа Красной армии под Курском была по достоинству оценена в мире. Например, премьер-министр Англии У. Черчилль отмечал, что «три огромных сражения – за Курск, Орел и Харьков, все приведенные в течение двух месяцев, ознаменовали крушение германской армии на восточном фронте» [7, с. 75]. В то же время, в разгар боев на Курской дуге американский президент Ф. Рузвельт писал Сталину: «Советский Союз может справедливо гордиться своими героическими победами» [8, с. 77].

В свою очередь значение разгрома немецких войск под Москвой выразил Шарль де Голль в речи по радио 20 января 1942 г.: «Я приветствовал восстановление военной мощи России (имеется ввиду СССР – авт.) и вновь подтвердил готовность поддерживать в настоящем и будущем союз двух наших стран» [12, с. 15].

Важно отметить, что такие западные знатоки значительных сражений, как Х. Болдуин и Б. Лиддел Гарт, не внесли в свой список и Белорусскую наступательную операцию «Багратион», которая по своим масштабам и ко-

личеству задействованных в ней сил относится к числу крупнейших не только Великой Отечественной войны, но и всей Второй мировой войны. Известно, что в ней участвовало с обеих сторон более 4 млн. человек, около 62 тыс. орудий, свыше 7100 самолетов. По мнению этих историков, Белорусская операция была успешной лишь потому, что союзники, открыв второй фронт в Нормандии, «повсюду сковали силы немцев» [3, с. 178].

Однако свидетельства военного времени опровергают эти утверждения. Например, 26 июня 1944 г. американская газета «Journal», оценивая действия советских войск в операции «Багратион», писала: «Они помогли так, как если бы они сами штурмовали укрепления на французском побережье, ибо Россия (СССР – авт.) начала крупное наступление, вынудившее немцев держать миллионы своих войск на восточном фронте». Лондонское радио 16 июля отмечало: «Русское наступление называют лавиной. Если сравнивать его темпы с темпами наступления войск союзников в Нормандии, то последнее... идет пока очень медленно» [5, с. 188].

Победа в Беларуси произвела огромное впечатление на правительства союзных держав. Именно в тот период президент США Ф. Рузвельт в послании Сталину от 21 июля 1944 года писал: «Стремительность наступления Красной Армии изумительна, и я очень желал бы иметь возможность посетить Вас, чтобы посмотреть, как Вам удается поддерживать связь с наступающими войсками и обеспечивать их снабжение» [2, с. 131].

В телеграмме главе советского правительства от 24 июля У. Черчилль, назвал события в Белоруссии «победами огромной важности» [5, с. 190]. Американский генерал Д. Эйзенхауэр, командующий союзными экспедиционными силами в Европе, 8 августа 1944 г. отмечал: «Я испытываю колоссальный трепет от той силы, с которой Красная Армия уничтожает вооруженную мощь врага» [2, с. 131].

Но это было сказано в те суровые, овеванные военным лихолетьем дни. Этих восхитительных выражений в адрес советских солдат и советского народа военные американские и английские историки просто не слышали или не хотят слышать, и поэтому основные победоносные сражения СССР в результате своих бездоказательных умозаключений он отнесли к категории не имеющих решающего значения.

Здесь следует добавить, что к числу важных объектов информационной войны относится также английская и американская бомбардировка немецких городов, которые, увы! западные историки и военные специалисты стараются вывести в тень. Идеологом таких «стратегических бомбардировок» немецких городов был британский маршал авиации А. Харрис. Под его руководством сбрасывались мощные бомбы, в том числе «блокбастеры» – бомбы, пробивавшие насквозь дома до первого этажа. Нельзя забывать бомбардировку Дрездена 13–14 февраля 1945 г., когда тела мирных немецких граждан под влиянием тысячи градусов «сжегивались» до размера буханки хлеба. Очень наглядно бомбардировка Дрездена описана в романе «Бойня номер пять, или

Крестовый поход детей» (1969) американского писателя Курта Воннегута, который в то время находился в немецком плену [4, с. 7–223]. В США этот роман подвергли цензуре, а в Великобритании массовому убийце гражданского немецкого населения А. Харрису в 1992 г. был поставлен памятник в центре Лондона. Страшные итоги бомбардировок замалчиваются, а всю вину за их осуществление американцы успешно переложили на советских людей. Хотя, как сказал Махатма Ганди, «в Дрездене и Хиросиме Гитлера победили Гитлером» [9, 169].

С большим рвением фальсификаторы разных уровней, среди которых заместитель начальника общего отдела военно-исторической службы армии США Э. Цимке, стремятся переключить внимание общественности с преступлений фашистских генералов на их военный талант. Но это не мешало немецким фельдмаршалам и генералам быть превосходными преступниками: Ф. Паулюс – один из авторов плана по уничтожению СССР «Барбаросса», генерал-фельдмаршал, барон В. фон Рихтгофен – автор разрушения Ленинграда, бомбил Польшу, Бельгию, Францию, Крым и Москву. Наиболее одаренный стратег вермахта фельдмаршал Э. фон Манштейн применял тактику выжженной земли и неудачно пытался деблокировать армию Паулюса под Сталинградом. Но талант этих немецких фельдмаршалов и генералов ровнялся таланту советских военачальников: маршалам Г.К. Жукову и А.М. Василевскому, генералам-лейтенантам К.К. Рокоссовскому и В.И. Чуйкову, генералу Н.Ф. Ватутину лишь в начальные период войны, а затем по мере приобретения ими опыта ведения боевых действий, первый значительно уступал.

В совершенно искаженном виде жителям западных стран преподносится информация о ведущей роли США и Англии в победе над фашистской Германией и ее сателлитами, в годы Великой Отечественной и Второй мировой войны. Особенно эти тенденции усилились с появлением всемирной сети-интернета, когда политические оппоненты получили больше возможностей для вторжения в чужое пространство и проведения там своих операций. Например, учащийся одной из американских школ Alex Cordon написал в интернете: «Если бы не наша армия, вашей страны не стало бы, – говорят нам на уроках. Именно Америка внесла большой вклад во Вторую мировую и в вашу Отечественную войну» [9, с. 167]

Подобная точка зрения у многих молодых людей США и стран Европы, хотя известно, что определяющим в Победу над фашизмом был вклад СССР, именно на советско-германском фронте было разгромлено 607 дивизий вермахта. Одни только белорусские партизаны за годы войны уничтожили гитлеровцев больше чем армии США и Англии. На Западе также очень скоро забыли об огромном разрыве потерь, понесенных западными союзниками в сравнении с Советским Союзом. Американцы и англичане потеряли по отдельности около 400 тысяч человек убитыми,

в то время как число погибших в ходе войны в Советском Союзе зашкаливает за 27 миллионов.

В целом фальсификацию истории Второй мировой и Великой Отечественной войны нельзя назвать кратковременной. Острие ее покушения по своей сущности направлено на наши базовые и легко уязвимые ценности, такие как, стремление жить в мире, сохранение памяти о событиях и жертвах, воспитание гордости за тех, кто отдал жизнь за будущее человечества.

Поэтому, мы потомки героев Великой Победы, должны иметь в это непростое жесткое время свою принципиальную точку зрения на те, или иные события, твердо отстаивать гражданскую позицию и противостоять всем тем, кто стремится стереть с нашей памяти бессмертный подвиг наших отцов, дедов, прадедов, бабушек и матерей, спасших мир на Земле.

1. Болдуин, Х. Сражения выигранные и проигранные. Новый взгляд на крупные военные компании / Х. Болдуин. – М. : Центрополиграф, 2001. – 624 с.
2. Великая Отечественная война советского народа (в контексте Второй мировой войны) : учебное электронное издание / А.Т. Арбузов [и др.] – Минск : БНТУ, 2011. – 204 с.
3. Великая Победа: в 15 т. / Московский гос. ин-т международных отношений (ун-т) МИД России, Центр военно-политических исследований ; редкол.: С.Е. Нарышкин [и др.]. – М. : МГИМО. – Университет. – Т. 15 : Великая победа и современный мир. – 2015. – 404 с.
4. Воннегут, К. Бойня номер пять, или Крестовый поход детей / К. Воннегут. – Санкт-Петербург : Изд-во «Азбука». – 2000. – 253 с.
5. Еремеев, Л.М. Глазами друзей и врагов: О роли Советского Союза в разгроме фашистской Германии. Воспоминания. Телеграммы. Записки. Статьи. Письма. Дневники. Послания. Речи / Л.М. Еремеев. – М. : Наука, 1966. – 272 с.
6. Курций, Р.К. История Александра Македонского / Р.К. Курций. – М. : Изд-во Московского университета, 1993. – 464 с.
7. Орлов, А.С. Факты против мифов: подлинная и мнимая история Второй мировой войны / А.С. Орлов, Б. Н. Новоселов. – М. : Молодая гвардия, 1986. – 239 с.
8. Переписка Председателя Советов Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. : в 2 т. – М. : Политиздат, 1986. – Т. 2 : Переписка с Ф. Рузвельтом и Г. Трумэнном. – 319 с.
9. Семенова, Л.Н. Великая Отечественная война советского народа в контексте Второй мировой войны : учебно-методический комплекс / Л.Н. Семенова, Н.Б. Щавлинский. – Минск : БГАТУ, 2019. – 240 с.
10. Суворов, В. Ледокол. День «М» / В. Суворов. – М. : АСТ., 1997. – 576 с.
11. Сунь-Цзы. Искусство стратегии / Сунь-Цзы. – М. : Эксмо ; СПб. : Мидглад, 2007. – 528 с.
12. Шарль де Голль Сталин. Маршал, победивший в войне / Шарль де Голль, Франклин Рузвельт, Уинстон Черчилль. – М. : Эксмо ; Алгоритм, 2012. – 368 с.

Раздел 2

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ДИПЛОМАТИЯ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ. БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ НА ФРОНТАХ

Циватый В.Г.

ИНСТИТУТЫ МНОГОСТООННЕЙ ДИПЛОМАТИИ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1939–1945): ТЕМПОРАЛЬНЫЙ ДИСКУРС

Год Победы – 1945 год – не просто привёл к общему знаменателю международно-организационные, морально-нравственные и политико-дипломатические итоги, не просто определил победителей и побеждённых, он стал отправной точкой начала процесса нового мироустройства: от двухполюсного до однополярного мира, затем – многополярного (полицентричного) мироустройства [11; 14, с. 26–29].

75 лет назад завершилась Вторая мировая война (1939–1945 гг.). Её результаты на много десятилетий вперёд предопределили институциональное развитие системы координат международных отношений, трансформацию дипломатических систем, особенности регионального развития и межгосударственных отношений конца XX – начала XXI веков [10].

При этом следует акцентировать внимание и на том, что Год Победы продемонстрировал политические и политико-дипломатические конфликты, подспудно существовавшие как внутри, так и внешне – в межгосударственных отношениях середины XX века, а также конфликты, существовавшие среди государств антигитлеровской коалиции в течение периода войны [6, с. 144–147].

2020 год – стал юбилейным годом для многих важных всемирно-исторических событий, и прежде всего – годом 75-летия окончания Второй мировой войны. Но в этом году мы также отмечаем и 75-летие создания универсального форума межгосударственного общения и главного институционального элемента современной многосторонней дипломатии – ООН (Организация Объединённых Наций). Институциональная история Второй мировой войны многоаспектна, темпоральна и пребывает на этапе своего дальнейшего исследования [5, с. 211–230].

Организация Объединённых Наций (ООН) – международная организация, созданная в эпоху кардинальных мировых изменений, для поддержания и укрепления международного мира и безопасности, развития сотрудничества между государствами.

Процессы институционализации ООН как новой международной институции происходили в особенных международно-политических и ди-

пломатических условиях периода Второй мировой войны, как ответ на новые вызовы и угрозы системе международных отношений середины XX века. Устав ООН был утверждён на Сан-Францисской конференции, проходившей с апреля по июнь 1945 года, и подписан 26 июня 1945 года представителями 50 государств. Дата вступления Устава в силу (24 октября) отмечается как День Организации Объединённых Наций.

ООН институционализировалась с учётом предыдущих ошибок создания и функционирования Лиги Наций, она базировалась на платформе ценностного консенсуса. Главным концептом, положенным в основу документов ООН, было осознание человечеством угрозы нацизма и фашизма, и стремление не допустить впредь подобных политических явлений в мировой истории. Основными сторонами консенсуса выступали государства Запада и СССР, выражающие разные идеологии, но объединённые общей политической угрозой. Цивилизационно пространство консенсуса было не полно, но сам принцип конвенциональности был взят за основу.

Одним из важнейших событий в истории Белорусской ССР и Украинской ССР стало вступление этих республик в Организацию Объединённых Наций в качестве одних из основателей этой организации. Для правительства СССР оказалось непростой задачей добиться согласия других государств антигитлеровской коалиции на членство советских республик (УССР, БССР), в международной организации безопасности.

В деятельности советской дипломатии по созданию ООН, в том числе в решении вопроса о членстве в ней БССР и УССР, непосредственное и активное участие принимал А.А. Громыко как посол СССР в США и участник ряда международных конференций, на которых принимались решения, касающиеся будущей международной организации [7, с. 194–200; 13, с. 158–166].

Борьба советской дипломатии за включение в ООН советских республик, в частности БССР и УССР, была продиктована международно-политическими интересами СССР, его стремлением упрочить свои позиции многосторонней дипломатии в новой международной организации [1; 7, с. 195–196].

Среди государств-основателей, фундаторов ООН были внесены по праву две союзные республики – Белорусская ССР и Украинская ССР, сыгравшие в последующем важную роль в институциональном развитии новосозданной международной институции [8; 9; 12].

И в историческом прошлом, и в современном мире различные государства в формате международных организаций реализовали свои национальные интересы и использовали инструментарий многосторонней дипломатии [13, с. 158–160].

В данной статье основное внимание сосредоточено на анализе институциональной истории многосторонней дипломатии и анализе международных институтов, которые появились во время Второй мировой войны как ответ на угрозы и новые вызовы военного времени. Как только нача-

лась Вторая мировая война, почти все существовавшие к этому времени международные институты по обеспечению мира, безопасности и сотрудничества перестали функционировать.

Начали складываться институты сотрудничества стран, входивших в противостоявшие друг другу блоки – стран «Оси» и стран антигитлеровской коалиции. Естественно, что эти институты имели специфический характер, обусловленный экстремальными условиями, а потому все они являлись временными.

Это были, как правило, встречи глав государств и правительств стран-союзниц, конференции глав государств и правительств и министров иностранных дел. Учреждались комитеты и комиссии для вынесения рекомендаций по решению встававших перед союзниками проблем. На конференциях представителей стран антигитлеровской коалиции определялись: структура руководящих органов, а также цели, задачи и принципы деятельности универсальной организации в послевоенном мире.

В это время родился и очень важный в тот период специфический институт, сыгравший значительную роль в ходе войны. Это был институт *ленд-лиза*.

Период Второй мировой войны имеет огромное количество примеров деятельности различных форм международных институтов. Антигитлеровская коалиция – военно-политическая коалиция государств и народов, боровшихся против агрессивного блока Германии, Италии, Японии и их сателлитов. К окончанию войны в эту институцию входили более 50 государств, но главенствующие позиции занимали её организаторы – СССР, США и Великобритания [2; 4; 9; 12; 15].

Международные конференции как форма (институция) межгосударственного общения и международного сотрудничества стала нормой в дипломатической практике военного времени. 14–23 января 1943 г. состоялась очередная конференция с участием президента США Рузвельта и премьер-министра Великобритании Черчилля в Касабланке.

Конференция «Большой тройки» в Тегеране началась 28 ноября 1943 года с общей оценки положения дел на фронтах мировой войны и обсуждения мероприятий по её ускоренному завершению. Главным из них было открытие второго фронта в Европе. Руководители трёх стран уделили значительное внимание в Тегеране будущей международной институции – универсальной организации мира и безопасности, речь о которой шла в декларации Московской конференции четырёх держав.

Важные для судеб мира решения о послевоенном устройстве мира были приняты на второй встрече «Большой Тройки» в г. Ялта. По своей значимости решения Ялтинской конференции (4–11 февраля 1945 г.) могут быть сравнимы с решениями Вестфальского и Венского конгрессов, а также Версальской и Вашингтонской конференций вместе взятых, с которыми связывают новое институциональное развитие и установление качественно

нового мирового порядка после крупнейших континентальных и мировых войн. Именно Ялтинская конференция считается самой знаменитой встречей, повлиявшей на дальнейший ход истории и во многом обусловившей особенности современной геополитики [8].

На конференции государств антигитлеровской коалиции и присоединившихся к ним стран в Сан-Франциско (25 апреля – 26 июня 1945 г.) был согласован, утверждён и подписан Устав Организации Объединённых Наций.

Берлинская (Потсдамская) конференция «Большой тройки», состоявшаяся уже после капитуляции Германии (17 июля – 2 августа 1945 г.), по существу, подтвердила все решения Ялтинской конференции. Свою особую роль в становлении ООН как институции сыграли Белорусская ССР и Украинская ССР [1; 3; 12].

Главная из проблем, привлекающих первоочередное внимание исследователей в связи с юбилеем окончания Второй мировой войны, заключается в современной оценке исторических уроков, последствий и значения этой войны, а также – контекст правомерности и исторической оправданности Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений.

Именно в 1945 году, может быть впервые за всю историю, человечество осознанно задалось вопросом: «А насколько велик и институционально многообразен политический мир?». В поисках ответа на поставленный вопрос, и осуществлялась реализация смелых и продуктивных институциональных планов.

По итогам Второй мировой войны была предпринята попытка упорядочить и стабилизировать отношения между государствами, придать им предсказуемость, закрепить статус законами и процедурами регулирования главных политических, дипломатических, экономических и социокультурных процессов [11; 14, с. 28–29].

Таким образом, пять великих держав тогдашнего мира договорились решать все проблемы мира и безопасности на планете путём их единогласия. Они согласились, что итогом работы таких международных институтов как международные конференции военного периода, институциональным закреплением итогов Второй мировой войны станет создание Организация Объединённых Наций (ООН), которая призвана решать все проблемы мира и безопасности на планете путём их единогласия.

Итоговая институциональная точка международного сотрудничества по итогам Второй мировой войны была успешно поставлена. Война закончилась, создав геополитический вакуум и институциональное пространство глобального масштаба.

В соответствии с политико-дипломатическими итогами Второй мировой войны – внешнеполитические дилеммы были локализованы, а геополитическая карта и политическая картина мира были всецело изменены. Регулятором международно-политических и межгосударственных отношений должна была стать теперь новая институция – Организации Объединённых Наций (ООН).

В практике межгосударственных отношений – после завершения Второй мировой войны – начинается институциональный период построения новой архитектуры международных отношений послевоенного мироустройства.

1. Боротьба за Україну в 1943–1944 рр.: влада, збройні сили, суспільство : Збірник наукових праць / за ред. В.А. Смолія, О.Є. Лисенка. – Київ : Інститут історії України, 2014. – 622 с.
2. Винокуров, В.И. История военной дипломатии / В.И. Винокуров. – М. : Светлица, 2010. – Т. 2 : Военная дипломатия между Первой и Второй мировыми войнами (1991–1945). – 640 с.
3. Київ: війна, влада, суспільство. 1939–1945 рр.: За документами радянських спецслужб та нацистської окупаційної адміністрації / редкол.: В.А. Смолій [та ін.] – К. : Темпора, 2014. – 864 с.
4. Кондрашов, В.В. Военные разведки во Второй мировой войне / В.В. Кондрашов. – М. : Кучково поле, 2014. – 399 с.
5. Космач, В.А. Причины и начало Второй мировой войны: некоторые уточнения и переоценки / В.А. Космач // *Метаморфозы истории*. – 2016. – № 8. – С. 211–230.
6. Косов, А.П. Советско-американские отношения в 1941–1945 гг. / А.П. Косов // *Беларусь и народы СССР в победоносной войне с германским фашизмом (1941–1945) : материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию начала Великой Отечественной войны и Победе советского народа во Второй мировой войне, Витебск, 22 июня 2011 г.* – Витебск : ВФ УО ФПБ «МИТСО», 2011. – С. 144–147.
7. Мезга, Н. Вступление Белорусской ССР в ООН и дипломатическая деятельность А.А. Громыко / Н. Мезга // *Современная Европа*. – 2019. – № 6. – С. 194–205.
8. Мировые войны XX века : в 4 кн. / Ин-т всеобщей истории. – М. : Наука, 2002. – Кн. 4 : Вторая мировая война: Документы и материалы. – 677 с.
9. От Версаля и Веймара до образования двух Германий (ФРГ и ГДР), 1919–1949 гг.: Актуальные вопросы исторической германистики, отечественной и всеобщей истории, геополитики и международных отношений, социально-гуманитарных наук и права : материалы междунар. науч. конф., Витебск, 3–4 октября 2019 г. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2019. – 331 с.
10. Победа – одна на всех : материалы Междунар. науч.-практ. конференции, Витебск, 24 апреля 2014 г. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2014. – 374 с.
11. 1945 год: формирование основ послевоенного мироустройства : сб. научных статей / В.Т. Юнгблюд [и др.] ; под ред. В.Т. Юнгблюда. – Киров, 2015. – 522 с.
12. Центральний державний архів громадських об'єднань України (ЦДАГО України). – Ф. 62. Оп. 1. Спр. 47. Арк. 7 ; Ф. 62. Оп. 2. Спр. 294. Арк. 20–25.
13. Ціватий, В.Г. ООН у системі координат глобалізованого світу ХХІ століття: інституціональні традиції, цивілізаційний вимір, сучасні виклики / В.Г. Ціватий // *Актуальні проблеми міжнародних відносин : Збірник наукових праць: Інститут міжнародних відносин КНУ імені Тараса Шевченка*. – К., 2005. – Вип. 58. – Ч. II. – С. 158–166.
14. Ціватий, В.Г. Поліцентричність сучасного світоустрою: мегатренд ХХІ століття (інституційний контекст) / В.Г. Ціватий, О. Громико // *Зовнішні справи*. – 2014. – № 8. – С. 26–29.
15. Chasseaud Peter. *The Times Second World War* / Peter Chasseaud. – London, 2019. – 363 p.

Кандраценка А.С.

МІЖНАРОДНАЕ СТАНОВІШЧА СЛАВАЦКАЙ РЭСПУБЛІКІ Ў 1939–1941 гг.

Мюнхенская канферэнцыя, а потым і Венскі арбітраж 1938 года стварылі перадумовы для захопу чэхаславацкай тэрыторыі нацысцкай Германіяй. У якасці стратэгічнага варыянта быў абраны дыферанцыяваны падыход да чэхаў і славакаў, пры якім ліквідацыя чэхаславацкай дзяржавы выглядала б як унутраны распад.

Неўзабаве пасля Мюнхена яскрава праявіўся разлад паміж чэхамі і славакамі. Гэтым скарысталася Глінкава славацкая народная партыя (ГСНП). 6 кастрычніка 1938 г. яе выканаўчы камітэт абвясціў у Жыліне аўтаномію Славакіі [7, с. 67]. Аўтаномны ўрад з самага пачатку сутыкнуўся з неабходнасцю забяспечыць славацкую граніцу ад тэрытарыяльных памкненняў Венгрыі і Польшчы, якія выдзвінулі прэтэнзіі на тэрыторыі, дзе кампактна пражывалі венгерская і польская этнічныя меншасці. У паветры вітала ідэя стварэння венгерска-польскай граніцы, то бок раздзела Славакіі. Чэхаславацкі ўрад, жадаючы пазбегнуць сур'ёзнага канфлікта з Польшчай, перадаў ёй частку Сілезіі і паўночнай Славакіі. Перамовы з Венгрыяй, якая патрабавала ўсе славацкія землі, вынікаў не далі. Двухбаковая праблема вышла на міжнародны ўзровень і 2 лістапада 1938 г. міністры замежных спраў Германіі і Італіі падпісалі ў Вене пагадненне аб новай граніцы паміж Славакіяй, Падкарпацкай Руссю і Венгрыяй. Венгрыі была перададзена тэрыторыя ў 10 309 кв. км. з насельніцтвам у 853 670 чалавек, з каторых 272 145 былі славакамі па нацыянальнасці [13, с. 210].

У выніку акупацыі Чэхаславакіі нямецкімі войскамі ў сакавіку 1939 г. быў створаны Пратэктарат Багемія і Маравія, а на славацкіх землях была абвешчана незалежнасць Славацкай Рэспублікі. Часткі вермахта ў той жа дзень увайшлі на тэрыторыю заходняй Славакіі, раззброілі славацкія гарнізоны і занялі важныя ваенныя аб'екты краіны. Праз тыдзень ва Усходнюю Славакію былі ўведзены венгерскія войскі, якія ўзялі пад свой кантроль шырокія тэрыторыі, у тым ліку буйныя гарады як Ужгарод і Кошыцэ. Так пачалася г. зв. «Малая вайна», якая на доўгія гады дыстабілізавала славацка-венгерскія адносіны.

Пад націскам Германіі, славацкі і венгерскі бакі дамовіліся спыніць баявыя дзеянні і стварыць буферную зону. 3 красавіка 1939 г. нямецкі пасол у Будапешце О. фон Эрдмансдорф сустрэўся з міністрам замежных спраў Венгрыі І. Чакі для абмеркавання будучыні славацка-венгерскай граніцы. Венгерскі міністр заявіў, што «там, дзе прайшлі венгерскія салдаты, яны і застануцца» [9, с. 99].

Дзякуючы перамозе ў «Малой вайне» Венгрыя атрымала Сабранецкую акругу і частку акругі Свіна, агульнай плошчай у 1056 кв. км, што ўключала

74 вёскі з насельніцтвам у 40 777 чалавек, палова з якіх былі славакамі [9, с. 100]. Спыненне баявых дзеянняў дазволіла захаваць незалежнасць новаўтворанай Славацкай дзяржавы. Венгрыя вярнула сваю «законную» тэрыторыю. Германія стрымлівала супярэчнасці паміж Венгрыяй і Славакіяй, і ў той жа час, славацка-вянгерскі канфлікт. Аб гэтым сведчыць дыпламатычная перапіска Будапешта з Рымам [4, с. 405].

З моманту стварэння Славакія апынулася ў сферы ўплыву Германіі, пра што сведчыць падпісаная 18 сакавіка 1939 г. Ахоўная дамова. У адпаведнасці з ёй Германія брала на сябе ахову палітычнай незалежнасці і цэласнасці славацкай тэрыторыі. Славацкі ўрад пагаджаўся на перадачу паўнамоцтваў над ахоўнай зонай у заходняй Славакіі. Дзякуючы гэтаму пункту, нямецкія ўзброеныя сілы у гэтай зоне мелі права ў любы час ствараць ваенныя аб'екты і ўтрымліваць іх пад кантролем. Славацкі ўрад павінен быў арганізаваць свае ўзброеныя сілы толькі пры згодзе з урадам Германіі [12, с. 305–306]. Дадзены дакумент заклаў аснову для славацка-нямецкіх адносін. Дамова абавязала славацкі ўрад праводзіць сваю знешнюю палітыку ў строгай адпаведнасці са знешняй палітыкай нямецкай дзяржавы.

Да Ахоўнай дамовы быў далучаны Сакрэтны пратакол аб эканамічным і фінансавым супрацоўніцтве ад 23 сакавіка 1939 г. Славацкі ўрад не мог без згоды Германіі весці перамовы па эканамічных пытаннях з іншымі дзяржавамі. Уся інфармацыя аб наяўнасці такіх перамоў перадавалася нямецкаму боку [12, с. 308–309]

Нямецкі ўплыў у Славакіі ажыццяўляўся праз нямецкую амбасаду, службу бяспекі (СБ), службу ваеннай разведкі, Нямецкую партыю на чале з Ф. Кармазіным і іншыя структуры. Найбольшы ўплыў на славацкі ўрад мела служба бяспекі. З самага пачатку служба бяспекі падтрымала радыкальнае крыло ГСНП і аказвала ўплыў на далейшае палітычнае развіццё Славацкай Рэспублікі [8, с. 36].

Пра залежнасць Славацкай Рэспублікі ад нацыскай Германіі сведчыць той факт, што яшчэ ў красавіку 1939 г. А. Гітлер прапаноўваў Польшчы частку Славакіі ў якасці кампенсацыі за г. Данцыг і польскі калідор у Прусіі. Польскі ўрад не пагадзіўся з прапановай. У гэтай сувязі Германія стала разглядаць славацкую тэрыторыю ў якасці плацдарма для наступлення на Польшчу.

На міжнароднай арэне Славацкая Рэспубліка была прызнана саюзнікамі нацыскай Германіі, а таксама дзяржавамі, якія захоўвалі на пачатак Другой сусветнай вайны нейтралітэт: Бразілія, Швейцарыя, Сальвадор, Ватыкан і інш., агулам 27 краін. Вялікабрытанія прызнала Славацкую дзяржаву толькі дэ-факта. ЗША не мелі нават такога намеру [11, с. 77–80].

Між тым, ужо ў верасні 1939 г. Савецкі Саюз, які раней не прызнаваў ліквідацыю Чэхаславакіі і незалежнасць Славакіі, заняў станоўчую

пазіцыю ў славацкім пытанні. На зменуу знешняй палітыцы СССР паўплывала падпісанне пакта Молатава-Рыбентропа. Так, 14 верасня 1939 г. славацкі пасол у Берліне М. Чэрнак па ініцыятыве міністра замежных спраў Славацкай Рэспублікі Ф. Дзюрчанскага сустрэўся з кіраўніком савецкай дыпламатычнай місіі ў Германіі А. Шкварцавым. Апошні прайнфармаваў Маскву аб славацка-савецкіх перамовах і запрасіў далейшыя інструкцыі [2, с. 80]. На наступны дзень наркам замежных спраў В. Молатаў паведаміў Шкварцаваму аб згодзе СССР дыпламатычна прызнаць Славацкую Рэспубліку, што і было зроблена 16 верасня 1939 г. [2, с. 82]. 11 снежня 1939 г. Ё. Ціса назначыў паслом у Маскве Ф. Ціса, савецкі пасол у Браціславе Р. Пушкін прыступіў да сваіх абавязкаў 2 лютага 1940 г. [1, с. 231].

На пачатковым этапе станаўлення славацка-савецкіх адносін дамінавалі дзве лініі – геапалітычная і эканамічная. Варта адзначыць, што славакі чакалі дапамогі ад Савецкага Саюза ў славацка-венгерскім тэрытарыяльным пытанні. Пачынаючы з вясны 1940 г. Ф. Дзюрчанскі распачаў дзейнасць, накіраваную на вяртанне акупаваных венграмі тэрыторый. Ён спадзяваўся на дапамогу Савецкага Саюза ў гэтым пытанні. У Славакіі распаўсюджваліся чуткі, што СССР хоча далучыць да сябе Карпацкую Украіну, якая была акупавана венгерскімі войскамі 9 сакавіка 1939 г. [3, с. 305–306]. У выніку гэтага Славацкая Рэспубліка мела б прамую граніцу з Савецкім Саюзам, якая б здолела аслабіць венгерскія тэрытарыяльныя памкненні. У дадзеным славацка-венгерскім пытанні СССР паводзіў сябе вельмі асцярожна. Як падсумоўваў Р. Пушкін «ад нас славакі чакаюць, бадай, больш, чым мы можам ім даць» [5, с. 83]. Пачынаючы з канца лета 1940 г. славацка-савецкія адносіны сталі прыметна пагаршацца. На гэта паўплывалі змены ў славацкім урадзе і ўмацавання ўплыву пранацысцкага крыла ў ГСНП [1, с. 237].

У кастрычніку 1940 г. паміж Германіяй і славацкім урадам была падпісана дадатковае сакрэтнае пагадненне да Ахоўнай дамовы. У адпаведнасці з ім Славакія прадастаўляла немцам прамысловыя аб'екты, а таксама славацкая армія падлягала рэфармаванню па ўзоры нямецкай арміі. Сведчаннем цеснага саюза Славацкай Рэспублікі з Трэцім Рэйхам стала далучэнне Славакіі (разам з Румыніяй і Венгрыяй) 24 лістапада 1940 г. да Траістага пакта і адпраўка 23 чэрвеня 1941 г. войск (славацкай матарызаванай дывізіі) для вайны супраць СССР [6, с. 370].

У выніку, ускосным следствам мюнхенскага крызісу 1938 г. стала наданне Славакіі аўтаномнага статусу ў Чэхаславакіі. Гэта быў першы крок да пабудовы славацкай дзяржаўнасці. Менавіта пад ціскам Германіі 14 сакавіка 1939 г. была абвешчана Славацкая Рэспубліка. З'яўленне новай дзяржавы азначала распад Чэха-Славакіі па нямецкаму раскладу. Становішча Славакіі ў германскай сферы ўплыву вызначыла Ахоўная дамова, падпісаная 18 сакавіка 1939 г. У адпаведнасці з якой Германія

брала на сябе ахову палітычнай незалежнасці і цэласнасці славацкай тэрыторыі. Знешняя палітыка Славакіі павінна была праводзіцца ў цесным кантакце з Германіяй. Славацкая Рэспубліка была прызнана 27 краінамі, аднак казаць аб тым, што яна стала раўнапраўным суб'ектам на міжнароднай арэны не даводзіцца. Славакія фактычна ішла ў адным рэчышчы з палітыкай, якую праводзілі краіны «асі». Сведчаннем гэтага стала тое, што 24 лістапада 1940 г. Славакія далучылася да Траістага пакта. Варта адзначыць, што славацка-савецкія міждзяржаўныя кантакты 1939–1941 гг. пагаршаліся паралельна з нямецка-савецкімі адносінамі. Славацкая Рэспубліка як саюзнік Германіі ўступіла ў вайну супраць Савецкага Саюза. Такім чынам, абставіны, пры якіх Славакія стала незалежнай, прывялі да таго, што славацкая дзяржаўнасць была ўспрынята як пабочны прадукт германскай знешняй палітыкі.

1. Грубонь, А. Словацко-советские отношения в 1939–1941 гг. / А. Грубонь // Працы гістарычнага факультэта БДУ : навуковы зборнік. Выпуск 11 / рэдкал. : У.К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БДУ, 2016. – С. 227–238.
2. Документы внешней политики СССР : в 24 т. – М. : Госполитиздат ; Международные отношения, 1958–2000. – Т. 22. – Кн. 2 : 1 сентября – 31 декабря 1939 г. – 688 с.
3. Марьина, В.В. Советский Союз и чехо-словацкий вопрос во время Второй мировой войны 1939–1945 гг. Кн. 1. 1939–1941 гг. / В.В. Марьина. – М. : Индрик, 2007. – 448 с.
4. Пушкаш, А.И. Внешняя политика Венгрии: Февраль 1937 – сентябрь 1939 г. / А.И. Пушкаш. – М. : Институт славяноведения РАН, 2003. – 460 с.
5. Сальков, А.П. Словацко-венгерский национально-территориальный конфликт и международные отношения в Карпато-Дунайском регионе (март 1939 – май 1945 г.) / А.П. Сальков // Российские и славянские исследования : науч. сб. Вып. 8 / редкол. : А.П. Сальков, О.А. Яновский (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2013. – С. 68–98.
6. Чехия и Словакия в XX веке: очерки по истории : кн. 1. / В.В. Марьина (отв. ред.) [и др.] – М. : Наука, 2005. – 453 с.
7. «Tretiaríša» avznik Slovenského štátu : dokumenty / I. M. Schvarc (eds.). – Bratislava : Ústav pamätinárada: SNM – Múzeum kultúry karpatských Nemcov, 2008. – 635 s.
8. Baka, I. Politický systém a režim Slovenskej republiky v rokoch 1939–1940 / I. Baka. – Bratislava : Vojenský historický ústav, 2010. – 322 s.
9. Janek, I. The History of the Slovak-Hungarian «Little War» and Its Interpretations in National Histories / I. Janek // Prague Papers on the History of International Relations, 2. – Praha : Univerzita Karlova, Ústřední knihovna, 2015. – P. 85–101.
10. Mosný, P. Dejiny štátu a práva na Slovensku po roku 1918 / P. Mosný. – Košice : Univerzita Praha J. Šafárika, 1997. – 241 s.
11. Rosputinsky, P. K otázke štátnosti Slovenského štátu / P. Rosputinsky // Acta FF ZČU. – 2016. – S. 75–100.
12. Slovensko-nemecké vzťahy 1938–1941 v dokumentoch: v 2 sv. Sv. I. : od Mníchova k vojne proti ZSSR / E. Nižňanský [a kol.]. – Bratislava : Universum, 2009. – 1174 s.
13. Viedenská arbitráž 2. novembra 1938: Dokumenty II., Okupácia (2. novembra – 14. marec) / zost. L. Deák. – Bratislava : Matica slovenska, 2003. – 304 s.

Исаева О.Н.

ОБОРОНА КАНЕВСКОГО ПЛАЦДАРМА ЛЕТОМ 1941 ГОДА

С первых дней войны город Канев подвергался бомбовым ударам нацистской авиации, которые были нацелены на оборону стратегического объекта – Каневского железнодорожного моста. Враг рвался к переправе через Днепр и уже в первые дни августа 1941 года в районе Канева кипели жестокие бои. Здесь, на Днепровском берегу, в июле – августе 1941 года происходила одна из выдающихся битв второго периода Второй мировой войны – оборона Киева. Ее оборонные рубежи протянулись от Коростеня до Канева, по Каневской земле проходил левый фланг оборонных рубежей столицы Украины. Для ликвидации Каневского плацдарма гитлеровское командование бросило отборную 94-ю мотопехотную дивизию под командованием генерал-майора Пфейфера и танки Клейста. Им противостояли военные соединения 26-й армии, усиленные бронепоездом № 56 (командир старший лейтенант П.К. Ищенко) и кораблями Днепровской военной флотилии «Верный», «Передовой», «Жемчужин». Несмотря на жестокое сопротивление красноармейцев, 15 августа 1941 года командование Юго-Западного направления приказало войскам отступать на левый берег Днепра [4, с. 50–64].

В 30-х годах XX века Канев был поселком городского типа, районным центром Киевской обл. УССР; число жителей – 9 тыс. Здесь работали пристань на правом берегу Днепра, МТС и паровая мельница. В 7 км от города на Чернечей горе (современная – Тарасова) похоронен Т.Г. Шевченко [6, с. 204]. На протяжении 1929–1933 годов, в связи со строительством железной дороги, которая соединяла станции Мироновка (правый берег Днепра) и Золотоноша (левый берег Днепра), в Каневе строятся железнодорожный вокзал и железобетонный мост [5, с. 80]. Каневский железнодорожный мост был открыт в июле 1932 года. Летом 41-го этот мост становится одним из важнейших стратегических объектов, который мог бы обеспечить успешное наступление врага.

22 июня 1941 года на могиле Тараса Шевченко в Каневе было много людей. О реакции посетителей музея Шевченко на известие о начале войны рассказывает жительница Канева Кисель Александра Филимоновна: «было в музее много людей. Целый пароход приехал. Страшно и сейчас вспоминать тот момент, когда объявили, что началась война. Человек с двести было тогда в музее. Как сказали – ужас, что было. Как заплакали люди, то музей загудел весь» (перевод с украинского О. Исаевой) [2, с. 13] – это было первое впечатление от страшной вести. Записи, оставленные посетителями на страницах Книги отзывов посетителей могилы Тараса Шевченко, свидетельствуют о готовности защищать от врага родную землю: «до последней капли крови и последнего вздоха защищать [...] Родину от фашистских варваров» (перевод с украинского О. Исаевой) [10, с. 425] – запись датируется 25 июня 1941 года. Пройдет месяц и в этой Книге будут сделаны последние записи посетителей.

Новая Книга отзывов посетителей могилы Тараса Шевченко будет начата в апреле 1944 года, после освобождения Канева от нацистских захватчиков.

Об обороне Каневского моста в июле – августе 1941 года писал советский детский писатель, военный корреспондент газеты «Комсомольская правда», Аркадий Гайдар в очерке «Мост»: «Прямой и узкий, как лезвие штыка, лег через реку железный мост. И на нем высоко, между водой и небом, через каждые двадцать-тридцать метров стоят наши часовые. Вправо по берегу за камышами [...] спрятан прикрывающий мост батальон пехоты. На другом берегу на горе, в кустарнике, – артиллеристы-зенитчики. По мосту к линиям боя непрерывно движутся машины с войсками, оружием и боеприпасами [...]. Протяжно воют «мессершмитты». Тяжело ревут бомбардировщики. Они бросаются на мост стаями. Их много – тридцать, сорок [...]. И кажется, что уже нет силы, которая помешает им броситься вниз и швырять бомбы на самый центр моста, туда, где, прислонившись спиной к железу и сдвинув на лоб тяжелую каску, молча стоит часовой [...]. Семьсот «самолетоналетов» сделал уже противник и более пяти тысяч бомб бросил за неделю в районе моста» [1, с. 294, 299–300].

Ценой больших потерь в живой силе и технике врагу удалось оттеснить советские войска к Каневу. В боевых донесениях 26-й армии командованию Юго-Западного фронта сообщалось о горячих боях и огромных потерях фашистов на подступах к Каневу: «I-ый танковый батальон 23-го танкового полка 12-ой танковой дивизии атаковал противника и отбросил его на Бересняги. Батальон имел 20 танков «Т-34» и четыре «Т-26», занимая район роши 0,5 км южнее Куриловки. В 17 час. батальон получил устный приказ командира 23-го танкового полка – в 18 час. с исходного рубежа – западная окраина Козаровки – батальону совместно с пехотными частями, отошедшими за этот рубеж, атаковать противника в общем направлении: северная окраина Синявки, высота 128,7, отметка 29, отметка 5,5 с задачей подавить огневые точки и живую силу противника и обеспечить стрелковым частям восстановление первоначального положения фронта. После атаки сосредоточиться в сборном районе – восточная окраина Козаровки в готовности возвратиться в прежний район. В 18 час. 10 мин. батальон сосредоточился в Козаровке. По дороге Куриловка-Козаровка был обстрелян артиллерийским и минометным огнем из района 1,5 км, южнее Орловца. Командир батальона, оставив за себя начальника штаба и уточнив поле боя, прибыл на командный пункт командира полка, где доложил, что нашей пехоты нет, после чего командир полка, поставил задачу – атакой накоротке в направлении северной окраины Синявки, высота 128,9, отметка 29, отметка 5,5 подавить огневые точки и живую силу противника и сосредоточиться на восточной окраине Козаровки в готовности выхода на Куриловку. В 19 час. 20 мин. батальон атаковал противника в западном направлении с охватом флангов в клещи по два взвода. В 20 час 30 мин. после паузы начался интенсивный бой с пехотой противника, продолжавшийся до 24 часов. В результате атаки уничтожено: противотанковых ору-

дней – 17, пушек 105 мм – 4, крупнокалиберных пулеметов – 11, огнеметов – 7, пулеметов – 29-30, бронированный тягач и бронемашина. К 4 час. 30 мин. батальон в составе 13 танков «Т-34» сосредоточился в Тростянце» – из боевого донесения начальника отдела бронетанковых войск 26-й армии полковника Лобанова в штаб Юго-Западного фронта от 6 августа 1941 года (в донесении указаны населенные пункты Каневского района Черкасской области, расположенные на правом берегу Днепра) [13, с. 28–29].

Как упоминалось выше, для ликвидации Каневского плацдарма гитлеровское командование выделило специальную группу дивизий из своего резерва под командованием генерала Шведлера. На этом направлении наступали свежие, полностью укомплектованные девять дивизий, в том числе мотодивизии СС «Викинг». Враг имел четкое задание: отрезать 26-ю армию от Днепровских переправ, окружить ее и уничтожить до 12 августа. Силы были неравные: фашистов насчитывалось 16 тыс., а численность советских войск не превышала 2 тысячи [9, с. 74–77].

Неоценимую помощь боевым подразделениям 26-й армии предоставлял бронепоезд № 56, который непрерывно курсировал вдоль линии обороны. Бронепоезд был в составе 56 полка 4 дивизии НКВС по охране железнодорожных сооружений, сформирован 23 июня 1941 года и дислоцировался в г. Черкассы. 20 июля 1941 года приказом командования Юго-Западного фронта бронепоезд переходит в распоряжение командования 26-й армии, а с 1 августа он защищает подходы к Каневскому железнодорожному мосту. 14 августа, в результате вражеского авианалета, бронепоезд был уничтожен, личный состав получил приказ отходить на Левый берег. За период боев в районе Канева бронепоезд уничтожил 30 мотоциклистов, до 700 чел. пехоты, 12 минометов, 2 артиллерийские батареи, 5 противотанковых орудий, 5 бронетягачей, 2 бронемашины, 11 танков и один двухмоторный вражеский бомбардировщик [3, л. 19].

За заслуги перед Родиной, стойкость и героизм, проявленный при обороне стратегической переправы через Днепр в районе Канева, весь экипаж бронепоезда № 56 был награжден орденами и медалями, большинство – посмертно. Из наградного листа Васиновича Петра Ивановича, старшего сержанта, старшего механика паровоза бронепоезда 56 полка войск НКВД, 1917 года рождения: «Умело показывая пример дисциплины, героизма, мужества и отвагу несколько раз под ураганным огнем минометов и бомб врага под ст. Бородянка (районный центр Киевской области, правый берег Днепра) 16.7.41 г., там же 27.7.41 г. 10–12–13 августа под станцией Канев выводил бронепоезд из ловушки. 8.8.41 г. В течение 13 часов организовал и поднял под ст. Канев сбитую вражескими минами бронеплощадку с ж.д. полотна. 13.8.41 г. осколком вражеской мины тов. Васинович был ранен, но получив перевязку, не бросил паровоз и только после потери сознания был направлен в госпиталь в село Лепляво (село Каневского района Черкасской области, левый берег Днепра), на 3 день ушел из госпиталя, но был возвращен медработником. За отличное техническое содержание паровоза, воспитание сво-

их подчиненных, за проявленную отвагу, героизм и мужество в борьбе с фашистами, тов. Васинович заслуживает награждения правительством Союза Советских Социалистических республик орд. Красного знамени. [...] Приказом ЮЗФ 314/н от 29.12.41 г. Награжден орд. Красного знамени» [7, л. 1, об.]. Командир бронепоезда Петр Кириллович Ищенко был награжден орденом Ленина.

В критические минуты на выручку защитникам Каневского моста спешили бронекатера «Смоленск», «Верный», «Передовой», которые из Днепровских вод обороняли подходы к мосту. Корабли Днепровской военной флотилии взаимодействовали с частями 26-й армии генерал-лейтенанта Ф.Л. Костенко, 37-й армии генерала О.И. Лопатина и 38-й армии генерал-лейтенанта Д. И. Рябишева, пытаясь создать устойчивую оборону на рубеже Днепра – от Киева до Кременчуга. В составе Днепровской флотилии были мониторы «Левачев» и «Флягин», канонерские лодки «Передовой», «Смольный», «Кремль», «Каганович», «Трудовой», «Белоруссия», «Верный», 2 тральщика, 2 плавучие зенитные батареи, сторожевые корабли и др. Также флотилия имела в своем составе плавучую мастерскую, баржи с продовольствием и запасом топлива [8, с. 70].

Непрерывная кровавая битва за Каневский плацдарм длилась с 13 до 16 августа 1941 года. Враг нес огромные потери в живой силе и технике, но ничто не могло остановить его на пути к переправе. Поэтому части Красной армии были вынуждены спешно переправляться на Левый берег. Из телеграммы командования Юго-Западного фронта в Ставку Верховного Главнокомандующего от 16 августа 1941 г.: «Докладываю обстановку на Юго-Западном направлении. Юго-Западный фронт. Последние три дня противник, поддержанный сильной авиацией и танками, вел непрерывные атаки против войск 26-ой армии, обороняющих Каневский плацдарм. В итоге боев наши войска понесли значительные потери и отошли непосредственно к Каневской переправе. Чтобы избежать окончательного разгрома и сохранить кадры войск, я вынужден был 15 августа разрешить 26-ой армии оставить правый берег Днепра. Одновременно указал командующему фронтом за счет освободившихся войск усилить оборону плацдарма у Черкасс. Таким образом в течение последней недели противник на большом протяжении подошел к р. Днепр и тем самым создал угрозу форсирования реки и выхода на важнейшие для нас направления» [13, с. 31].

Железнодорожный мост через Днепр взорвали специалисты НКВД. Конечно, такие действия дали возможность на определенное время задержать вражеское наступление. Но с уничтожением моста были брошены на произвол судьбы тысячи людей: раненые красноармейцы и гражданское население, которые пытались переправиться на левый берег Днепра. Вереницы людей и техники протянулись от разрушенного моста к Пекарям (село Каневского района, размещено на Правом берегу в 7-ми км ниже Канева), они стали легкой мишенью для вражеской авиации. Итак, врагу удалось захватить холмистый Правый берег, но переправиться через Днепр

было проблематично – на Левом берегу была сосредоточена артиллерия Красной армии. Из воспоминаний каневчанина Тананы Петра Федоровича (1917–2000), старшего матроса из канонерской лодки «Верный», о прохождении мониторов и лодок Днепровской военной флотилии вверх по Днепру после разрушения Каневского железнодорожного моста и отхода красноармейцев на Левый берег: «Хочу сказать, что полевая артилл[л]ерия свое сделала, что стояла в Леплявом. Когда начали делать пристрелку вражеские батареи, то наша полевая заговорила по-своему и началась дуэль, а тем временем мы поспешно удалились» [12, л. 73].

О горячих августовских днях 41-го рассказывает письмо красноармейца 26-й армии Грицика Александра Феофановича. Обращаясь к жене и детям, он рассказывает о сильном натиске врага и смерти товарищей, но отступать некуда – бойцы окопались возле самого Днепра. Много дней, днем и ночью, красноармейцы отражают яростные атаки, но сдаваться врагу они и не думают. Обращаясь к своим родным, рядовой Грицик выражал мнения боевых побратимов: «никогда не была такой дорогой родная земля. Все такое родное: Днепр, каневские поля, напоенные кровью [...] Враг рвется к Каневу. Только теперь понял всю цену родного края. Вчера немац был возле самого города. Там [...] могила Шевченко [...] сердце вздрагивает, когда подумашь, что враг может топтать могилу поэта, глумиться над ней» (перевод с украинского О. Исаевой) [10, с. 425]. Это письмо так и не было отправлено, его нашли через четверть века, во время строительства Каневской Гидроэлектростанции.

В районе Тарасовой горы фашисты появились 21 августа 1941 года [11, с. 67]. С этого времени и до 31 января 1944 года в Каневе хозяйничали оккупанты.

1. Гайдар, А.П. Собрание сочинений в четырех томах. – Т. 3 / А.П. Гайдар ; редкол.: Б. И. Камир (гл. ред.) [и др.]. – М. : Детская литература, 1964. – 407 с.; ил. – ШНЗ/КН-1903, А-1517.
2. За колючим дротом. Музей Тараса Шевченка в Каневі в роки німецько-фашистської окупації (1943–1944 рр.) // Упорядники: Р.В. Танана, О.В. Білокінь. – Черкаси : Вертикаль, видавець ПП Кандич С.Г., 2008. – 104 с. – ШНЗ/КІМ-5277, Кн-83.
3. Записная книжечка машиниста бронепоезда №56 Васиновича П.И. Из фондов Клуба-музея ветеранов войны и труда, г. Канев. – КН-290, ІН-14. – 25 л.
4. Іщенко, М.Є. Канівщина / М.Є. Іщенко, Л.Г. Мотов, І.І. Сорокопуд. – Дніпропетровськ : Промінь, 1969. – 127 с.
5. Канів через плин століть: Путівник / Упор. Т.М. Мацієвська. – Черкаси: Брама-Україна, 2006. – 120 с.
6. Малая Советская Энциклопедия. Первое издание переработанное. Том третий. Второй полутом: Исландия – Ковалик / редкол.: Н.Л. Мещеряков (гл. ред.) [и др.]. – М. : ОГИЗ РСФСР, 1937. – 528 с. – ШНЗ/КІМ-3673, КН-15.
7. Наградной лист Васиновича П.И. Из фондов Клуба-музея ветеранов войны и труда, г. Канев. – КН-295, ІН-7. – 1 л, об. Копия.
8. Страшевич, В.Б. Участь Дніпровського загону Пінської військової флотилії в оборонних боях липня – вересня 1941 року / В.Б. Страшевич // Черкащина

- в контексті історії України. Матеріали Другої науково-краснознавчої конференції Черкащини, присвяченої 60-річчю Перемоги у Великій Вітчизняній війні 1941–1945 рр. / редкол.: В.М. Мельниченко (гл. ред.) [и др.]. – Черкаси: Ваш Дім, видавець ПП Дикий О.О., 2005. – 476 с.
9. Стрипко, Т.О. Оборона Канівського плацдарму в серпні 1941 року / Т.О. Стрипко // Велич подвигу народного : Тези матеріалів обласної науково-практичної конференції, присвяченої 50-річчю перемоги у Великій Вітчизняній війні 1941–1945 рр. – Черкаси, 1995. – 174 с.
  10. Тарахан-Берега, З.П. Святиня. Науково-документальний літопис Тарасової гори / З.П. Тарахан-Берега. – К. : Родовід, 1998. – 544 с.
  11. Танана, Р.В. Музей Кобзаря у Каневі в роки фашистської окупації / Р.В. Танана // Не підлягає забуттю: нацистський окупаційний режим на Черкащині (1941–1944): збірник наукових статей, документів та спогадів / О.А. Воронкіна [та інш.]. – Черкаси : Вертикаль, 2013. – 366 с.
  12. Тетрадь [вспоминання Петра Федоровича Танани]. – 1978. – 194 с. – ШНЗ/КИМ-5209. А-5.
  13. Черкащина в період Великої Вітчизняної війни 1941–1945 рр. Збірник документів та матеріалів / П.М. Жук, П.П. Жук, С.І. Кононенко, С.І. Кривенко. – Черкаси : Брама-ІСУЕП, 2000. – 208 с.

Ямпольская Л.Н.

**106-я КАЗАХСКАЯ КАВАЛЕРИЙСКАЯ (АКМОЛИНСКАЯ)
ДИВИЗИЯ В ХАРЬКОВСКОЙ ОПЕРАЦИИ 12–29 МАЯ 1942 г.:
НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ**

Изюм – Барвенково – Лозовая – Балаклея: трагическое кольцо окружения 57-й армии Южного фронта, 6-й армии и армейской группы Юго-Западного фронта, последний, восьмой «котел» для частей РККА в период Великой Отечественной войны, символ обреченности и бесславной гибели около 267 тыс. солдат и офицеров в Харьковской операции 12–29 мая 1942 г. Одним из малоизвестных и трагических эпизодов этой операции стала судьба 106-й Акмолинской кавалерийской дивизии, завершившей свой боевой путь на Балаклеянской земле и практически полностью уничтоженной силами вермахта в «котле» под с. Лозовенька.

В мемуарах Маршала Советского Союза И.Х. Баграмяна «Так мы шли к победе» [1] есть упоминания о 106-й кавалерийской дивизии, которая была включена в состав 6-го кавалерийского корпуса и стала ударной силой в Харьковской операции в мае 1942 г. Отдельные эпизоды «второй битвы за Харьков» и участия в ней 106-й кавдивизии представлены в мемуарах генерал-майора Х. Ланца, командира 1-й горнострелковой дивизии вермахта, ставшей основным барьером на пути прорыва из окружения войск Барвенковского выступа. Архивные материалы по истории казахской кавдивизии изъяты из советских военных архивов ввиду ее расформирования. На сегодняшний день известны имена лишь около 200 кавалеристов этой дивизии. Мемуарные материалы о казахах-акмолинцах содержатся на сайте руководителя казахского землячества Харькова Макки Каражановой [3] и сайте

«Наследники славы» командира поискового отряда «Мемориальная зона» Майдана Кусаинова [5; 7].

Задача нашего доклада – на основе имеющихся официальных документов и мемуарных источников проанализировать участие 106-й казахской (Акмолинской) кавалерийской дивизии в Харьковской операции 12–29 мая 1942 г.

106-я казахская кавалерийская дивизия была сформирована в период с декабря по март 1942 г. в Акмолинской области Казахской ССР. В ее состав вошли представители еще 10 областей и кавалеристы из 107-й Киргизской дивизии. 106-я казахская кавдивизия была отправлена на фронт из Акмолинска под Харьков в апреле 1942 г. (рис. 1, 2). В политическом сообщении от 9 мая 1942 г. о собрании 6-го кавалерийского корпуса указано: «Сегодня к нам прибыло пополнение в составе полной кавалерийской дивизии 4175 человек, в т. ч. комначсостава 356 человек, младшего начсостава 528 человек, рядового состава 3291 человек... По национальности 90% всего состава казахи. Пополнение обучено и обмундировано по-зимнему...» [3]. На вооружении 106-й Акмолинской дивизии на время перехода ее трех полков в состав 6-го кавкорпуса в г. Чепель Харьковской области, согласно акту от 16 мая 1942 г., насчитывалось: винтовок – 102, 50-мм минометов – 43, 82-мм минометов – 18, шашек – 3100 [3]. Таким образом, на 3200 кавалеристов не хватало даже сабель. Практически кавдивизия вынуждена была воевать «голыми руками» против танков армии Ф. Паулюса и Э. фон Клейста.

Рисунок 1. Командиры и политруки 106-й казахской кавалерийской (Акмолинской) дивизии, уничтоженной немецкими танковыми армиями под Балаклеей в мае 1942 г. (фото 5 апреля 1942 г.). Верхний ряд: 1-й слева – старший политрук С.М. Кульмагамбетов, 3-й слева – зам. комдива по политработе политрук Н. Ситов, 5-й слева – комдив Б.Н. Панков, 6-й слева – заместитель комдива А.Б. Борисов, 7-й слева – нач. штаба П.Н. Осадченко. Средний ряд: 2-й слева – начальник особого отдела У.Г. Утебаев, 3-й слева – командир полка майор Т. Увайсов. Нижний ряд: 2-й слева – старший политрук К. Капажанов, 3-й слева – командир эскадрона ст. лейтенант М. Бейсембеков. Остальные – неизвестны

Рисунок 2. 106-я казахская кавалерийская (Акмолинская) дивизия перед отправкой на Харьковское направление боевых действий, апрель 1942 г.

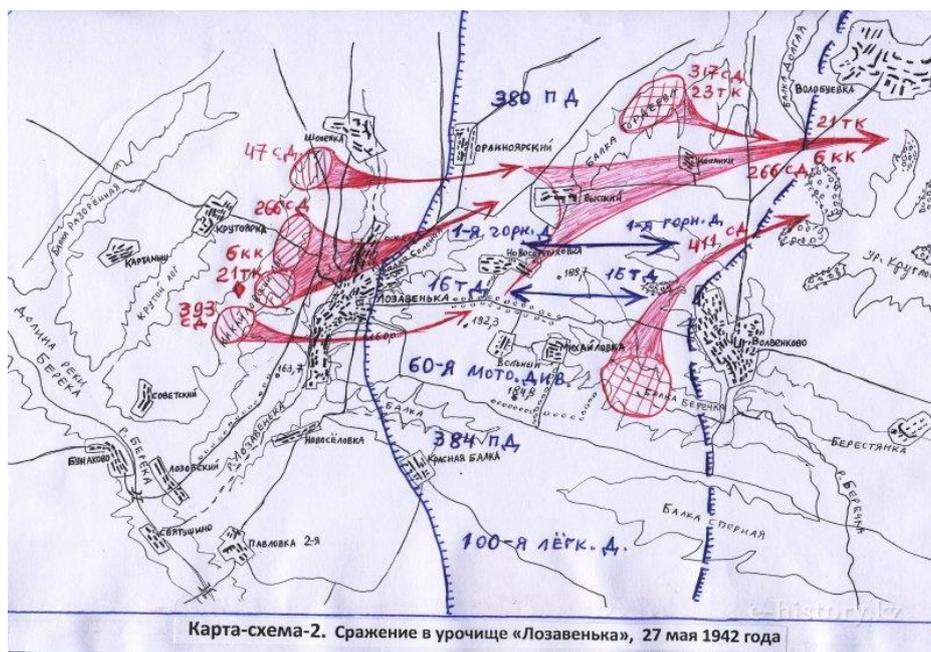
Из письма участника кровопролитных боев под с. Лозовенька Петровского (ныне Балаклеевского) района Харьковской области кавалериста Сидика Туменбаева: «Я был назначен младшим политруком... 106-я дивизия участвовала в боях на юго-западном направлении под Харьковом и Донбассом... В мае 1942 г. мы начали воевать. Кроме сабель (шашек), у нас не было другого оружия. С саблями в руках мы, кавалерия, начали наступление против немцев. В живых нас осталось трое. Один из них – старший лейтенант Кузембаев – был ранен... Противостоять вооруженным немцам практически было невозможно. Взрывы бомб не давали поднять голову. Своими глазами видел, сколько жизней унесла в этот день война» [3].

На сайте «Наследники славы» внучка одного из казахов, выживших в Харьковской операции, Мадина Берекова, в своем письме написала: «Мой дедушка Мустафа Юнусов воевал медсанитаром в 106-й кавалерийской дивизии... 13 апреля 1942 г. дивизию отправили в Харьков. С болью дед рассказывал нам, как гибли его товарищи в бою. Оружия не было: одна винтовка на 10 кавалеристов. После того, как выпадала винтовка из рук убитого товарища, ее сразу же перехватывал следующий... Некоторые солдаты не спали по пять суток. Когда отряд шел маршем, солдаты, которые располагались в центре строя, спали на ходу. Затем менялись местами с теми, кто ехал по краям, чтобы те могли тоже отдохнуть. Дед попал в плен... После войны был объявлен предателем и отправлен в какой-то лагерь. Он никогда не рассказывал об этом... День Победы отмечал дома наедине. У него не было ни орденов, ни медалей, ни поздравлений. Только постоянные упреки за то, что остался жив. После его смерти пришло письмо, где было указано, что его реабилитировали и назначили льготы как участнику Великой Отечественной

войны...» [3]. Целесообразно предположить, что аналогичной была судьба других кавалеристов 6-го кавкорпуса, оставшихся в живых после «харьковской мясорубки» 1942 г.

Отсутствие документов штаба 106-й казахской кавалерийской дивизии и штаба 6-го кавалерийского корпуса, в который влились три полка дивизии после ее расформирования, объясняется тем, что они или были захвачены противником, или уничтожены советскими штабами, или затоплены в сейфах в р. Берека, западнее с. Лозовенька. По дате пленения бойцов и командиров 106-й кавдивизии – 26 и 27 мая 1942 г., что нашло отражение в немецких документах, можно утверждать: почти все пленные и пропавшие без вести свой последний бой приняли в районе с. Лозовенька (рис. 3).

26–29 мая 1942 г. в районе с. Лозовенька гремели бои, по ожесточенности которым не было равных в годы Великой Отечественной войны: генералы Красной армии во главе с заместителем командующего войсками Юго-Западного фронта Ф. Я. Костенко шли на прорыв кольца окружения бок о бок со своими бойцами и командирами и падали под перекрестным пулеметным огнем немецких горных стрелков. Немецкие снайперы среди тех, кто выходил из окружения, обычно выбивали командиров, политруков. С неба отступающих «утюжила» немецкая авиация.

Рисунок 3. Карта-схема последнего боя 106-й казахской кавалерийской дивизии в урочище Лозовенька Петровского (Балаклеяского) района 27 мая 1942 г.

Немецкий историк Карель Пауль так описывает атаки 27–29 мая в с. Лозовенька: «...в ночь на 28 мая все повторилось. На этот раз атаку пехоты поддерживали несколько Т-34. Русские солдаты, сжимая руки, скорее

всего, находились под воздействием алкоголя, как же иначе могли эти бедняги идти на смерть с криками «Ура!»? [4, с. 186]. 26 мая 1942 г. командующий группой армий «Юг» Теодор фон Бок в своем дневнике сделал запись: «...Еду через группу Брайтта, 44-ю 16-ю танковые дивизии... Везде одна и та же картина: противник, вокруг которого все больше затягивается кольцо, то тут, то там пытается прорваться... С одной высоты, на юго-восток от с. Лозовенька, можно было видеть, как со всех сторон огонь наших батарей, бьющих в «котел», получает слабеющий ответ... Толпы пленных текут в тыл, рядом в атаку идут наши танкисты и части горной дивизии – ошеломляющая картина» [6, с. 244]. Немецкий генерал Эвальд фон Клейст, командующий 1-й танковой армией, после поездки по району стихнувших боев записал: «На поле боя везде землю покрывали трупы людей и лошадей, и так плотно, что трудно было найти место для проезда легкового автомобиля» [2, с. 71].

Таким образом, грандиозная по своим масштабам «вторая битва за Харьков» 12–29 мая 1942 г., разработанная С.К. Тимошенко, И.Х. Баграмяном и Н.С. Хрущевым при поддержке танков, авиации и артиллерии, закончилась катастрофическим поражением воинских частей Южного и Юго-Западного фронта РККА. На фоне неудач и просчетов командующего состава Красной армии были проявлены индивидуальный подвиг и жертвенность личного состава бойцов и большинства командиров, разделивших их судьбу.

Сформированная из представителей этнических групп казахов и киргизов в период с декабря по март 1942 г. 106-я казахская (Акмолинская) кавалерийская дивизия была отправлена на фронт под Харьков в апреле 1942 г. Была задействована в Харьковской операции 12–29 мая 1942 г., приняла решающее сражение в Барвенковском «котле» с преобладающими силами вермахта в районе с. Лозовенька 26–27 мая 1942 г.

В качестве перспектив дальнейшего исследования следует выделить необходимость основательного изучения истории интернациональных военных формирований, в частности 106-й казахской кавалерийской дивизии, уничтоженной в Барвенковском «котле» в ходе «второй битвы за Харьков», используя методологию устной истории и истории повседневности.

1. Баграмян, И.Х. Так мы шли к победе / И.Х. Баграмян. – М. : Воениздат, 1988. – 638 с.
2. Галушко, А. Бои за Харьков в мае 1942 года / А. Галушко, М. Коломиец // Фронтовая иллюстрация. – 2000. – № 6. – 80 с.
3. Исчезнувшая дивизия, или Как казахов бросили на танки с шашками наголо [Электронный ресурс] // Радио Азаттык. – 2011. – 9 мая. – Режим доступа: http://rus.azattyq.org/content/makka_karazhanova_kazakh_division_106_war/24093282.html. – Дата доступа: 19.10.2018.
4. Пауль, К. Дорога в никуда: Вермахт и Восточный фронт / К. Пауль. – Смоленск : Русич, 2003. – 302 с.

5. Пропавшие без вести в Харьковском «котле» [Электронный ресурс] // Военное обозрение. – 2014. – 4 октября. – Режим доступа: <http://topwar.ru/59592-propravshie-bez-vesti-v-harkovskom-kotle.html>. – Дата доступа: 19.10.2018.
6. Фей, В. Танковые сражения войск СС / В. Фей. – М. : Яуза ; Эксмо, 2009. – 432 с.
7. Харьковская операция 1942 г. [Электронный ресурс] // Фотохронограф. – 2014. – 26 октября. – Режим доступа: <http://photochronograph.ru/2014/10/26/harkovskaya-operaciya-1942-goda/>. – Дата доступа: 15.03.2020.

Пивовар Н.В.

155-й УКРЕПЛЕННЫЙ РАЙОН В БОЯХ ЗА ВИТЕБСК

За успешные боевые действия при освобождении Витебска в июне 1944 г. 62 воинским соединениям было присвоено звание Витебских. Многие части получили боевые награды. Так, орденом Красного Знамени был награжден 155 укрепрайон (УР). Что за необычное воинское формирование сражалось под Витебском, за что получило награду?

Действительно, «укрепрайон» – достаточно редкое воинское подразделение. Они создавались с целью ведения глубокой обороны на самых опасных направлениях. Состояли из пулеметно-артиллерийских батальонов (ОПАБ). В его состав входили: 417, 395, 387 ОПАБ. 155-й УР был создан в январе 1942 г. и до февраля 1943 г. защищал Москву на Волоколамском оборонительном рубеже. Это объясняется тем, что до Сталинградской битвы Гитлер не оставлял мысли о наступлении на столицу СССР и держал в этой части фронта огромную группировку. Командовал УР-ом полковник И.И. Савченко (06.07.1942 – 06.04.1944), гв. полковник П.Н. Полищук (06.04.1944 – 27.09.1944).

С ноября 1943 г. 155 УР находился в составе 43 армии и был переброшен на Витебское направление. Зимой – весной 1944 г. он находился на участке фронта в районе Сиротино–Шумилино. 20 мая 1944 г. 155 УР была переброшена восточнее, сменила части 354 сд и занимала большой район обороны северо-восточнее городана рубеже: Храповичи, Замошье, Бараново, южная часть Поповичи, Кайтаново, севернее Рубы. Укомплектованность артпулрот была 40–50 человек.

Занимаемый участок не являлся ключевым, жестоких боев тут не было, но все же, именно здесь в июне 1944 г. подразделения УРа освободили значительную территорию и нанесли противнику определенный ущерб.

Обратимся к журналу боевых действий 155-го УР, который имеется на сайте «Память народа» только с 24.06.1944 г.: «24 июня 1944 г. во второй половине дня, противник начал отход в юго-западном направлении оказывая сопротивление отрядам преследования ОПАБ, вел пулеметный и артвоинноуничтожительный огонь из метательных аппаратов М-40.

В 15.00 после артподготовки отряды преследования действовали: 417 ОПАБ – Талыново, 395 – Бараново, 387 – Кайтаново. 417 ОПАБ

в 17.00 выбив противника из района Храпович овладел деревней и преследуя противника в направлении Хмары – учхоз Мазалово, Решетки 1-я, и к 5.00 25.06. вышел на рубеж Решетки 2-е, Лапицкая, где встретил сильное огневое сопротивление противника с рубежа отм. 171,1 – Михеево.

395 ОПАБ преодолевая сильное огневое сопротивление противника к 18.00 овладел Бараново и начал преследование в направлении Сокольники – учхоз. Мазалово и к 5.00 25.06. занял оборону на рубеже учхоз. Мазалово встретил сильное огневое сопротивление противника с рубежа Мазалово-Милое.

387 ОПАБ сбивая с занимаемых рубежей противника, овладел Трегубцами начал преследование в направлении д. Шалыги, Верховье и дальше по реке Западная Двина. К 5.00 овладел д. Подвалица, Стукаличи, где занял оборону встретив сильное огневое сопротивление противника с рубежа Ризы 1-е – Ризы 2-е.

Разведрота УР действуя впереди частей в направлении Сокольники, Избовичи, Мазалово сбивая отряды прикрытия противника к исходу 24.06. вышли в район Мазалово. В районе учхоза Мазалово был захвачен пленный.

Части УР преследуя части отходящего противника, к 12.00 25.06.1944 г. полностью очистили междуречье р. Лужеснянка и Двина и вышли в район: Лужесно, учхоз Лужесно и лес в 1 км западнее.

Попытка к дальнейшему преследованию и наступлению была остановлена пулеметным и артиллерийским огнем из районов совх. Тирасполь, Броды, Мишково и сев. берега р. Зап. Двина.

С наступлением темноты разведрота УР прорвалась вдоль берега р. Зап. Двина и в 24.00 25.06. 44 г. достигла моста – ж.д. пути 400 м. севернее от Витебска, где первая поставила флаг и захватила пленного, подорвавшего ж.д. мост.

26.06.1944 г. части УР совершили марш и сосредоточились в районе д. Гапоновка и Тирасполь, Суйково. За сутки уничтожено частями УР до 80 немцев убитыми и ранеными, захвачено 15 пленных, 6 лошадей, 25 повозок с военным имуществом, 15 велосипедов, склад с бензином. Наши потери: ранены 7 человек, в том числе три офицера» [4].

27–28.06. 155 УР был выведен из состава 43 армии, а затем принимал участие в освобождении Прибалтики.

Таким образом, 155-й УР сыграл значительную роль в разгроме фашистов под Витебском. Были освобождены несколько десятком населенных пунктов, нанесены потери в живой силе и технике правда, основной удар советских войск был нанесен не на участке 155-го УРа и основные силы противника сосредотачивались не здесь, однако действия подразделений оказали существенную помощь и на второстепенном участке. Если верить данным книги Гончарова В. Операция «Багратион», совместными действиями 155-го УР и 145-й стрелковой дивизией в районе Мазалово–Тетерки было окружено и уничтожено до батальона 4-й немецкой

авиадивизии [5, с. 93]. Однако, выявленными документами (журнал боевых действий 155-го УР) эти данные не подтверждаются.

На территории Мазоловского сельсовета, на территории которого действовали осенью 1943 – первой половине 1944 г. 155-й УР было множество могил, в которых были похоронены солдаты этого подразделения. Большинство из них были в последствии перезахоронены в другие, более крупные – Сущево, Тирасполь. По воспоминаниям ветеранов, в Марковичах были похоронены сержанты и рядовые А. Анаев, М. Гвоздиков, Д. Захаров, К. Камилов, В. Новиков, С. Орлов, В. Позняков, Т. Поляков, А. Хоботов, С. Чунейкин, В. Крылов и др. [6].

Однако, в урочище Смоляки у д. Сущево сохранилось несколько захоронений, которые по бумагам числятся перезахороненными, а на деле нет. Среди них – могила командира 417 ОПАБ, капитана Герасима Ивановича Курапова, 1913 г.р., уроженца с. Богославка Рассказовского района Тамбовской области РСФСР. Погиб 20.05.1944 г. Вместе с ним были похоронены еще 3 неизвестных бойца [1, л. 23]. Уже в 1944 г. на могиле капитана Курапова была установлена мраморная плита с данными и его фотографией.

Согласно журналу боевых действий, на кладбище в Смоляках также были похоронены и другие военнослужащие [2]: мл. лейтенант Алексеев Захар Власович, 1908 г.р. (погиб 10.04.1944 г.); командир 4 роты, лейтенант Пётр Иванович Меринов (Мартынов), 1902 г.р. (погиб 20.05.1944 г.); лейтенант 4 роты Яков Васильевич Арсентьев, 1916 г.р. (погиб 23.05. 1944 г.); командир взвода, лейтенант Каменьшиков Александр Иванович, 1918, (героически погиб 10.06. 1944) [3]; красноармеец, телефонист 417 ОПАБ Веселов Владимир Александрович (адъютант Курапова), 1902 г.р. (убит 03.06.1944 г., похоронен 600 м северо-западнее д. Марковичи).

По данным сельсовета считается, что все военнослужащие были перезахоронены в братскую могилу в д. Сущево. Однако в урочище Смоляки (современное название Юморды) сохранились металлические кресты с табличками, на которых указаны фамилии Г.И. Курапова, В.А. Веселова [7].

Вероятно, перезахоронение было проведено формально и бойцы покоятся в ур. Смоляки. На следующий год запланировано доисследование захоронений военнослужащими 52 поискового батальона.

1. Государственный архив Витебской области. – Ф. 45-п. Оп. 2. Д. 8.
2. Журнал боевых действий 155 УР [Электронный ресурс] // Память народа. – Режим доступа: <https://pamyat-naroda.ru/documents/view?id=130658358>. – Дата доступа: 12.08. 2019.
3. Книга погребения 417 опулаб (01.01.1944 – 07.05.1945) [Электронный ресурс] // ОБД «Мемориал». – Режим доступа: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=1152540925>. – Дата доступа: 12.08.2019.

4. Оперативная сводка № 151 штаба 155 УР к 19.00 26.06. 1944 г. [Электронный ресурс] // ОБД «Мемориал». – Режим доступа: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=4465491>. – Дата доступа: 12.08.2019.
5. Гончаров, В. Операция «Багратион» / В. Гончаров. – М. : Вече, 2011.
6. Письмо Гончарову от ветеранов 155 УР // Личный архив автора.
7. Материалы полевых исследований лето 2012, 2018 г. // Личный архив автора.

Тимофеев Р.В.

ТРАНСПОРТ В НАСТУПАТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ «БАГРАТИОН»

Особо высокие темпы перевозок советских войск и военной техники обеспечили все освобожденные участки железных дорог БССР в период подготовки и осуществления Белорусской наступательной операции «Багратион» в июне – июле 1944 г. Своим неустанным трудом железнодорожники способствовали успешному наступлению всех трех Белорусских и первого Прибалтийского фронтов Советских Вооруженных Сил. Военные железнодорожные подразделения, которые обеспечивали продвижение поездов на запад шли вслед за наступающей Советской Армией.

Фронтам нужно было в сжатые сроки подать огромное количество материально-технических средств. Для того, чтобы быстро и скрытно выполнить большие перевозки, широко применялись оправдавшие себя приемы эксплуатации фронтовых дорог – движение поездов ночью, в одностороннем порядке, с минимальными интервалами во времени. В этом случае на одном перегоне одновременно находились по 3–4 поезда с войсками [1, с. 4; 2, с. 10]. Эшелоны вели опытные машинисты. Поезда пропускались через узлы без остановки. Характерно, что за все время перевозок не было ни одного значительного крушения и аварии [3, с. 263].

По предварительным расчетам при подготовке к операции «Багратион» требовалось перевезти до 400 тыс. тонн боеприпасов, 300 тыс. тонн горюче-смазочных материалов, до 500 тыс. тонн продовольствия и фуража. Основная нагрузка по перевозкам войск и воинских грузов легла на линии Белорусской и Западной железных дорог, которые были сильно разрушены [4, с. 86, 87]. Перевозки к фронтам осуществлялись скрыто, любая переписка запрещалась категорически.

В целом при подготовке операции «Багратион» с 1 по 23 июня 1944 года четырем фронтам, готовящимся к освобождению Беларуси, было доставлено более 75 тыс. вагонов с войсками и материальными средствами. В среднем к фронтам ежедневно прибывало 90–100 поездов. Несмотря на это, к назначенному сроку подвоз запланированных ресурсов не был полностью обеспечен. Начало операции было отложено на несколько суток. Перед началом наступления частей Советской Армии боевые действия партизан приобрели особую остроту, силу и размах на всей территории [1, с. 14]. Партизаны блокировали многие участки дорог, громили враже-

ские эшелоны, нарушали управление войсками. В ночь перед наступлением партизаны на всех направлениях разрушили и взорвали железнодорожные пути и мосты. В результате движение поездов остановилось.

Базирование фронтов в Белорусской операции имело свои характерные особенности. Распорядительные станции железнодорожников развертывались сравнительно далеко от тыловой границы фронтов: в 120–150 км от переднего края. Станции снабжения открывались как можно ближе к войскам: в 40 км и даже в 20 км от их расположения. Выгрузочными иной раз были даже станции, находящиеся на головных, еще восстанавливаемых участках: в 5–8 км от переднего края. Были случаи, когда на одной станции снабжения базировались не одна, а две армии. В ходе операции фронтовые склады часто развертывались впереди станции снабжения армии [4, с. 89]. В таких условиях успех целиком зависел от оперативного и делового взаимодействия между линейными, полевыми органами военных сообщений и железнодорожными войсками.

23 июня 1944 года – памятная дата в жизни белорусского народа. Войска фронтов Советской Армии перешли в решительное наступление. Немецкие войска сопротивлялись с яростью обреченных. Пленные солдаты и офицеры показали, что им был дан приказ любой ценой удерживать занимаемые позиции. В период с 23 по 29 июня 1944 г., то есть за 6 суток, войска 1-го Прибалтийского фронта (командующий И.Х. Баграмян) во взаимодействии с войсками 3-го Белорусского (командующий генерал И.Д. Черняховский) окружили и разгромили фашистскую группировку в районе Витебска. 26 июня 1944 года бойцы 3-го Белорусского фронта разбили фашистские войска в районе города Орши. 27 июня Орша полностью была очищена от фашистских оккупантов.

Путеразрушители, которыми фашисты пытались вывести из строя железнодорожные пути в БССР, были уничтожены. Один из них был захвачен танкистами в начале операции на перегоне Хлюстино – Хлусово (этот перегон фашисты успели полностью разрушить), а второй – уничтожен нашей штурмовой авиацией на перегоне Славное – Трацилово. Двухпутный участок Орша – Минск, а затем и участок Минск – Молодечно были взяты нашими войсками почти не разрушенными. Но были разрушены три железнодорожных моста через реки Бобр, Березину и Свислочь (на участке Орша – Минск), а также участок Шуховцы – Орша. Для быстрого восстановления освобожденных участков и перешивки их на советскую колею использовались имевшиеся в составе военных две железнодорожные бригады численностью примерно 11 тыс. человек [4, с. 90]. Для работ по восстановлению и перешивке пути привлекалось местное население.

В период войны при Народном комиссариате путей сообщений (НКПС) были созданы 35 колонн паровозов особого резерва с общим количеством 750 единиц машин. Летом 1944 г. такие колонны на Брест-Литовской и Белорусской железных дорогах обеспечивали опера-

цию «Багратион». 8 июля 1944 г. были освобождены Барановичи – важный железнодорожный узел и укрепленный район обороны немцев. Среди участников освобождения города были железнодорожники С.А. Архипов, А.В. Зорин и Л.М. Ремень [5, с. 40, 41, 45].

Вслед за частями Советской Армии, освобождавшими Беларусь, двигались железнодорожники и как можно быстрее восстанавливали путь для пропуска воинских эшелонов. Оперативную группу железнодорожников, направленных в Оршу, возглавлял начальник Оршанского отделения Е.П. Юшкевич, а направленных в Минск – заместитель начальника Минского отделения А.А. Миколаеня, Молодечненскую (Белостокской железной дороги) – начальник отделения движения П.Е. Лелеко и начальник восстановительного участка Ф.Г. Дмитриев [4, с. 88].

Самоотверженный труд личного состава железнодорожных войск, специальных формирований НКПС и железнодорожников, умелая организация работ на широком фронте (одновременное восстановление и перешивка пути на союзную колею) обеспечивали быстрое восстановление движения и дальнейшее продвижение советских войск вперед.

За героизм и мужество, проявленные в боях с захватчиками, и образцовое выполнение заданий военного командования по перевозкам воинских грузов свыше 10 тысяч работников железных дорог БССР были заслуженно награждены боевыми орденами и медалями [2, с. 10]. Наиболее отличившиеся – машинисты Е. Чухнюк, И. Першукевич, К. Мышастый, А. Янковский, поездной военный мастер А. Глебов, начальник паровозной колонны Н. Макаров – удостоены звания Героя Социалистического Труда [1, с. 15]. Коллективу Минской дистанции пути, проявившему много инициативы, было вручено на вечное хранение Красное Знамя Государственного Комитета Обороны.

1. Этапы большого пути: 125 лет Белорусской железной дороге (1871–1996) / редкол.: Е.И. Володько (гл. ред) [и др.]. – Минск : ДЦНТИ, 1996. – 145 с.
2. Кость, А.В. Железнодорожная магистраль Белоруссии: К 100-летию со дня введения в строй / редкол.: Е.П. Юшкевич (гл.ред) [и др.]. – Минск : Беларусь, 1971. – 208 с.
3. Железная дорога Беларуси: История и современность / редкол.: В.Г. Рахманько (гл. ред) [и др.]. – Минск : ОДО «Триолета», 2001. – 488 с.
4. Гапеев, В.И. Минское отделение Белорусской железной дороги. 1871–1996 годы; Исторический очерк / В.И. Гапеев, В.А. Лукьянов. – Минск : Польша, 1996. – 347 с.
5. Малюгин, И.Н. Полвека в пути: Барановичскому отделению Белорусской железной дороги – 50 лет / И.Н. Малюгин. – Лунинец : МП «Спектр», 1996. – 220 с.

Лобода Д.А.

**ОТНОШЕНИЯ МЕСТНОГО НАСЕЛЕНИЯ ПОЛТАВЫ
С АМЕРИКАНСКИМИ ВОЕННОСЛУЖАЩИМИ
В ХОДЕ ОПЕРАЦИИ «ФРЕНТИК»**

Анализируя ход операции «Френтик» на Полтавщине, невозможно обойти стороной особенности взаимоотношений американских военнослужащих с местным населением. Источниками исследования этой проблемы для нас служили донесения «СМЕРШ» с советской стороны, и воспоминания американцев – с другой. К сожалению, нам не удалось найти свидетелей тех событий в Полтаве, однако имеющиеся письменные мемуарные труды, записанные и опубликованные интервью воспоминаний американских исследователей способны целостно восстановить картину тесного общения и сосуществования американских военнослужащих и советского населения на Полтавщине.

Отметим, что среди источников с советской стороны – оперативная сводка отдела контрразведки «СМЕРШ» 68-го района авиабазирования начальнику Главного управления контрразведки НКО СССР «СМЕРШ».С. Абакумову о впечатлениях американских военнослужащих от пребывания в СССР от 6 июля 1944 [2]. Не случайно в среде американских солдат и офицеров на постоянной основе инспирировались агенты советской контрразведки, которые активно пытались выявить факты американского шпионажа против СССР. Об этом свидетельствует немалое количество сохранившихся документов именно отдела «СМЕРШ» в Полтаве. В сводке говорилось о подполковнике ВВС США, который в неформальном общении с красноармейцами отметил: «Вы, русские, долгое время были замкнуты в себе, не допускали иностранцев, о Вас писали дикие вещи, и Вы не делали никакого опровержения. У нас в Америке удивляются – как такая «дикая страна» так прочно бьет немцев и одерживает победу за победой. Теперь я воочию убедился в том, что у вас за народ и страна, однако отпечаток старой пропаганды у меня остался» [2, с. 144]. Другой офицер штаба, старший лейтенант американских ВВС в разговоре с боевыми побратимами красноармейцами говорил: «Я после войны очень хочу остаться в Советском Союзе, особенно в Украине, где мне всё очень нравится, особенно климат, и хотел бы закончить штурманскую школу, ведь у нас в Америке школы узкоспециализированные и дают только одну специальность, а у Вас, как я это знаю из разговоров со многими, человек, окончивший высшую школу, получает несколько специальностей» [2, с. 145].

Американец Карл Леухорн в письме жене от 5 июня 1944 года, сразу после прибытия в Полтаву, также увлекался местным украинским населением: «Они очень дружны, но не очень подчеркивают это. Они пытаются создать нам возможный комфорт, пытаются развлекать нас и развлекают» [3, с. 13]. Он в конце операции подводил итоги: «Такая страна – праздник для глаза, что изголодался по виду растительности после мрака месяцев,

проведенных в африканской пустыне или на безлюдных холмах Южной Италии <...> американские солдаты быстро подружились как с русскими солдатами, так и с жителями города, особенно с девушками <...> американцы выяснили, что прямой путь лучше, чем тернистый в общении с русскими. Если вы что-то хотите, или вам что-то не нравится, лучше об этом сказать прямо и откровенно, без намёков и недомолвок <...> американцы почувствовали, что такое водка. Во время праздников они пили тост за тостом, до дна, полные стаканы этого текучего динамита, а на любого, кто пытался уклониться от этого тяжкого испытания, кидались косые взгляды» [5].

Действительно, еще с начала операции генерал Перминов (командир базы) дал понять, что он занимался отношениями американского личного состава с местным населением. Было спланировано для гостей различные развлечения – танцы, вечера, спектакли и тому подобное. Он убедил американского командующего Кесслера, что не против того, чтобы американцы общались с местными, посещали достопримечательности города, а также видели разрушения, совершенные немцами и понимали цену, которую платит СССР в войне. Командование американского штаба, в свою очередь, пыталось «доставить» Америку в страну советов. Кесслер вспоминал позже: «нам действительно удалось создать три маленьких клочков Америки в самом сердце Украины – впервые в истории России, и наши воины гуляли Полтавой, как они гуляли по Лондону» [4, с. 87]. Горожане чистосердечно приглашали многих заокеанских гостей к себе домой, американцы посещали местные рынки, покупали местное наряды и отправляли всё это на память домой в Соединенные Штаты [4, с. 98]. Солдаты ВВС США смеялись над женщинами пищеблока, обучая их «вежливости» на английском, на самом деле – бранными словами. Остроумный инцидент произошел, когда женщины, пытаясь поразить американских высокопоставленных офицеров, говорили им: «Еще вонючего кофе?» [4, с. 98].

Уолмер Миллер рассказывал, что окрестности Миргорода выглядели «как дома» на западе США, а пища была похожей на ту, что «готовила мама». Он и его братья угощали детей конфетами, и когда он поделился своим рационом с советским военнослужащим, его командир объявил ему выговор. Дело в том, что некоторые американцы пытались заработать продажей местным сигарет и сладостей [4, с. 99]. Причиной этому было резкое снижение жалования и его выплата в рублевом эквиваленте.

В дни нелетной погоды, как писал Александр Верт, «было странно видеть в самом сердце «страны Гоголя» американских солдат, в больших количествах поглощающих местные продукты, флиртующих с местными красавицами и вели себя так, будто и не покидали родной Индианы» [1, с. 530]. В начале июля советское командование на всех трех базах открыло буфеты, где представители военно-воздушных сил обеих стран могли пообщаться и расслабиться в дружеской и непринужденной обстановке [4, с. 129].

Однако со снижением интенсивности полетов после событий ночи 22 июня 1944 года (сокрушительного авианалёта немцев на базу) начали

ухудшаться отношения местных с бойцами ВВС США. Первый инцидент произошел 2 июля, когда сержант Док Блэлок пытался завязать беседу с местной женщиной, когда к ним подошел пьяный офицер Красной Армии и начал выяснять отношения. Следующие случаи с другими американцами в компании с женщинами сопровождались даже избиениями красноармейцами последних. Даже женщины в униформе становились жертвами такого поведения. Местным жительницам объясняли: «Сегодня они наши друзья, а кем они будут завтра?». Штаб Восточного командования США фиксировал увеличение числа подобных ситуаций, существовала вероятность объявления Полтавы закрытым городом для военнослужащих США. Отношения в течение июля только ухудшались. Было ли это стихийным явлением на фоне того, что в глазах мужчин это выглядело как после недавней деокупации города от немцев местные жительницы прогуливались с иностранцами, а не с ними самими, было ли это инициировано органами НКВД, неизвестно. В то же время до этого не могла не подтолкнуть большое количество свободного времени, которым владели американцы и за счет которого постоянно гуляли по городу [4, с. 121].

К осени 1944 года были и другие инциденты со спорами, драками, «черным рынком» или просто пассивной враждебностью местного населения к американцам. Наряду с понижением интенсивности боевых вылетов американцы все острее чувствовали собственную изолированность. Лишенные в итоге возможности контактировать с местными, они считали себя жертвами враждебно настроенных политических элементов советской армии и партаппарата, стремившихся ухудшить взаимоотношения между союзниками по войне. Теперь трудно переносились спартанские условия жизни, однообразная диета и недостаток развлечений. Поэтому скрытые образы вылились в физическое насилие, а скука – в чрезмерное употребление алкоголя и спекулянтство. Атмосферу энтузиазма и дружбы затмили недоверие и напряжение, что завершится полной эвакуацией живой силы и техники ВВС США с Полтавщины. Союзничество же постепенно заменится конкуренцией и «холодным» противостоянием СССР и США.

1. Верт, А. Россия в войне 1941–1945 / А. Верт. – М. : Воениздат, 2001. – 664 с.
2. З інформації відділу «СМЕРШ» 68-го району авіабазування начальнику Головного управління контррозвідки НКО СРСР «СМЕРШ» В. С. Абакумову про враження американських військовослужбовців від перебування в СРСР // Операція «Френтік». З історії бойової співдружності військово-повітряних сил СРСР і США, цивільного населення України в роки Другої світової війни. Збірник документів і матеріалів. – К. : Рідний край, 1998. – С. 144–146.
3. Кальний, Д.П. У зведеннях про це не повідомлялось... / Д.П. Кальний. – Полтава : Криниця, 1994. – 17 с.
4. Конверсіно, М. Дж. Спільна війна. Провал операції «Френтік» 1944–1945 / Дж.М. Конверсіні. – Київ : К.І.С., 2015. – 318 с.
5. Науковий архів Полтавського музею авіації та космонавтики. *НА ПМК*. Колекція документів.

Яковлева Г.Н., Стельмах А.В.
ЛЕПЕЛЬСКОЕ МИНОМЕТНОЕ УЧИЛИЩЕ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Перед войной на западных границах СССР располагалось значительное количество военных учебных заведений разного профиля. Часть из них была создана и на территории БССР. Постоянно шел процесс уточнения специализации училищ и места их расположения. Минское пехотное училище им. М.И. Калинина в марте 1941 г. было переформировано в танковое. Осиповичское пехотное переместилось в Бобруйск, а в марте 1941 г. стало военным тракторным училищем. Передислоцировано в Череповец Лепельское пехотное училище. В середине мая 1941 г. в Великий Устюг перебазировалось Пуховичское пехотное училище. С началом войны училища должны были эвакуироваться вглубь страны: Минское танковое в г. Ульяновск, Гомельское военное автомобильное в г. Горький, Бобруйское военное тракторное в г. Сталинград, Борисовское танковое в г. Саратов. Могилевское пехотное училище эвакуировалось в г. Вольск Саратовской области. Однако в связи с наступлением немцев не все училища могли это сделать.

Тяжелая обстановка на Западном фронте требовала использования всех наличных сил. Перед личным составом училищ, расположенных на территории БССР, ставились задачи по обороне конкретных рубежей. Например, неся большие потери, сражались 1–2 июля при обороне Борисова курсанты Борисовского танкового училища. Курсанты Бобруйского военного тракторного училища потеряли около 200 человек в оборонительных боях на Березине. Свидетелями и участниками трагедии 1941 г. стали и курсанты, красноармейцы, командиры и политработники Лепельского минометного училища.

Боевой опыт конца 1930-х гг. показал актуальность использования минометов, что обусловило формирование ряда минометных училищ. Одно из них решено было создать в г. Лепеле. В июне 1940 г. в районе 116-го километра железной дороги Орша – Лепель (сейчас – станция «Заслоново», тогда – почтовое отделение «Иконки» Витебской области Чашникского района) началось создание Лепельского стрелково-минометного училища [1, л. 1]. Курсантами Лепельского минометного училища стала молодежь из разных регионов БССР и всей страны. Лепельское минометное училище еще только создавалось, были большие трудности с преподавательским составом, не хватало профессиональных кадров для подготовки именно минометчиков. Училище укомплектовывалось офицерским составом с разной (общевойсковой, часто кавалерийской) подготовкой, без опыта работы в учебных заведениях. Лишь некоторые из них имели артиллерийскую подготовку.

В марте 1941 г. Лепельское стрелково-минометное училище было реорганизовано в минометное училище для подготовки командиров мино-

метчиков 107 и 120 мм минометных подразделений [2, л. 109]. В начале июня 1941 г. его перевели в поселок Боровка, где ранее размещалось Лепельское пехотное училище. Здесь курсанты встретили начало войны.

Командиры и курсанты училища, вместе с частями РККА, дислоцировавшимися и воевавшими на территории Беларуси в составе Западного фронта, пережили горечь поражения и отступления первых недель войны. Теряя боевых товарищей, проявляя стойкость, верность присяге, курсанты и офицеры минометного училища вели оборонительные бои у Лепеля. Выполняя поставленный перед ними приказ, взорвали значительную часть складов с боеприпасами при отступлении из Лепеля, Боровки и 116-го километра, героически отбивали атаку танков противника в районе Бочейково, затрудняя этим реализацию планов рвущихся вперед захватчиков.

Ведя бои с превосходящими силами вермахта в районе Западной Двины, не только курсанты ЛМУ (в основном, молодежь со школьной скамьи первого года обучения), но и необстрелянные, недостаточно обученные регулярные части РККА не выдерживали массивные артиллерийские и бомбовые удары противника. Организованный отход к Витебску и выполнение приказа о передислокации в Барнаул руководство в должной мере обеспечить не смогло.

Расколовшись на части, училище понесло значительные потери. Значительная часть курсантов, вышедших к Витебску, участвовала в боях по его обороне. Многие погибли, кто-то пропал без вести, попал в плен, кто-то, не выйдя из окружения, остался на оккупированной территории, участвовал в партизанском движении.

Значительная часть училища под командованием капитана Г.И. Страхова вышла из окружения и передислоцировалась в г. Барнаул. Начальник Лепельского минометного училища генерал-майор Борис Робертович Терпиловский 2 августа 1941 г. во главе своей группы вышел в распоряжение кавалерийской дивизии 29-й армии генерала И.И. Масленникова в районе деревни Козлы Калининской области в форме и с документами. По выходу направлен в распоряжение Главного управления начальника артиллерии Красной армии, а оттуда – в город Барнаул, куда было переведено училище. Он был арестован 13 сентября 1941 г. Особым отделом НКВД Сибирского военного округа. По приговору Военного трибунала СибВО от 5–14 декабря 1941 г. на основании ст. 193.21 п. «б» УК РСФСР был осужден к высшей мере наказания – расстрелу, с лишением воинского звания «за самовольное оставление оборонительного рубежа у города Лепель и на реке Западная Двина» [3]. Хотя училище не покидало оборонительного рубежа у Лепеля.

А отступали тогда и регулярные части РККА. Можно предположить, что на судьбу Б.Р. Терпиловского и других руководителей училища повлиял вышедший 16 августа знаменитый приказ № 270 Ставки Верховного Главного командования Красной Армии «О случаях трусости и сдачи в плен и мерах по пресечению таких действий».

Постановлением Президиума Верховного Совета СССР от 6 апреля 1942 г. высшая мера наказания Терпиловскому была заменена десятью годами лишения свободы в ИТЛ с отправкой на фронт. Б.Р. Терпиловский потом командовал стрелковой дивизией, был начальником оперативного отдела 63-й армии, заместителем начальника штаба 3-й армии. Постановлением Военного совета Брянского фронта от 22.2.1943 судимость с него была снята. Войну закончил генерал-лейтенантом в должности заместителя начальника тыла 1-го Белорусского фронта. Вместе с ним были осуждены еще несколько командиров и политработников училища, которые тоже были отправлены на фронт и достойно воевали всю войну.

В конце июля училище возобновило учебный процесс в г. Барнаул. В августе состоялся досрочный выпуск курсантов лепельского набора, которые пополнили боевые части на фронтах осенью 1941 г. В «Историческом формуляре ЛМУ» указывалось: «До конца 1941 г. выпуски курсантов были следующими: август 1941 г. – 610 человек, сентябрь – 169 человек, октябрь – 80 человек, ноябрь – 10 человек» [4, л. 4].

В августе в училище стали прибывать курсанты нового набора. Пополнение в 2462 человека было из Алтайского края (171), Красноярского (111), Новосибирского (252), Омского областных военных комиссариатов (33), Харьковского военного округа (1895). Пока почти все по своей общеобразовательной подготовке полностью отвечали предъявляемым требованиям. Лучший военный контингент прибыл из Харьковского военного округа: большинство имело образование 9–10 классов [5, л. 10]. Позже из-за больших потерь и острой необходимости пополнять кадры офицеров в войсках уровень требований к курсантам будет снижаться: в училища будут принимать призывников с образованием 7 классов, а военнослужащих с боевым опытом с образованием 4–5 классов. По мере истощения мобилизационных ресурсов в училища направлялись малограмотные и физически ослабленные лица. Все это скажется на уровне подготовки офицеров и качестве их деятельности на поле боя.

Отчет училища от 11 сентября 1941 г. № 077 отражает национальный состав призыва августа 1941 г. [6, л. 174]:

Русские – 989	Украинцы – 1512
Белорусы – 67	Армяне – 2
Узбеки – 1	Казахи – 2
Финны – 1	Евреи – 35
Народности Дагестана – 11	Татары – 12
Чуваши – 4	Мордовцы – 9
Башкиры – 4	Греки – 3.

По наблюдениям С.Н. Иванова, национальная принадлежность курсантского состава училищ в СибВО на протяжении всей войны была практически неизменной. До 80% обучаемых составляли русские, около 15% – украинцы,

до 3% – белорусы. Представители других национальностей были незначительны [7]. В общем, такой же была картина и в ЛМУ. Однако, как видно из отчета, в ЛМУ был достаточно высок процент и еврейской молодежи.

В период судьбоносных оборонительных боев за Москву ситуация была такой, что приходилось идти на крайние меры. В этих условиях с целью облегчения формирования новых соединений в октябре 1941 г. были приняты решения о создании стрелковых бригад. Для их формирования требовалось меньше людских и материальных ресурсов, а главное – значительно меньше времени. Главную роль в их комплектовании сыграли курсанты училищ. Государство решается применять будущих командиров в качестве рядовых бойцов только в самые тяжелые дни войны. Это решение свидетельствовало о тяжести сложившегося тогда положения, когда будущие офицерские кадры в общем строю должны были любой ценой задержать продвижение противника. Среди прочих курсантских бригад, сформированных в СибВО, 42-я и 148-я курсантские бригады формировались в Барнауле на основе Лепельского минометного училища. Для многих курсантов, попавших в эти бригады, первые же бои стали последними. Учиться воевать пришлось на большой крови. Проявляя высокие морально-боевые качества, курсанты достойно показали себя в боях против немецко-фашистских войск, как на командных должностях, так и в качестве рядовых, с честью и до конца выполнив свой воинский долг.

Летом 1942 г. на южном крыле советско-германского фронта сложилась тяжёлая обстановка. 17 июля 1942 г. началась Сталинградская битва. Продолжалась практика использования курсантов для решения чрезвычайных боевых задач. В июле 1942 г. Грозненское пехотное училище было преобразовано в Грозненский курсантский пехотный полк в количестве 2435 человек. Краснодарское артиллерийско-минометное училище было преобразовано в Краснодарский минометный (курсантский) полк и находилось в составе действующей армии в период: 07.08.1942 – 21.09.1942. Тогда вновь были большие потери и среди курсантов ЛМУ, воевавших в районе Харькова и Сталинграда.

Лепельское минометное училище сыграло значительную роль в подготовке офицеров для РККА в самые сложные 1941–1942 годы, когда были велики потери на фронтах, и подготовка командиров-минометчиков шла ускоренными темпами. Тяжелые потери на фронтах и быстрое создание новых частей требовали перехода на сокращенные сроки обучения. Сроки обучения в разное время составляли 4, 6, 8, 12, 18 месяцев. Производились досрочные выпуски курсантов для укомплектования формируемых частей.

В начале барнаульского периода истории училища именно бывшие курсанты лепельского набора сыграли важную роль в становлении работы учебного заведения. Многие преподаватели и командиры, служившие в училище еще в Лепеле, продолжили готовить кадры минометчиков в Барнауле. Именно выпускники лепельского набора были командирами взво-

дов в 12-ти батареях 4-х дивизионов училища конца 1941 – начала 1942 года. Многие служили в училище вплоть до его расформирования в 1946 г.

Курсанты и преподаватели училища вместе со всей страной пережили тяготы войны. Вновь созданные и передислоцированные на восток страны училища осуществляли свою деятельность в тяжелейших условиях. В Барнауле в училище не хватало служебных и жилых помещений, курсанты спали на двухъярусных деревянных нарах, были трудности с обмундированием и теплой зимней амуницией, проблемы с продовольственным обеспечением. Материально-техническая составляющая учебного процесса тоже сначала была слабой. По мере изменения ситуации на фронтах положение улучшалось. Крепла материальная база, многие командиры и преподаватели имели опыт участия в боевых действиях, что влияло на уровень подготовки курсантов. Увеличивались сроки обучения будущих командиров-минометчиков, а значит и качество их подготовки. Большую роль в становлении училища сыграл генерал-майор артиллерии Степан Петрович Резниченко, возглавлявший его с 22.12.1941 по 27.05.1943 г.

В годы войны военные академии, училища, курсы усовершенствования командного состава, а также фронтовые и армейские курсы младших лейтенантов подготовили около 2 млн. офицеров. Свой вклад в это число внесло и Лепельское минометное училище. За период войны оно выпустило: старших лейтенантов – 2, лейтенантов – 4700, младших лейтенантов – 1917, старшин – 1, старших сержантов – 12, сержантов – 4, рядовых – 1. Также подготовлено для фронта 720 младших командиров, переподготовлено 798 офицеров на должности командиров взводов, заместителей командиров батарей по политической части и командиров батарей [8, л. 1]. В 1946 г. училище было расформировано.

Таким образом, более семи тысяч выпускников Лепельского минометного училища внесли достойный вклад в победу над врагом, приблизили День Победы. Многие из них погибли, кто-то пережил горечь плена и оккупации. На сегодня известны имена восьми выпускников училища, которые стали Героями Советского Союза. Выжившие и победившие оставили свой след и в послевоенной жизни страны.

1. Центральный архив Министерства обороны РФ (далее – ЦАМО). – Ф. 60171. Оп. 35257. Д. 16.
2. ЦАМО РФ. – Ф. 117. Оп. 12915. Д. 28.
3. Терпиловский Борис Робертович [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Терпиловский_Борис_Робертович. – Дата доступа: 01.08.2019.
4. ЦАМО РФ. – Ф. 60171. Оп. 35257. Д. 1а.
5. ЦАМО РФ. – Ф. 60171. Оп. 35257. Д. 20.
6. ЦАМО РФ. – Ф. 60171. Оп. 35258. Д. 8.

7. Иванов, С.Н. Военные училища Наркомата Обороны СССР в Сибирском Военном Округе в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 [Электронный ресурс] / С.Н. Иванов; Рос. акад. наук, Сиб. отд., Ин-т истории. – Новосибирск, 2010. – Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/voennye-uchilisha-narkomata-oborony-sssr-v-sibirskom-voennom-okruge-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny#ixzz3UHKdJY1T>. – Дата доступа: 13.03.2015.
8. ЦАМО РФ. – Ф. 60171. Оп. 35257. Д. 16.

Ивицкий А.М.

К ПРОБЛЕМЕ ДОСТОВЕРНОСТИ ЗАЯВЛЕННЫХ ПОБЕД НЕМЕЦКИХ ЛЕТЧИКОВ-ИСТРЕБИТЕЛЕЙ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

После того, как в руки историков попали данные об успехах немецких летчиков-истребителей, на постсоветском пространстве не прекращается дискуссия об их объективности. Сомнения скептиков можно понять, если учесть, что наиболее успешный советский пилот – И.Н. Кожедуб имеет на счету 62 сбитых самолета противника, наиболее результативный летчик ВВС США Р.И. Бонг – 40 побед, а англичанин Д.Э. Джонсон – 34 подтвержденные победы лично и 7 в группе. В то же время наиболее удачливому немецкому «эксперту» Э. Хартману приписывается победа над 352 самолетами противника [8, с. 325; 9, с. 383–384, 438; 10, с. 184]. Столь значительная разница дает некоторым исследователям повод считать достижения «экспертов» люфтваффе не более чем пропагандистской фикцией.

На первый взгляд, система фиксации сбитых самолетов, введенная в ВВС третьего рейха, была достаточно точной. Так, немецким летчикам воздушная победа засчитывалась на основании доклада пилота, пленки фотокинопулемета и показаний свидетелей в воздухе и на земле [8, с. 10]. Однако следует признать, что эта система все же допускала ошибки и не могла гарантированно защитить от злоупотреблений.

Например, фотокинопулемет фиксировал в большинстве случаев не уничтожение самолета противника, а лишь попадания в него [8, с. 10]. Однако, по словам летчика-истребителя, а впоследствии летчика-испытателя и Героя Советского Союза С.А. Микояна «... даже при попаданиях пуль и снарядов в самолет он не всегда бывал сбит. Известно, что не раз машины советских летчиков получали в бою пробоины от очередей противника, но благополучно возвращались домой, а самолеты затем ремонтировались. А у немцев они, очевидно, числились сбитыми» [5, с. 116].

Не всегда было возможно получить подтверждение и от наземных частей – свидетелей воздушного боя. Во-первых, немецкие «эксперты», предпочитавшие «свободную охоту», часто искали своих жертв за линией фронта, над контролируемыми противником районами. Во-вторых, назем-

ные наблюдатели не всегда обладали необходимыми знаниями и навыками, позволявшими определить в суматохе воздушного боя какой из противоборствующих сторон принадлежали сбитые самолеты, не говоря уже о том, кто именно был автором победы. В-третьих, особенно сложно было найти наземных свидетелей на последнем этапе войны, во время постоянного отступления немецких войск [5, с. 116].

Что касается слов самого пилота и свидетельства других участников воздушного боя, то на них также нельзя полностью полагаться. В большинстве своем летчик, обстрелявший самолет противника, не мог быть полностью уверен в успехе, ведь, наблюдая за падением противника, можно было легко самому оказаться сбитым [1, с. 83]. Например, именно так и случилось с известным немецким «экспертом» Гюнтером Раллем (275 сбитых) [8, с. 143–144].

Не имея возможности наблюдать момент падения на землю обстрелянного самолета, летчик-истребитель зачастую делал вывод об успехе, исходя либо из нанесенных повреждений, либо из последующих действий, предпринятых противником. По словам испанского летчика-истребителя Леопольдо Моркиляса Рубио: «Только в случае загорания или срыва самолета противника в течение атаки можно было определить ее победный исход» [4, с. 433]. Однако даже эти признаки не являлись гарантией успеха, так как, по его же словам, срыв самолета в штопор мог быть не результатом повреждений, а преднамеренно совершенным маневром, чтобы сбить с толку противника [4, с. 433]. Что касается возгорания, то и тут была опасность принять за пожар черный выхлоп работающего на полной мощности мотора вражеского самолета [2, с. 123; 3, с. 36; 8, с. 106].

Таким образом, немецкая система подсчета побед была далеко не совершенна. Поэтому даже на счету у немецких летчиков-истребителей, стремившихся объективно оценивать свои успехи, есть лишние победы. Однако следует признать, что в люфтваффе не все летчики фиксировали свои победы объективно. Так, известен пример командира эскадрильи 4/JG-27 обер-лейтенанта Фогеля и его ведомых, которые в 1942 г., действуя на североафриканском театре военных действий, менее чем за месяц заявили о сбитии 65 самолетов противника. По словам исследователя Г. Корнюхина: «Действовали они просто: вылетали четверкой, расстреливали боезапас в песок, а после посадки докладывали о «сбитых» вражеских самолетах» [8, с. 11]. Вероятно, одной из причин приписок было существовавшее в люфтваффе правило, в соответствии с которым положение летчика в подразделении и повышение его по службе в первую очередь зависело от количества сбитых самолетов на его счету. Так, например, вне зависимости от звания, боевой порядок в люфтваффе всегда возглавлял наиболее удачливый в бою летчик [8, с. 315, 324; 10, с. 72]. Это правило во многом стало причиной того, что в люфтваффе невыполнение боевого задания, а пополнение своего личного счета стало главной целью летчиков-

истребителей, а война превратилась в некое подобие спортивного состязания. Например, исследователи Р.Ф. Толивер и Т.Дж. Констебль так описывают ситуацию в JG 52, вероятно типичную для других истребительных эскадр немецких ВВС: «Стремление быть лучшим являлось движущей силой всех удачливых летчиков. Соперничество было острым, но дружеским, своего рода спортом. По ночам пилоты собирались послушать новости и увидеть, как изменились цифры на доске с наивысшим счетом» [10, с. 145]. В результате, вполне достоверными выглядят утверждения советских ветеранов (в том числе и известного советского аса А.И. Покрышкина) о том, что немецкие летчики-истребители часто оставляли на произвол судьбы прикрываемые ими самолеты, лишь только появлялась малейшая возможность пополнить свой список побед [6, с. 261].

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что на счетах всех немецких асов значительно больше самолетов, чем было ими сбито на самом деле. Так, например, американский исследователь М. Спик предполагает: «Заявки немецких летчиков по поводу одержанных побед часто вдвое или втрое превышали истинные потери противника» [8, с. 313]. Во столько же раз считает завышенными успехи немецких «экспертов» Восточного фронта и Г. Корнюхин [8, с. 13]. В своей работе А. Смирнов на основании анализа нескольких десятков воздушных боев предположил, что в среднем немецкие пилоты, воевавшие на советско-германском фронте, завышали свои победы в 2,7 раза или меньше [7, с. 57, 59].

Следует признать, что немецкие летчики являлись чрезвычайно опасными противниками и вполне могли иметь на своих счетах больше сбитых самолетов, чем советские асы или лучшие летчики-истребители западных союзников [5, с. 116–117; 8, с. 14]. Так, например, немецкие летчики совершали значительно больше боевых вылетов, чем советские, английские или американские пилоты, поэтому, по мнению С.А. Микояна, «... и число сбитых немцами самолетов должно быть больше...» [5, с. 116; 9, с. 14].

В то же время следует признать и правоту американского исследователя М. Спика, который считает, что более длинные списки побед немецких асов, чем у летчиков союзников отражают «...скорее разницу в представившихся возможностях, чем превосходство в летном мастерстве» [9, с. 14]. Так, немецкие «эксперты» много летали на «свободную охоту» (особенно на советско-германском фронте), а значит, не были ограничены ни в скоростном режиме, ни в высоте, ни в маневре, они сами выбирали, как и когда атаковать врага [3, с. 8]. При этом они старались не рисковать и зачастую в качестве целей выбирали наиболее слабых противников: поврежденные самолеты, вышедшие из боя, или самолеты, оторвавшиеся от основной группы, а также неопытных пилотов врага [8, с. 14]. Например, Э. Хартман советовал молодым летчикам следующее: «Если вы видите вражеский самолет, вы совсем не обязаны тут же бросаться на него и атаковать. Подождите и используйте все свои выгоды. Оцените, какой строй и

какую тактику они используют. Оцените, имеется ли у противника отбившийся или неопытный пилот. Такого пилота всегда видно в воздухе. Сбейте ЕГО. Гораздо полезнее поджечь только одного, чем ввязываться в 20-минутную карусель, ничего не добившись» [10, с. 167]. Жертвами немецких «охотников» часто становились бомбардировщики и штурмовики, следующие без истребительного сопровождения, а также взлетавшие самолеты или заходившие на посадку на аэродром [8, с. 14]. В качестве основного приема они использовали внезапную скоростную атаку сверху-сзади. Огонь открывали с короткой дистанции, а затем уходили крутой горкой вверх, используя для этого скорость, разогнанную при пикировании. Эта тактика, в большинстве случаев, позволяла избежать ответной атаки противника, если сбить его сходу не удавалось [5, с. 117].

Эффективность подобных действий (в смысле уничтожения максимального количества самолетов противника с минимальными потерями со своей стороны) бесспорна, а вот ее способность приблизить победу над врагом вызывает куда большие сомнения. Ведь задачи, решаемые истребительной авиацией, не ограничивались только уничтожением вражеских самолетов. Например, не менее важными были задачи по предотвращению воздушных атак противника на собственные наземные войска, а также обеспечение работы своих бомбардировщиков и штурмовиков по наземным силам противника, то есть те, которые решать излюбленным немецкими «экспертами» методом «свободной охоты», по нашему мнению, было достаточно сложно. В результате, наиболее опытная часть немецких летчиков главным образом была сосредоточена на выполнении одной единственной задачи – уничтожение самолетов противника, важность которой для достижения победы над врагом существенным образом нивелировалась успехами авиационной промышленности стран антигитлеровской коалиции.

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что из-за несовершенства системы подсчета, принятой в люфтваффе, количество реально сбитых самолетов врага было ниже, чем записано на официальных счетах немецких асов. Однако, благодаря значительно большему количеству боевых вылетов, а также широкому применению «свободной охоты», «эксперты» люфтваффе действительно могли сбить больше самолетов, чем лучшие пилоты Великобритании, США и СССР. Однако это утверждение ни в коем случае не означает, что немецкие асы были лучшими в мире и превосходили лучших летчиков антигитлеровской коалиции по уровню летного мастерства.

1. Баевский, Г.А. «Сталинские соколы» против асов Люфтваффе / Г.А. Баевский. – М. : Яуза ; Эксмо, 2009. – 288 с.
2. Дементеев, Б.С. Охотник за истребителями. На «Аэрокобре» против асов Люфтваффе / Б.С. Дементеев. – М. : Яуза ; Эксмо, 2012. – 224 с.

3. Липферт, Г. Дневник гауптмана люфтваффе. 52-я истребительная эскадра на Восточном фронте. 1942–1945 / Г. Липферт; Пер. М.В. Зефирова. – М. : ЗАО Центрполиграф, 2006. – 238 с.
4. Мероньо Пельисер, Ф. «No pasaran! Они не пройдут!» Воспоминания испанского летчика-истребителя / Ф. Мероньо Пельисер. – М. : Яуза ; Эксмо, 2008. – 448 с.
5. Микоян, С.А. Мы – дети войны. Воспоминания военного летчика-испытателя / С.А. Микоян. – М. : Яуза ; Эксмо, 2006. – 576 с.
6. Покрышкин, А.И. Познать себя в бою. «Сталинские соколы» против асов люфтваффе. 1941–1945 гг. / А.И. Покрышкин. – М. : ЗАО Центрполиграф, 2006. – 446 с.
7. Смирнов, А. Боевая работа советской и немецкой авиации в Великой Отечественной войне / А. Смирнов. – М. : АСТ : АСТ МОСКВА; Транзиткнига, 2006. – 574 с.
8. Спик, М. Асы люфтваффе / М. Спик ; пер. с англ. В.В. Найденова. – Смоленск : Русич, 2003. – 432 с.
9. Спик, М. Асы союзников / М. Спик ; пер. с англ. А.А. Жеребилова. – Смоленск : Русич, 2003. – 464 с.
10. Толивер, Р.Ф. Лучший ас Второй мировой войны / Р.Ф. Толивер, Т.Дж. Констебль; Пер. с англ. А.Г. Больных. – М. : ООО Издательство АСТ, 2002. – 429 с.

Величко Н.В.

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ, СТРУКТУРА И ЗАДАЧИ СОЮЗНОГО КОНТРОЛЬНОГО МЕХАНИЗМА В ПОСЛЕВОЕННОЙ ГЕРМАНИИ И УЧАСТИЕ В НЕМ ФРАНЦИИ

5 июня 1945 г. была опубликована Берлинская декларация о поражении Германии. Согласно ей, правительства США, Великобритании, СССР и Франции брали на себя верховную власть на территории бывшего «Третьего рейха». Исходя из решений, принятых в феврале 1945 г. на Крымской конференции, в Европейской консультативной комиссии (ЕКК) и на первых заседаниях Союзного Контрольного совета (СКС) в Германии, представители СССР, США и Великобритании рассмотрели на Потсдамской конференции (17 июля – 2 августа 1945 г.) мероприятия по демилитаризации, денацификации, демократизации и декартелизации Германии, а также ряд других важнейших вопросов, связанных с определением дальнейшей судьбы немецкого народа [2, с. 130–136; 7]. В работе Потсдамской конференции Франция еще не была представлена, однако союзники включили ее в СКС по Германии [1, с. 153–154].

После завершения работы Потсдамской конференции ее резолюции были представлены Ш. де Голлю и его правительству с предложением Франции присоединиться к решениям государств антигитлеровской коалиции. Французское правительство 7 августа 1945 г. дало на них (с рядом оговорок) свое принципиальное согласие. Но уже 28 июля 1946 г. премьер-министр Франции Ж. Бидо заявил о том, что Франция якобы не присоединилась к решениям, принятым в Потсдаме, а лишь согласилась с положениями об основных целях оккупации. По замечанию российского историка

А.Ю. Ватлина, «в первые послевоенные годы особую линию в оккупационной политике проводила Франция, рассчитывавшая на постепенную аннексию своей зоны оккупации, включая в себя левобережье Рейна от Карлсруэ до Кобленца. После того, как ее не пригласили для участия в Потсдамской конференции, она объявила ее решения необязательными для себя и заблокировала создание общегерманских административных структур» [2, с. 134].

Потсдамская конференция установила новые границы Германии. Территория Германии, в том числе территория Берлина, была разделена на четыре зоны и сектора (Берлин) оккупации [1, с. 151–152, 156–157]. Согласно Потсдамской договоренности, каждая из держав-победительниц возмещала понесенный ущерб «изъятиями» из собственной зоны, что в перспективе стало существенным фактором раскола Германии.

Правовые основы управления Германией и Берлином, структура контрольного механизма и его задачи определялись Протоколом соглашения между правительствами СССР, США и Великобритании. Он был подписан 12 сентября 1944 г. в Лондоне и одобрен в полном варианте делегациями вышеназванных держав 14 сентября 1944 г.

Соглашение от 1 мая 1945 г. предусматривало, что верховная власть в Германии осуществляется главнокомандующими четырех держав, каждым в своей зоне оккупации, а также совместно – по вопросам, затрагивающим Германию в целом. В тот же день Франция присоединилась к Лондонскому протоколу от 14 сентября 1944 г. об оккупационных зонах в Германии и управлении Большим Берлином. 1 июля 1945 г. начался ввод союзнических войск в зоны и секторы оккупации Германии и ее столицы [9, с. 34].

Контрольный механизм для Германии имел, согласно этому соглашению, следующую структуру. Четыре главнокомандующих, действующих совместно, образовывали верховный контрольный орган – Союзный Контрольный совет (СКС) по Германии. Задачи СКС состояли в том, чтобы обеспечивать согласованность действий главнокомандующих в своих зонах; вырабатывать совместные решения по основным военным, политическим, экономическим и другим вопросам, касающимся всей Германии; осуществлять контроль над центральной германской администрацией и руководство через соответствующие органы за администрацией Большого Берлина. Заседания СКС созывались обычно один раз в 10 дней или по просьбе его членов. Первое заседание состоялось 30 июля 1945 г., последнее – 23 марта 1948 г. Заседания проходили 10, 20 и 30-го числа каждого месяца. Если это число совпадало с воскресеньем, то заседание переносилось на следующий день [1, с. 153–154]. Председательство в СКС менялось ежемесячно. Обычно флаг председательствующей нации вывешивался справа, а за ним, согласно установленной очередности, – флаги остальных трех держав. Решения СКС считались принятыми лишь в том случае, если за них голосовали все члены совета. Если совет не достигал единогласия по тем или иным вопросам, то такие вопросы передавались на усмотрение правительств.

Французский представитель в СКС получил четкие инструкции правительства и Кэ д'Орсэ блокировать любые инициативы представителей великих держав вплоть до обструкции в том случае, если речь в СКС будет идти о единстве Германии и воссоздании германских центральных органов власти и управления. Франция в 1945 г. всячески блокировала вопрос о едином германском государстве, выдвигала непомерные претензии в плане реституции и демонтажа немецких предприятий, претендовала на Саар, Рейнланд, настаивала на интернационализации Рурской области [8, с. 26–27]. Французы также не хотели активного экономического восстановления Германии, оживления ее экономической и хозяйственной жизни, понимая, что эти процессы в конечном итоге неизбежно приведут к возрождению единого немецкого национального государства. Париж этого не хотел в любом варианте, даже в форме демократической единой немецкой государственности. Три другие великие державы (СССР, США и Великобритания) поэтому настороженно относились к намерениям Ш. де Голля и отказывались идти навстречу «территориальным пожеланиям Франции» [8, с. 26].

Заместители главнокомандующих образовывали Комитет координации, на котором лежала вся практическая работа. В его задачу входила подготовка вопросов для СКС, осуществление его решений, руководство аппаратом СКС и наблюдение за деятельностью остальных органов и Союзной комендатуры Берлина, решение всех текущих дел, а также контроль за деятельностью немецких органов. Комитет координации обычно собирался два раза в неделю.

Аппарат СКС состоял из ряда директоратов (отделов): военный, военно-морской, военно-воздушный (объединенные в 1946 г. в единый военный директорат), транспортный, политический, экономический, финансовый, по репарациям, по поставкам, внутренних дел и связи, правовой, военнопленных и перемещенных лиц, рабочей силы. Они возглавлялись представителями четырех держав, председательствовавшими ежемесячно. Помимо директоратов в аппарат Контрольного совета входили секретариат и различные временные органы. Многие из директоратов имели различные комитеты и подкомитеты.

В период наиболее активной деятельности СКС число его директоратов, комитетов, подкомитетов и различных групп достигало 175. За время своей деятельности он принял 3 прокламации, 4 приказа, 62 закона и 58 директив по важнейшим военным, политическим, экономическим, административным и другим вопросам.

СКС был размещен в Берлине, в одном из наиболее крупных зданий в центре города по Айзхольциштрассе, 32. Францию в СКС представлял генерал Пьер Кениг. Главнокомандующий французскими войсками в Германии, он должен был участвовать в работе заседаний СКС. Главой французской военной администрации во французской зоне оккупации Ш. де Голлем был назначен генерал Эмиль Лаффон. Кроме того, с СКС плотно контактировала, как и с французской военной администрацией в Герма-

нии, контрольная группа советников, которую вначале возглавлял генерал Луис Кельц (по 14 июня 1946 г.), а затем – генерал Роджер Нуаре (с 22 июня 1946 г. по март 1948 г.), который в 1949 г. стал главнокомандующим французскими вооруженными силами в Германии.

Чтобы обеспечить нормальную работу СКС, было решено выделить Берлин в особый район в рамках советской зоны и создать для него особый режим, поставив город временно под совместное управление и совместную оккупацию. Берлин был разбит на четыре сектора, три из которых временно отводились под административную ответственность западных держав, разместивших в ней свой аппарат СКС и определенное количество войск, необходимых для охраны, поддержания порядка и обеспечения выполнений решений Потсдама. Секторы были установлены Протоколом соглашения от 12 сентября 1944 г. 26 июня 1945 г. в этот протокол были внесены изменения в связи с выделением сектора для Франции [6, с. 341; 9, с. 34]. Решением Контрольного совета от 30 июля 1945 г. два района города (Райникендорф и Веддинг) были выделены для занятия их французами [1, с. 156–157]. Окончательно секторные границы в городе были уточнены и утверждены на заседании Союзной комендатуры Берлина 1 августа 1945 г.

1 августа 1945 г. было введено официальное название – Союзная комендатура города Берлина (до этого называлась Международная комендатура города Берлина). Она имела структуру, схожую со структурой СКС, и работала в соответствии с уставом, в основу которого, как и в основу соглашения о контрольном механизме в Германии, легли советские предложения. Согласно ее уставу, Берлин управлялся Союзной комендатурой под общим руководством СКС. Задачи комендатуры заключались в наблюдении и контроле над деятельностью местных органов Берлина в соответствии с решениями Потсдама [6, с. 472–473].

Берлин не превращался в особую, пятую зону оккупации. В связи с этим комендатура наделялась только административными функциями, подчинялась непосредственно Совету (Комитету) координации и, в отличие от СКС, могла издавать не законы, а только приказы и распоряжения. Официально Союзная комендатура Берлина начала свою работу как союзнический орган власти и контроля в германской столице, сформированный из военных представителей СССР, США, Великобритании и Франции, с 11 июля 1945 г. [9, с. 34].

Во главе комендатуры стояли четыре коменданта. Каждый из них имел двух заместителей: одного – ответственного за работу в комендатуре, другого – ответственного по гарнизону. Решения заместителей по наиболее важным вопросам подлежали утверждению комендантами.

Четыре начальника Совместного штаба вели основную работу, занимались подготовкой повестки дня заседаний комендантов и их заместителей и решали повседневные вопросы. Под управлением начальников штаба было создано постоянное административное бюро. Оно обслуживало зда-

ние Союзной комендатуры и штаба, а также ведало вопросами обеспечения их безопасности и хозяйственными делами [1, с. 156].

Технические советники группировались в четырехсторонних комитетах, созданных применительно к структуре берлинского магистрата, а также в ряде подкомитетов. Существовали следующие комитеты: жилищно-строительный, по углю, по культурным делам, образованию, финансам, продовольствию, рабочей силы, правовой, искусства, кадров, почты, телеграфа и телефона, здравоохранения, общественной безопасности, социального обеспечения, общественных работ и коммунального хозяйства (с подкомитетами по: а) электричеству; б) газу; в) водопроводу и канализации), контроля над имуществом, беженцев, религиозных дел, торговли и промышленности, по жидкому топливу. Задача комитетов заключалась в наблюдении от имени комендантов за соответствующими отделами магистрата и за немецкими учреждениями, находившимися под их контролем, а также за проверкой выполнения ими приказов комендатуры.

В целом Союзная комендатура делилась на четыре составные части (секции), объединявшие всех сотрудников каждой из четырех держав.

После вступления в город войск трех западных держав комендатура 4 августа 1945 г. приняла специальный приказ о том, как она будет контролировать и руководить работой немецкого гражданского самоуправления Берлина, уточненный новым приказом от 9 августа 1945 г. В письме комендатуры бургомистру подчеркивалось, что оккупационные власти в своих секторах «будут вести надзор, но не будут вмешиваться» в распоряжения магистрата. Но распоряжения магистрата, имеющие особую важность или в которых заинтересовано военное управление, должны были быть утверждены комендатурой до их опубликования. Совет районных бургомистров должен был разработать проект «Статута города Берлина». Немецкая газета «Дер Морген» от 27 декабря 1945 г. «выступает против разработки проекта этого статута Советом районных бургомистров и говорит, «что лучше всего он мог бы быть разработан представителями блока четырех антифашистских партий», которые «отражают политические взгляды всех слоев населения» [4, л. 25]. Приказы комендатуры основного характера и директивы большой важности должны были издаваться за подписью комендантов и их заместителей, приказы не основного характера и директивы по менее важным вопросам – начальниками комитетов.

Коменданты заседали раз в декаду, их заместители – два раза в десять дней. Начальники штабов и комитеты заседали по мере надобности.

Каждый из четырех комендантов председательствовал ежемесячно в качестве главного коменданта. Вначале было установлено 15-дневное председательствование. Однако оно вскоре было изменено и приведено в соответствие с процедурой в СКС. Очередность председательствования была следующей: США, Великобритания, Франция и СССР. В основу работы Союзной комендатуры, как и СКС, был положен принцип единогласия. Если не удавалось достигнуть единства, то спорный вопрос мог быть передан в Комитет координа-

ции. После каждого заседания комендантов публиковалось официальное коммюнике, и ежемесячно издавался бюллетень Союзной комендатуры.

Союзный контрольный механизм создавался на период выполнения Германией основных требований безоговорочной капитуляции. «Учреждение контрольных органов для Германии и Берлина создавало необходимые условия для быстрого претворения в жизнь решений Ялты и Потсдама» [7, с. 214]. Вся структура контрольного механизма была приспособлена к тому, чтобы обеспечить последовательное осуществление задач, поставленных правительствами четырех держав. На Потсдамской конференции также было принято решение о создании Совета министров иностранных дел (СМИД), в состав которого должны были войти представители пяти держав – постоянных членов Совета Безопасности ООН, то есть СССР, США, Великобритании, Франции и Китая [1, с. 179]. В 1945–1948 гг. Францию в СМИД представлял Ж. Бидо.

Как отмечает М.М. Наринский, «весьма важным для Франции было и то, что к имевшемуся соглашению о выделении для Франции зоны оккупации в Германии прибавилось приглашение участвовать в работе Совета министров иностранных дел и Союзной репарационной комиссии», а также СКС [3, с. 50]. Но, пытаясь максимально унизить Германию, исключить ее навсегда из числа великих европейских держав, отомстить за унижения французов со стороны немцев во время двух мировых войн и в войне 1870–1871 гг., Франция полагала, что меры по денацификации, демонополизации, демилитаризации и демократизации Германии в «духе Потсдама» явно недостаточны.

1. Белецкий, В.Н. Потсдам 1945. История и современность / В.Н. Белецкий. – М. : Междунар. отношения, 1987. – 344 с.
2. Ватлин, А.Ю. Германия в XX веке / А.Ю. Ватлин. – М. : РОССПЭН, 2002. – 336 с.
3. Наринский, М.М. Англия и Франция в послевоенной Европе. 1945–1949 / М.М. Наринский. – М. : Наука, 1972. – 277 с.
4. Архив внешней политики Российской Федерации. – Фонд 82. Оп. 27. Д. 11.
5. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. : Сборник документов : в 6 т. – М. : Политиздат, 1978–1984. – Т. 4 : Крымская конференция руководителей трёх союзных держав – СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.). – 1984. – 312 с.
6. СССР и германский вопрос. 1941–1949 : Документы из Архива внешней политики Российской Федерации : в 3 т. / редкол.: Г. П. Кынин, Й. Лауфер. – М. : Международные отношения, 1996–2003. – Т. II : 9 мая 1945 г. – 3 октября 1946 г. – 2000. – 880 с.
7. Тегеран, Ялта, Потсдам. Сб. док. – 3-е изд. – М. : Международные отношения, 1971. – 416 с.
8. Deutschland unter alliierter Besatzung. 1945–1949/55. Ein Handbuch. Hrsg. v. W. Benz. – Berlin : Akademie Verlag, 1999. – 494 s.
9. Mahncke, D. Berlin im geteilten Deutschland / D. Mahncke. – München – Wien : R. Oldenbourg Verlag, 1973. – 325 s.

Раздел 3 ОККУПАЦИЯ И СОПРОТИВЛЕНИЕ

Мандрик И.В.

БЕЛАРУСЬ В ГЕРМАНСКИХ ПЛАНАХ ОСВОЕНИЯ ВОСТОЧНОГО ПРОСТРАНСТВА

В последние годы в нашей республике заметно возрос интерес к научным исследованиям проблем белорусской государственности. В Министерстве образования республики имеется намерение ввести новую дисциплину «История белорусской государственности» для реализации на первой ступени высшего образования в рамках цикла социально – гуманитарных дисциплин для студентов первых курсов всех специальностей высшего образования (за исключением профильных специальностей). Предполагается, что данная учебная дисциплина будет введена вместо «Истории Беларуси в контексте европейской цивилизации». Акцент в новой дисциплине высшей школы будет сделан на получении студентами концептуальных знаний по истории развития государственных институтов, которые являются неотъемлемыми атрибутами белорусской государственности. Такой подход к отечественной истории не случаен. Каждый гражданин страны с юных лет должен воспитываться на духовно-культурных традициях и ценностях белорусского этноса, истоки которого восходят к глубокой древности. Выявление исторических корней белорусской государственности, раскрытие предпосылок формирования национально-государственной идеи белорусского народа и ее становление – эта одна из востребованных на данном этапе задач. Задача эта не простая, ее решение потребует от историков (и юристов) серьезных усилий. Пока по вопросам генезиса белорусской государственности во взглядах авторов существуют серьезные различия. Учебники для школ, высших учебных заведений, публикации и даже фундаментальные научные работы, раскрывающие сложную палитру исторических событий, связанных с выделением и формированием властных государственных институтов, не лишены поверхностных обобщений. Особого внимания исследователей на данном этапе заслуживает обоснование исторической правомерности белорусской государственности.

Понимая, что предшествующий многовековой позитивный (как впрочем и негативный) опыт становления и развития белорусской национальной государственности важен в современных геополитических условиях для утверждения социального мира и согласия в обществе, научные учреждения стремятся к полному и объективному рассмотрению всех аспектов данного процесса. В этой связи нельзя не отметить подготовленный в последние два года фундаментальный труд «История белорусской государственности в 5-ти томах», четыре из которых уже дошли до своего читателя. Анализируя со-

держание изданных томов, следует отметить системность представленной концепции процесса эволюции белорусской государственности с четким выделением трех периодов. Коллектив ученых Института истории НАН Беларуси вместе с вузовскими коллегами ввели в научный оборот ранее неизвестные архивные документы и материалы, а также археологические источники. Совместная работа позволила комплексно осветить сложный процесс многовековой истории белорусской государственности, установить закономерности в реализации идеи белорусской государственности, как в исторических, так и в национальных формах. Несомненно, что работа историков по этой острой проблеме будет продолжена. Особенно актуальными для дальнейшей разработки являются вопросы, по которым у историков имеются расхождения во взглядах.

В данной статье автор сосредоточил внимание на дискуссионных вопросах, связанных с существенными изменениями в белорусской государственности в начале Второй мировой войны, а также с планами и реальной практикой нацистской Германии по территориально-административному устройству Беларуси в годы оккупации. Важнейшим событием начала Второй мировой войны, которое самым непосредственным образом повлияло на дальнейшее развитие белорусской государственности относится воссоединение Западной Беларуси с БССР. В процессе воссоединения сформировалось целостное белорусское государство, произошла консолидация белорусской нации. За короткий срок в западной части БССР были проведены кардинальные преобразования в социально-экономической и политической сферах. Значительные успехи были достигнуты в охране здоровья, науке, образовании. Этому важному для республики событию предшествовала череда европейских событий середины 1939 г. Историки и политики наиболее часто обращают свое внимание, по-разному оценивают пакт Молотова–Риббентропа. Этот документ, как они считают, был главным в решении судьбы населения Западной Беларуси, в составе которой она находилась с 1921 г. Соответственно, как указывается в печатных работах, этим документом была предопределена и судьба польского государства. Правда, у политиков и ученых при анализе данного документа имеются принципиальные различия. Отдельные авторы пришли к выводу, что Пакт Молотова–Риббентропа (с его секретным приложением) по своей сути ориентировал СССР на разрыв в одностороннем порядке Рижского мирного договора и соглашения между СССР и Польшей заключенного в 1932 г., что фактически означало ликвидацию Второй Речи Посполитой и сделало войну в Европе неизбежной [1, с. 310; 2, с. 5]. В Польше, в Украине, др. странах на государственном уровне прочно утвердилось мнение, что СССР – «главный виновник и главный зачинщик Второй мировой войны» [3, с. 7].

Действительно, подписанный СССР с Германией Пакт о ненападении – это довольно сложное политико-дипломатическое событие. Его нельзя рассматривать упрощенно, тем более без учета всего комплекса

межгосударственных отношений в мире в 30-х гг. XX в. Автор данной статьи до середины 1980-х гг. постоянно проводил в своих работах мысль, что содержание Пакта о ненападении для того времени было абсолютно приемлемым в отношениях между государствами. Все его 7 статей декларируют желание двух стран укреплять дела Мира, воздерживаться от всякого насилия, от всякого агрессивного действия и всякого нападения в отношении друг друга как отдельно, так и совместно с другими державами. Договаривающиеся стороны обязывались не участвовать в группировках держав, которая прямо или косвенно была направлена против другой стороны, а в случае возникновения споров или конфликтов – разрешать их исключительно мирным путем. Вполне себе цивилизованные отношения между цивилизованными странами прописаны в этом документе. То есть в тех политических условиях договор с намерением не допускать военных конфликтов между странами, решать спорные вопросы за столом переговоров, был более чем правомерен. Вопрос возникал лишь в том, как между непримиримыми противниками в очень коротком промежутке времени могла произойти такая перемена. До середины августа 1939 г. у советских людей по отношению к гитлеровской Германии прочно утвердились взгляды как к стране агрессору. Но, в середине августа 1939 г. и после подписания Пакта государственные средства массовой информации (а других не было) моментально, сменив тон, стали характеризовать международную политику Германии как миролюбивую, что не могло не дезориентировать сложившиеся у населения страны мнение о реальном фашистском режиме. Ну и совсем трудно было понять и объяснить с точки зрения внешней политики, заключенный месяцем позже (28 сентября), германо-советский договор с названием «о дружбе и границах». Этот договор не мог не внести сумятицу в умы советских людей. В сложном положении оказались «левые силы» зарубежных стран, решительно выступавшие против фашизма. Отношение руководства СССР и нацистской Германии на этом этапе обозначались понятием «метаморфоза» (резкая перемена взглядов и идеологических установок), но связывать судьбу Польши с содержанием Пакта о ненападении, пока о дополнительном протоколе в СССР не знали, не было оснований. Доступные на то время документы приводили большинство историков к выводам, что данное соглашение появилось в результате неудачи руководства крупных стран в попытке формирования системы коллективной безопасности в Европе. Приводились неопровержимые подтверждения того, что советская дипломатия с середины 30-х гг. до середины августа 1939 г. предпринимала все возможные меры, чтобы заключить англо-франко-советский военный договор о совместной борьбе против гитлеровской агрессии. И это было справедливо. По советской инициативе в Москве на заседаниях военных миссий СССР, Англии, Франции 12–21 августа 1939 г., то есть за две недели до начала Второй мировой войны, именно кремлевские руководители прилагали в этом настойчивость. Но ни англий-

ское, ни французское правительство не пошло на заключение такого соглашения. В стремлении отвести угрозу от своих стран они были не прочь подтолкнуть Гитлера к войне против Советского Союза. В 1938 г. Франция и Великобритания заключили с Гитлером договоры о ненападении, а журнал «Тайм» даже назвал фашистского лидера человеком года. Более того они чтобы то не стоило стремились столкнуть фашизм и большевизм. Британский премьер-министр Болдуин в 1936 г. прямо заявил: «Нам всем известно желание Германии ... двинуться на Восток. Если бы он (т.е. Гитлер – *И.М.*) двинулся на Восток, мое сердце не разорвалось бы, Если бы в Европе дело дошло до драки, то я хотел бы, чтобы эта была драка между большевиками и нацистами». Лондону позднее вторил и Париж.

Следует также признать: негативную роль на внешнеполитическую обстановку в это время оказывало польское руководство. Глава польского государства Ю. Пилсудский на совещании генералитета и особо доверенных лиц назвал Советский Союз в качестве главного противников будущей войне [4, с. 266]. Польша негативно отнеслась к вступлению СССР в Лигу Наций и заключению советско-французского и советско-чехословацкого договоров о взаимопомощи. В тоже время действия Германии, которая нарушала Версальский мирный договор, никакой отрицательной реакции в Варшаве не вызывали. Польша стремилась не допустить усиления советского влияния в Европе, и практически солидаризировалась с позицией Германии. Находя закономерным с точки зрения политической практики и морали того времени Мюнхенский пакт 1938 г., Польша участвовала вместе с Германией в разделе Чехословакии. Используя вооруженные вылазки, Польша добилась от деморализованного Мюнхенским стовором чехословацкого руководства передачи области Тешин в Моравии, после чего она стала первой вслед за Германией страной, получившей выгоду от предпринятой Гитлером перекройки карты Европы [5, с. 34]. Действия такого рода не без оснований порождали в Москве подозрения о наличии германо-польских договоронностей. СССР уже тогда предупреждал польское руководство о разрыве ранее заключенных с ней соглашений.

Такой ход международных отношений окончательно убедил советскую сторону (к середине августа 1939 г.) в том, что западные миссии приехали с пустыми руками и не готовы к подписанию военной конвенции. Настойчивая инициатива Германии об улучшении отношений с СССР стала рассматриваться И. Сталиным как мера, способная остановить германскую агрессию подальше от своих западных границ, позволит на какое-то время оставаться вне европейской войны между Германией и западными странами, которая, как он считал, могла возникнуть в результате германо-польского конфликта. Советское руководство полагало, что западные страны выступят в войну на стороне Польши и она примет затяжной характер, и, ослабив, в целом капиталистическую систему, даст возможность СССР усилить свой военно-экономический потенциал. В результате под-

писания Пакта СССР получал гарантии (хотя и ненадёжные) сохранить мир на Западе. Пакт с Германией охладил японское руководство, нацеленное на конфликт с СССР: 15 сентября 1939 г. Япония подписала соглашение с СССР и МНР о прекращении боевых действий.

После того, как советской общественности стало известно содержание секретного дополнительного протокола к Пакту от 23 августа 1939 г. (а это произошло лишь в середине 1980-х гг.) , авторы стали обращать внимание на ряд противоречивых проблем, в том числе и изменений в белорусской государственности накануне и в начале Второй мировой войны. Казавшиеся ранее незыблемые версии о территориальных приобретениях СССР в контексте германо-советского договора, о выгодах, полученных белорусами при воссоединении стали подвергаться серьезной критике в научном сообществе нашей республики. Отдельные авторы отмечают, что Договор и приложение к нему о разграничении сфер обоюдных интересов Германии и СССР в Восточной Европе, приняты в обход законов СССР и договорных обязательств перед третьими странами. Считают, что подписание этих документов нанесло серьезный урон международному престижу СССР, послужило толчком к началу новой мировой войны [6, с. 81–82]. Особенно негативную оценку в зарубежной, да и в отечественной историографии имеет вторая статья дополнительного протокола к Пакту, где указано, что в случае территориально – политического переустройства областей, входящих в состав Польского Государства, граница сфер интересов Германии и СССР будет приблизительно проходить по линии рек Нарева, Висла и Сана [7, с. 318–321].

Это была этническая граница между поляками, белорусами и украинцами. Авторы, пропагандирующие этот тезис не утруждают себя ответом на вопрос: почему СССР вынужден был пойти на заключение договора? Скорее всего, следует признать, что неожиданный поворот в политике высшего советского руководства в отношении Германии обусловлен (а это сегодня подтверждается рассекреченными архивными документами, содержание которых привел в своем выступлении в январе 2020 г. Президент Российской Федерации В.В. Путин), реальной на то время исторической ситуацией, обстоятельствами, которые вынудили СССР сделать этот шаг. После того как исследователям стали доступны секретные документы по ключевым вопросам истории Великой Отечественной войны, о двуручничестве представителей англо-французских кругов, о поиске Польшей сговора с гитлеровской Германией и милитаристской Японией, они пришли к выводам, что Советское правительство, подписывая Пакт и секретный протокол, решало задачи, которые в условиях нарастающей агрессии могли укрепить положение страны. Как следует из текста документов, соглашение давало СССР определенные гарантии безопасности.

Известные советские историки В.И. Дашичев, М.И. Семиряга, Г.Л. Розанов в своих работах доказывают: именно условиями протокола

СССР удалось получить свободный выход из Финского залива на просторы Балтики, приобрести незамерзающие порты на побережье Балтийского моря, включить Латвию, Эстонию и Финляндию в сферу советских государственных интересов с последующим вхождением их в состав Советского Союза, присоединить земли Западной Украины и Западной Беларуси, Бессарабию и Буковину, укрепить советские позиции на Балканах, открыть свободный выход к морям через Босфор и Дарданеллы и закрепить советские позиции путем создания военных и военно-морских баз в обоих проливах, на Дальнем Востоке – занять Южный Сахалин, Курильские и «Южные Курилы».

В белорусской исторической науке по вопросу об отношении СССР и Германией на завершении 1930-х гг. сложилась, как мне представляется, наиболее реалистическая оценка (хотя некоторые авторы стремятся сегодня доказать обратное), которую трудно опровергнуть: ни договор о ненападении, ни приложенный к нему секретный дополнительный протокол не содержали статей о военном сотрудничестве двух государств и не обязывали их вести боевые действия против третьих стран или оказывать помощь в случае участия одной из сторон в военном конфликте. Правильное понимание действий СССР во внешней политике в 1930-х – в начале 1940-х гг. приходило по мере приближения к нападению Германии на СССР даже к его недоброжелателям. Политическая элита буржуазно-демократических стран все больше склонялась к мнению, что германско-советский пакт и советское нападение на Финляндию были следствием скорее опасений со стороны Советов германской агрессии, нежели коммунистической экспансии. В условиях провала попыток создания системы коллективной безопасности навряд ли можно было что-либо сделать для сохранения независимости Польши, судьба которой была решена в Берлине еще 3 апреля 1939 г., когда Гитлер подписал директиву о ее поглощении. Достигнутые договоренности между Германией и СССР не делали их союзниками ни формально, ни фактически. Германско-советский договор стал значительным дипломатическим и политическим актом, который завершил фазу предвоенного кризиса, причем являлся результатом кризиса, а не его причиной [8, с. 56].

Несмотря на всю противоречивость данного договора, разные суждения о сути прописанных в нем статей, а также секретного приложения к нему, его заключение в то время по воссоединению Западной Беларуси с БССР (той же территории Украины, а позже Бессарабии и Буковины) соответствовало интересам большинства населения края и способствовало консолидации белорусской нации. Как отмечается в нашей историографии, включение территорий Западной Беларуси в состав БССР, рассматривается как акт исторической справедливости: закончился трагизм разделенности белорусской нации, длившийся с 1921 г. по 1939 г., исправлена историческая несправедливость Рижского мирного договора в отношении белору-

сов. Воссоединение положило конец разделу Беларуси, восстановило ее территориальную целостность, воссоединило белорусский народ в единую семью [8, с. 3].

Вторым наиболее актуальным в рассматриваемой теме является вопрос о белорусской государственности в военно-политических планах нацистской Германии. А том, что представляет собой фашизм испытали все, кто оказался под властью гитлеровцев и их помощников. После захвата советской территории гитлеровцы приступили к реализации своих планов по определению места каждого народа в будущей германской империи. Согласно заранее разработанного и принятого в начале апреля 1941 г. «Меморандума относительно целей и методов установления господства на оккупированных советских территориях», первоочередной мерой территориального устройства предусматривалось разрушение существующих государственных структур управления, запрет на создание в будущем разветвленного государственного аппарата. В отношении БССР в этом документе сказано, что это одна из наиболее отсталых в экономическом и культурном отношении республик СССР и как второй по величине (после Польши – *И.М.*) еврейский резервуар, так как в ней расположены насыщенные еврейством города Белосток, Минск, Полоцк, Витебск и др., где евреи эксплуатируют коренное население. Пробудить у белорусов собственную национальную жизнь и создать жизнеспособное государственное образование может считаться предприятием чрезвычайно длительным и сложным [9, с. 17–23]. Правда, в одном из немецких документов указывалось о возможности передачи Беларуси части территорий Центральной России со столицей в Смоленске. Однако в этом контексте речь шла не о белорусском государственном образовании, а только как о географической территории. Окончательное своё оформление система немецко-фашистского оккупационного режима на оккупированных территориях получило на совещании 16 июля 1941 г. в Ставке А. Гитлера, где было ещё раз подтверждено, что главной целью войны является захват и расчленение территории СССР. Здесь же была утверждена структура военно-полицейских и гражданских оккупационных властей, определены методы управления захваченными землями, кандидатуры их руководителей [10, с. 47–50].

На следующий день, 17 июля 1941 г., был издан приказ А. Гитлера, в соответствии с которым было создано имперское Министерство по делам оккупированных областей («Восточное министерство») под руководством А. Розенберга [11, с. 51–54]. Затем, в апреле 1942 г. на одном из совещаний А. Гитлер внес ясность в свою политику по отношению к захваченным территориям. Он заявил, что на оккупированных территориях имеется необходимость «подавления всякой государственной организации и тем самым создания условий для того, чтобы держать население этих национальностей на возможно более низком культурном уровне. В соответствии с указаниями из Берлина оккупанты уничтожили государственную само-

стоятельность белорусского народа и даже территориальную целостность республики. Осенью 1941 г. оккупированная Территория Беларуси была поделена на отдельные части:

Южные районы Гомельской, Полесской и Пинской областей, часть Брестской области были включены в рейхскомиссариат «Украина»;

Белостокская область, северные районы Брестской и часть Барановичской областей отошли к округу «Белосток», который присоединялся к Восточной Пруссии;

Витебская и Могилёвская области, восточные районы Минской, а также большая часть Гомельской областей были отнесены в зону тыла группы армий «Центр»;

Северо-западная территория современной Витебщины и Минщины (часть Ошмянского, Свирского, Видзовского, Островецкого, Сморгонского и Поставского районов) присоединили к генеральному округу «Литва».

Большая часть территории Беларуси, главным образом восточная, входила в зону тыла группы армий «Центр». Частично южные её районы оказались в тылу группы армий «Юг»;

В генеральный округ «Беларусь» (генеральный комиссар В. Кубе, г. Минск), вошли Барановичская, Вилейская, Минская (без восточных районов), северные районы Брестской, Пинской и Полесской областей, что составляло только треть территории Беларуси с населением в 3138256 человек (на момент 4 декабря 1941 г.).

Разорвав целостную территорию Беларуси и вводя тем самым новые границы, нацисты считали, что это облегчит процесс преобразования её в германскую колонию. Насилие и зверства являлись составной частью политики германского руководства во всех частях оккупированной территории республики. В течение всего периода оккупации фашисты планомерно осуществляли политику геноцида – планомерного уничтожения целых групп населения по тем или иным мотивам: из-за принадлежности к советским активистам, членству в политических партиях и молодежных организациях (ВКП(б), ЛКСМБ), по национальному признаку – евреев, цыган и т.д. Особенно агрессивной и бескомпромиссной была политика нацистских идеологов к партийно-советским активистам. Задача ставилась четко и ясно: «Мы должны вырвать их мозг, мы должны уничтожить их культурный слой» [12, с. 227]. Это было не просто пропагандистское заявление, а своеобразная программа действий. В соответствии с заранее разработанными инструкциями гитлеровцы, сразу после вторжения выявляли коммунистов, комсомольцев, евреев, цыган, советских активистов, а также оказавшихся в окружении командиров и политработников. Все они подлежали уничтожению. Бывший генерал войск СС Бах-Зеленевский, на которого была возложена борьба с партизанским движением, признался на Нюрнбергском процессе, что вся практическая деятельность оккупационных властей и германских войск протекала в соответствии с заранее разрабо-

танном плане уничтожения 30 млн. славян. И «если бы ситуация не изменилась в результате развития событий, то задача была бы выполнена».

Анализ поведения нацистов на временно оккупированной территории, в непродолжительное по историческим меркам время, убеждает даже глубоких скептиков: их планы были бы реализованы, скорее всего с опережением. Нацисты с самого начала придали войне расовый характер. 30 января 1939 г. Гитлер говорил, что «результатом войны будет ... уничтожение еврейской расы в Европе». Что касается не немецкого населения Востока, то они должны стать рабами, их обучение «не должно быть выше, чем четырехклассная народная школа. В этой народной школе должны учить лишь простому счету до пятисот, написанию своего имени и тому, что Господь Бог требует слушаться немцев». Даже умение читать для славянского населения Гитлер считал излишним. Указаниям Гитлера беспрекословно подчинялись структурные учреждения, созданные немцами на оккупированной территории. Глава политического отдела Генерального комиссариата Беларуси Мирш при назначении на этот пост заявил: «Мы идем в Беларусь как господствующая раса. Ни один из нас не должен там ничего делать, даже сам носить портфель. Тротуары только для нас, народ обязан ходить по грязи, мы пришли в эту страну, обладая сведениями, что найдем здесь примитивный, отсталый, провинциальный народ, которым можно управлять простыми средствами».

Фашизм создал армию жестоких, послушных солдат. Умение подавлять в себе добрые чувства, беспрекословно подчиняться приказам воспитывалось в этой стране уже в школах. Для этого, как пишет один из узников фашистских концлагерей, «школьникам давали задания выращивать кроликов, ставили оценку за чистоту содержания животного, поощряли привязанность ребенка к животному и, когда любовь маленького человека достигала высшей фазы, отдавали приказ резать своего друга. Эта детская подготовленность формировала хобби и идеал человека, способного убивать, насиловать, грабить, жечь живьем людей» [13, с. 14].

Поскольку вся система советского законодательства на оккупированной территории была уничтожена, а собственных сил для организации военно-политического управления у Германии не хватало, это заставило ее создавать вспомогательные органы власти из числа местного населения. Вначале немецкий военно-административный аппарат опирался на помощь прибывших в обозе наступающих германских частей лидеров белорусской эмиграции. Их круг был незначителен (в отдельных источниках определяется числом 50). Эти люди имели надежду, как и в 1918 г., на построение в Белоруссии своей государственности путем военно-политического сотрудничества с германским руководством через местную оккупационную власть. Инспирированные фашистами структуры (Белорусская народная самопомощь, Белорусская рада доверия, Белорусская центральная рада, Союз белорусской молодежи, др.), и возглавляющие их идеологические лидеры оторванные от собственного народа, не пользовались авторитетом

даже у самих оккупантов. Попытки коллаборантов помочь оккупантам реализовать их нацистские планы, одновременно утвердиться во власти самим, не могли быть изначально приняты здравомыслящим населением Беларуси. Созданные путем насилия структуры для усиления оккупационного режима и борьбы с массовым подпольным и партизанским движением, как и следовало ожидать, оказались малочисленными. Несмотря на то, что в середине августа 1939 г. произошло полное прекращение публичной антифашистской пропаганды, это не ослабило антифашистских чувств советских людей. Сформированная в предшествующие годы ненависть к фашизму была необратима. Оккупанты об этом знали и чувствовали. Генеральный комиссар генерального округа Беларусь В. Кубе, выступая перед доверенными лицами, говорил: «Еще когда мы появились тут в августе 1941 г., мы должны были понять, что все то, что говорилось о Беларуси, не соответствует действительности. Фактом является то, что этот народ за 25 лет, с 1917 по 1941 гг. сделал все же чрезвычайный шаг вперед» [14, с. 2]. Как политик и идеолог германского нацизма, занимая высокую должность, В. Кубе понятно был в выражениях сдержан, но, как покажут дальнейшие события, он хорошо понимал, что подавляющее большинство жителей республики ненавидят фашизм, как и подобает патриотам, защищают свою страну. Как видно, события предвоенного и периода начала Второй мировой войны в целом положительно сказались на развитии белорусской государственности. Воссоединение Западной Беларуси с БССР предотвратило угрозу полонизации и ассимиляции белорусов. Несмотря на трудности и деформации, которые имели место в период социалистических преобразований в Западной Беларуси при воссоединении ее с Восточной, объединение нации считается актом исторической справедливости. Беларусь впервые за всю историю стала территориально целостным государством, и это явилось важным фактором стремительного национально-государственного развития, общего поступательного движения белорусского народа по пути прогресса и укрепления его национальной государственности.

На захваченной агрессором территории Беларуси происходили сложные национально-государственные процессы. Задача германского руководства состояла в том, чтобы лишить белорусов государственности. Заняв территорию БССР, они стремились ее реализовать. Не станем утверждать, что в Белоруссии во время оккупации было одно лишь геройство, но идеи оккупантов и коллаборантов о создании здесь вспомогательных структур для государственного управления оказались мифическими, надуманными. Основные силы белорусов в это тяжелое время, несмотря на террор, насилие, пропаганду против Советов и коммунистической идеологии, оставались сторонниками советского государственного строя. Население республики боролось против оккупантов в партизанских отрядах, подпольных организациях, оказывали нацистам массовое сопротивление.

1. Шыбеко, З. Нарыс гісторыі Беларусі 1795–2002 гг. / З. Шыбеко. – Мінск, 2003.
2. Суворов, В Ледокол. Кто начал Вторую мировую войну? / В. Суворов. – М., 1992.
3. Мандрик, И.В. Важнейшие слагаемые Победы советского народа в Великой Отечественной войне / И.В. Мандрик // Ученые записки УО «ВГУ имени П.М. Машерова». – 2012. – Т. 13. – С. 5–16.
4. Соколов, В.В. Открывая новые страницы... Международные вопросы : события и люди / сост. Н.В. Попов. – М. : Политиздат, 1989.
5. Год кризиса. 1938–1939 : док. и материалы. – Т. 2. – М., 1990.
6. Павлов, Я.С. «Болевые точки» истории Беларуси (из научного наследия) / Я. С. Павлов. – Минск, 1997.
7. Риббентроп, И. Между Лондоном и Москвой: Воспоминания и последние записи из его наследия, изданного Аннелиз фон Риббентроп. – М. : Мысль, 1996.
8. История белорусской государственности : 5 т. / редкол.: А.А. Коваленя (гл. ред.) [и др.]. – Т. 4 : Белорусская государственность накануне и в период Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления (1939–1953 гг.) / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории ; отв. ред. Н.Б. Нестерович. – Минск : Белорусская наука, 2019.
9. Стратегия Гитлера – путь к катастрофе, 1933–1945 : исторические очерки, документы и материалы: в 4 т. / Рос. акад. наук, Ин-т междунар. экон. и полит. исслед ; отв. ред. В.И. Дашичев. – Т. 3. – М. : Наука, 2005.
10. Из протокольной записи совещания Гитлера с руководителями фашистского рейха о целях войны против Советского Союза от 16 июля 1941 г. // Преступные цели – преступные средства. Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР. (1941–1944 гг.) / сост.: Г.Ф. Заставенко [и др.] ; под общ. ред. Е.А. Болтина и Г.А. Белова. – М. : Экономика, 1985.
11. Приказ Гитлера о гражданском управлении во вновь оккупированных восточных областях от 17 июля 1941 г. // Преступные цели – преступные средства. Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР. (1941–1944 гг.) / сост.: Г. Ф. Заставенко [и др.] ; под общ. ред. Е.А. Болтина и Г. А. Белова. – М. : Экономика, 1985.
12. Безымянский, Л. Особая папка «Барбаросса» / Л. Безымянский. – М., 1972.
13. Обрыньба, Н. Судьба ополченца / Н. Обрыньба. – М.: Яуза ; Эксмо, 2005.
14. Советская Белоруссия. – 1988. – 19 октября.

Гребень Е.А.

**ГОРОДСКАЯ И СЕЛЬСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ
ПЕРИОДА ГЕРМАНСКОЙ ОККУПАЦИИ БЕЛАРУСИ 1941–1944 гг.:
ОБЩИЕ И СПЕЦИФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ**

В условиях германской оккупации Беларуси 1941–1944 гг. и городские и сельские жители существовали в сходных условиях: чужая власть, насилие со стороны немецких силовых структур и коллаборационистов, идеологический прессинг, обязательная трудовая повинность, одинаково тяжелое материальное положение. На фоне общих моментов социально-

экономической жизни, имелись специфические особенности сельской и городской повседневности, увидеть которые позволяют как сохранившиеся документы (распоряжения немецких оккупационных властей различного уровня и дублирующие их распоряжения глав местной вспомогательной, переписка организаций, предприятий и структурных подразделений местной вспомогательной администрации, заявления граждан), так и воспоминания граждан.

Одной из стратегий выживания в условиях оккупации было содержание скота. Наличие у человека крупного и мелкого рогатого скота, свиней, птицы давало возможность лучше обеспечивать себя продуктами питания. Для горожан это была альтернатива скудным нормам продуктов, полагавшимся по карточкам. Поскольку оккупационная администрация стремилась максимально полно учесть количество скота и птицы, находящееся у населения, а также выяснить законность владения ими, для горожан осенью 1941 г. актуальным вопросом стала постановка на учет и доказательство прав собственности на имеющийся скот. В городскую управу подавались заявления о регистрации и приводились аргументы, доказывающие права собственности. В случае если не имелось документов, доказывающих легальное приобретение скота в довоенный период, граждане предоставляли свидетельства соседей. Часто соседи выступали поручителями друг для друга [10, л. 1–9]. Поскольку крестьяне вынуждены были платить в пользу оккупационных властей натуральный налог (мясом, молоком, яйцами), важной задачей для них становилось утаивание реального количества скота и птицы в домашнем хозяйстве, что позволяло минимизировать размер натурального налога [6]. Независимо от места проживания владельцев скота, актуальной проблемой стало введенное немцами ограничение на право убоя скота. В условиях, когда владелец не мог самостоятельно распоряжаться своей собственностью, не рискуя получить штраф, граждане в массовом порядке подавали в органы местной администрации документы, подтверждавшие вынужденный характер убоя, что страховало их от штрафных санкций – акты о болезни животного, подписанные соседями, чиновниками, ветеринарными врачами, из которых следовало, что убой явился вынужденной мерой [6; 11, л. 2, 7, 15–19].

Еще одной стратегией выживания граждан была торговля на рынках. В отличие от материалов районных и городских управ, документы городской администрации иллюстрируют порядок осуществления торговли на рынках [6; 16, л. 24–27]. Альтернативным источником относительно того, как сельские жители были включены в процесс торговли, являются воспоминания очевидцев. Они, как показывает практика, не дают представления о существовавших на рынках ценах и торговых сборах [1]. Данные относительно предпринимательской деятельности в сельской местности крайне фрагментарны, а количество ремесленников, фигурирующих в документах районных администраций, не значительное на фоне городов [6; 12, л. 36]. Можно пред-

положить, что для сельского населения основными стратегиями выживания являлось земледелие и животноводство, тогда как для многих горожан проще всего было выжить благодаря имеющимся навыкам в различных ремеслах или торговле.

Жилищная проблема наиболее остро проявлялась в городах. Летом 1941 г. бомбовые и артиллерийские удары наносились немцами в первую очередь по военным базам, промышленным предприятиям и объектам городской инфраструктуры, в ходе которых разрушалось множество жилых зданий. Жилой фонд деревень страдал гораздо меньше. Соответственно, не смотря на уменьшение численности городского населения (плановая эвакуация сотрудников предприятий, беженство, уничтожение гитлеровцами советских активистов, евреев), дефицит жилья в городах все три года оккупации был очень значительный и порождал многочисленные конфликтные ситуации между горожанами, которые апеллировали к местной администрации или в суд. Горожане жаловались на подселение к ним других людей, выселения их с занимаемой жилплощади, пытались узаконить занимаемое коммунальное жилье как принадлежащее им лично. Распространенной практикой был самовольное заселение в пустующие дома и квартиры, покинутые беженцами или оставшиеся после переселения евреев в гетто [6; 8, л. 2–4; 9, л. 3, 192]. Споры относительно принадлежности жилья в сельской местности возникали реже и, как правило, были инициированы репрессированными советской властью лицами или их родственниками, требовавшими вернуть дома, переданные иным лицам [15, л. 1–9 об.].

В период оккупации сельское и городское население имело разные возможности доступа к лесным ресурсам. Вопреки жёсткой регламентации (требование иметь специальный билет на право рубки деревьев, оплата, штрафы нарушителям) сельское население имело несоизмеримо большие возможности для заготовки дров. Горожане в силу отсутствия личного транспорта и ограниченных возможностей передвижения вне города целиком и полностью зависели от снабжения топливом от городской администрации, которая не могла удовлетворить запросы населения. В приоритетном порядке очередь удовлетворялись нужды промышленных предприятий, электростанций, немецких объектов. Поэтому холод и дефицит горячей воды стали реалиями городской повседневности. Не эффективная работа коммунальных служб (дефицит транспортных средств и сотрудников) имела следствием загрязнение городской территории. Проблема утилизации отходов человеческой жизнедеятельности, антисанитарные условия жизни, невозможность соблюдения правил гигиены приводили к росту эпидемических заболеваний [6]. Сельское население, имевшее большие возможности для заготовки дров и помывки, страдало от дефицита моющих средств. Последнее обстоятельство вынуждало людей использовать альтернативные способы, такие как стирка одежды золой [2].

Медицина в условиях оккупации была платная, имел место дефицит сотрудников медучреждений и медикаментов [6; 21, л. 108]. Тем не менее, горожанам было несоизмеримо легче получить хотя бы минимальную медицинскую помощь в случае острой необходимости в силу концентрации медучреждений именно в городах. К тому же работающие граждане, согласно распоряжениям немецких властей, имели право на получение бесплатного лечения и выплату пособия на период нетрудоспособности. Для сельских жителей получение медицинской помощи, особенно в случае экстренной необходимости, было проблематично из-за удаленности медучреждений от подавляющего большинства деревень (даже при наличии транспорта поездка могла занимать продолжительное время), ограничений на перемещение (посты немцев и полицейских на дорогах могли не пропускать граждан, не имевших разрешения на поездки за пределы волости, а оформить таковое оперативно было не возможно), отсутствия у многих крестьян лошадей. Поэтому суровыми реалиями для сельских жителей в случае болезни было упование на иммунитет или лечение средствами народной медицины [4; 5]. Чаще всего всплеск эпидемических заболеваний происходил во время нахождения сельских жителей в лесных лагерях, в которых приходилось скрываться во время карательных операций немцев. Жизнь в антисанитарных условиях землянках (порой продолжительное время), отсутствие нормального питания приводили к массовому заражению людей тифом и чесоткой [1; 3].

Катастрофические условия существования вынуждали множество граждан регулярно обращаться в органы местной вспомогательной администрации за помощью. Содержание подаваемых заявлений было обусловлено приоритетами повседневной жизни городского и сельского населения. Горожане были заинтересованы в снижении или освобождении от квартплаты и коммунальных платежей, уменьшений налогов с предпринимателей, ходатайства о выдаче продуктов питания или оказании им материальной помощи деньгами [6; 7, л. 79, 79 об., 85]. Крестьяне ходатайствовали о снижении объема натуральных налогов по причине неурожая, боевых действий, природных катаклизмов, реквизиций немцев, полицейских или партизан; апеллировали с просьбами об освобождении от исполнения обязательной трудовой повинности или мобилизации на работу в Германию [6; 18, л. 2; 14, л. 201].

Преступность имела место как в городах, так и в сельской местности, но в значительно больших масштабах фигурирует именно в документах городской администрации. Очевидно, это объясняется не сохранностью документов, касающихся преступности, в фондах районной администрации, а более напряжённой ситуацией в плане снабжения продуктами питания и возможности удовлетворения базовых потребностей для городского населения. Документы районной полиции и управ фиксируют в основном конфликты на бытовой почве и самогоноварение [6; 19]. В городах спектр

правонарушений был гораздо шире. Среди противоправных действий преобладали кражи продуктов питания, одежды, предметов обихода, пьянство, азартные игры, спекуляция [6; 20, л. 13]. Во-первых, в городах имела место высокая концентрация людей на ограниченной площади, тогда как в сельской местности люди жили более рассредоточено. Во-вторых, в городах сложилась критическая ситуация в плане снабжения граждан продуктами питания, несмотря на реквизиции немцев, полиции и высокие натуральные налоги, крестьяне, как правило, были обеспечены продуктами лучше, чем горожане, вынужденные идти на преступление. В-третьих, можно предположить, что крестьянская среда, даже несмотря на модернизационные процессы, к середине XX века оставалась более консервативной, традиционной, и присвоение чужого не рассматривалось как стратегия выживания.

Помимо жалоб на имя глав местной вспомогательной администрации, способом решения конфликтных ситуаций было обращение в суд. В действовавшие с осени 1941 г. и до конца оккупации мировые суды (волостные, городские, районные и окружные) одинаково активно обращались и горожане, и сельские жители. В случае, когда определенная проблема в отношениях между гражданами или гражданами и местной администрацией не решалась, мировой суд являлся доступной инстанцией, в которой человек мог отстаивать свои интересы. Вне зависимости от места жительства, граждане обращались в суды с типичными исками: требования на выплату алиментов, споры между родственниками или соседями о принадлежности различного имущества, конфликты на бытовой почве и т.д. [13, л. 3; 17, л. 1–92 об.].

Таким образом, сохранившийся в белорусских архивах значительный массив документов германской оккупационной и местной вспомогательной администрации, а также воспоминания очевидцев позволяют всесторонне реконструировать картину повседневности, показать основные стратегии выживания, выявить общие моменты и отличия в повседневной жизни городского и сельского населения Беларуси в условиях германской оккупации 1941–1944 гг.

1. Воспоминания Богдановича Владимира Романовича, 1928 г.р. Записано 10.07.2009 г. Гребенем Е.А. в д. Велевщина Лепельского района. Аудиозапись 46 минут на русском языке хранится в личном архиве автора.
2. Воспоминания Грибова Владимира Никифоровича, 1931 г.р. Записано Гребенем Е.А. 20.06.2009 г. в г. Барань Оршанского района. Аудиозапись 1 час 34 минуты на русском языке хранится в личном архиве автора.
3. Воспоминания Зыковой Александры Герасимовны, 1934 г.р., Записано 9.09.2014 г. Гребенем Е.А. в г/п Освея Верхнедвинского района. Аудиозапись 58 минут на русском языке хранится в личном архиве автора.

4. Воспоминания Миньковой Александры Филипповны, 1928 г.р. Записано 12.05.2019 г. Гребенем Е.А., Корсак А.И. в д. Павлово Россонского района. Аудиозапись 26 минут на белорусском языке хранится в личном архиве автора.
5. Воспоминания Сандар Галины Евдокимовны, 15.03.1923 г.р. Записано 9.09.2014 г. Гребенем Е.А. в г. Верхнедвинск. Аудиозапись 36 минут на белорусском языке хранится в личном архиве автора.
6. Гребень, Е.А. Гражданское население Беларуси в условиях немецкой оккупации (1941–1944 гг.) : монография / Е.А. Гребень. – Минск : БГАТУ, 2016. – 496 с.
7. Государственный архив Витебской области (далее – ГАВО). – Ф. 2073. Оп. 1. Д. 11.
8. ГАВО. – Ф. 2073. Оп. 1. Д. 72.
9. ГАВО. – Ф. 2073. Оп. 1. Д. 99.
10. ГАВО. – Ф. 2073. Оп. 1. Д. 127.
11. ГАВО. – Ф. 2073. Оп. 2. Д. 17.
12. ГАВО. – Ф. 2073. Оп. 2. Д. 139.
13. ГАВО. – Ф. 2073. Оп. 8. Д. 486.
14. ГАВО. – Ф. 2074. Оп. 2. Д. 51.
15. ГАВО. – Ф. 2091. Оп. 1. Д. 2.
16. ГАВО. – Ф. 2113. Оп. 1. Д. 1.
17. ГАВО. – Ф. 2115. Оп. 1. Д. 1.
18. ГАВО. – Ф. 2135. Оп. 1. Д. 5.
19. ГАВО. – Ф. 2843. Оп. 1. ДД. 1–8, 12–14.
20. Государственный архив Могилевской области (далее – ГАМО). – Ф. 858. Оп. 1. Д. 2.
21. ГАМО. – Ф. 858. Оп. 3. Д. 3.

Генина Ю.А.

ОПЕРАТИВНЫЙ ШТАБ РЕЙХСЛЯЙТЕРА РОЗЕНБЕРГА В НАЦИСТСКОЙ СИСТЕМЕ ГРАБЕЖА КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Проблема утраченных в годы Второй мировой войны культурных ценностей не потеряла своей актуальности и по прошествии 75-ти лет со Дня Победы. Сегодня все чаще звучит мнение о моральной катастрофе немецкого общества, связанной с нахождением в Германии «коричневой добычи» – только по самым скромным подсчетам за годы Второй мировой войны нацистами было украдено 100 000 произведений искусства в Западной Европе и 300 000 в Восточной Европе [6]. Значительная часть награбленного до сих пор находится в Германии и не возвращена законным владельцам, в том числе по причине невозможности установить принадлежность. Разграблением предметов культуры и искусства на оккупированных территориях занимались специально созданные подразделения, одним из которых был Оперативный штаб рейхсляйтера Розенберга (далее – штаб).

Цель данной статьи – выявить роль Оперативного штаба рейхслайтера Розенберга в нацистской системе грабежа культурных ценностей и отличительные особенности его деятельности.

О том, что грабительская политика Третьего рейха носила спланированный характер, свидетельствует подготовительная работа немецких специалистов по выявлению наиболее значимых культурных ценностей в странах, ставших впоследствии жертвами нацистской агрессии. В 1940 году по инициативе министра пропаганды Йозефа Геббельса началась реализация проекта под названием «Репатриация предметов культуры из вражеских государств» [5, с. 25]. Отправной точкой проекта стало составление списков предметов культуры и искусства, имевших немецкое происхождение либо когда-то принадлежавших Германии. Впоследствии эти списки были переданы подразделениям, уполномоченным конфисковывать культурные ценности на оккупированных территориях. На наш взгляд, этот проект был ничем иным как попыткой обоснования и «легализации» будущей грабительской политики Третьего рейха.

Многие нацистские руководители интересовались предметами искусства и стремились завладеть наиболее ценными и выдающимися произведениями. Наибольшего успеха в этом направлении достигли Адольф Гитлер, одержимый созданием «музея музеев» в родном городе Линц, и его сподвижник Герман Геринг [4, с. 27]. Германа Геринга не случайно называли «королем черных рынков»: он любыми способами стремился заполучить ценнейшие произведения искусства для своей коллекции в поместье Каринхалле, в том числе и путем подкупа сотрудников Оперативного штаба рейхслайтера Розенберга [1, с. 45].

В Третьем рейхе выстроилась целая иерархия среди «ценителей искусства», к которым также можно причислить Генриха Гимmlера, Йозеф Геббельса и Иоахима фон Риббентропа. Внутри этой иерархии не всегда складывались мирные отношения, имели место как скрытая конкуренция, так и открытое противостояние. В отличие от других нацистских руководителей Розенберг руководствовался не личными мотивами, а, прежде всего, отстаивал позиции штаба. На наш взгляд, версия о том, что интерес нацистских руководителей к произведениям искусства был продиктован исключительно стремлением разделить увлечение фюрера по принципу «интерес лидера должен был быть их личным интересом», является несостоятельной [6].

В годы Второй мировой войны действовал целый ряд подразделений, так или иначе имевших отношение к конфискациям культурных ценностей захваченных стран – Оперативный штаб рейхслайтера Розенберга, нацистское общество «Наследие предков», зондеркоманды Кюнсберга и Паульсена и ряд других. Зондеркоманда Паульсена была сформирована по инициативе нацистского общества «Наследие предков» (нем. «Ahnenerbe») осенью 1939 года при Главном управлении СС по вопросам расы и поселений.

С началом оккупации Польши зондеркоманда Паульсена на ее территории начала поиск и конфискацию культурных ценностей немецкого происхождения. Фактически зондеркоманда подчинялись Генриху Гиммлеру, а возглавлял ее немецкий археолог Петер Паульсен, получивший прекрасное образование в ряде университетов Европы. Примечательно, что П. Паульсен после войны продолжил заниматься научной деятельностью и прожил долгую жизнь, умерев в возрасте 83-х лет [2, с. 19].

Еще одним нацистским подразделением, занимавшимся конфискацией культурных ценностей, была зондеркоманда Кюнсберга (возглавил Эберхард фон Кюнсберг), созданная в 1939 году при Министерстве иностранных дел Германии по инициативе министра Иоахима фон Риббентропа [7]. С 1941 года перейдя под ведомство СС, зондеркоманда Кюнсберга тем самым получила неоспоримое преимущество, имея возможность фактически первой получать доступ к культурным ценностям занятых территорий. Она сконцентрировала свою работу на предметах искусства Югославии, Греции, СССР и, частично, Западной Европы. Так, зондеркоманда Кюнсберга имела непосредственное отношение к разграблению дворцов в пригородах Ленинграда. Отметим, что конфискационная политика подразделения не обладала какой-либо последовательностью, поскольку поступающие от руководства инструкции носили весьма расплывчатый характер. В середине 1943 года данное подразделение прекратило свою деятельность.

Оперативный штаб рейхсляйтера Розенберга выделяется в ряду нацистских структур, занимавшихся грабежом культурных ценностей. Несмотря на то, что штаб создавался в июле 1940 года для «выявления и обязательной конфискации политических материалов, идеологически направленных против нацистской Германии» [3, л. 177], он стал широко известен вовсе не своей идеологической деятельностью. За конфискацией идеологических материалов последовала конфискация имущества, в частности, предметов культуры и искусства, принадлежавших «евреям, масонам и связанным с ними идейно врагам национал-социализма» [4, л. 2]. Впоследствии конфискации подлежали материалы библиотек, архивов, музеев и научных учреждений, независимо от наличия законных владельцев. В ходе Второй мировой войны этот процесс приобрел массовый характер и достиг своего апогея на оккупированных восточных территориях. Архив Оперативного штаба рейхсляйтера Розенберга частично оцифрован, доступ к нескольким фондам можно получить на сайте Центрального государственного архива высших органов власти и управления Украины [3, 4]. Документальный комплекс штаба подробно раскрывает его полномочия и задачи, направления деятельности на оккупированных территориях в 1940–1945 гг., а также позволяет проанализировать его взаимоотношения с другими нацистскими организациями Третьего рейха. Оперативный штаб обладал достаточно разветвленной структурой, которая была весьма гибкой и неоднократно изменялась на протяжении войны. Вся работа координировалась

Управлением штаба в Берлине, а на территориях захваченных стран действовали стационарные структурные подразделения, наиболее крупными из которых были Главные рабочие группы (им в свою очередь подчинялись более мелкие рабочие группы). В случае необходимости на оккупированные территории временно направлялись сотрудники зондерштабов, сформированных по тематическому принципу (искусство, наука, библиотеки и т.д.). Отчеты о проделанной структурными подразделениями работе систематически направлялись в Управление штаба, а все конфискованные материалы подлежали тщательной обработке с занесением сведений о них в картотеку.

Подводя итог вышесказанному отметим, что нацистская система грабежа культурных ценностей в годы Второй мировой войны была представлена целым рядом специальных подразделений, которые создавались по инициативе нацистских руководителей при различных министерствах и ведомствах. Вместе с тем, грабительская деятельность на оккупированных территориях во многом объясняется личными амбициями нацистских руководителей и стремлением завладеть предметами искусства.

В этой системе грабежа культурных ценностей Оперативный штаб рейхслайтера Розенберга был наиболее разветвленной организацией, охватившей в своей деятельности страны Западной Европы (Францию, Нидерланды, Бельгию, Люксембург), Балканского полуострова (Греция, Югославия), а также государства Советского союза (в том числе и территорию Беларуси).

Деятельности Оперативного штаба рейхслайтера Розенберга присущ ряд особенностей, отличающих его от других нацистских организаций, занимавшихся грабежом культурных ценностей на оккупированных Германией территориях. Наиболее существенными из них были наличие идеологической задачи, заключающейся в ведении борьбы с врагами национал-социализма, и четко выстроенной системы работы, основанной на многочисленных инструкциях, памятках и методических указаниях. Все изъятия ценностей были задокументированы, а конфискованные материалы и предметы искусства подлежали подробному описанию, обработке и систематизации.

1. Зинич, М.С. Похищенные сокровища : вывоз нацистами российских культурных ценностей / М.С. Зинич. – М. : ИРИ РАН, 2003. – 276 с.
2. Кашеварова, Н.Г. Деятельность Оперативного штаба Розенберга по изучению нацистами «восточного пространства» (1940–1945) / Н.Г. Кашеварова. – К. : Институт истории Украины, 2014. – Ч. 1 : Источниковедческое исследование. – 552 с.
3. Коллекция документов Оперативного штаба рейхслайтера Розенберга [Электронный ресурс] // Сайт Центрального государственного архива высших органов власти и управления Украины. – Ф. 3206. Оп. 5. Д. 4. – Режим доступа: <http://err.tsdavo.gov.ua/1/stocks/61540088/61540137/61540489.html>. – Дата доступа: 01.04.2020.

4. Коллекция документов Оперативного штаба рейхслайтера Розенберга [Электронный ресурс] // Сайт Центрального государственного архива высших органов власти и управления Украины. – Ф. 3676. Оп. 1. Д. 26а. – Режим доступа: <http://err.tsdavo.gov.ua/1/stocks/60825253/60825620/61106225.html>. – Дата доступа: 02.04.2020.
5. Мазурицкий, А.М. Книжные потери России в годы Великой Отечественной войны : монография / А.М. Мазурицкий. – М. : МГУКИ, 2004. – 135 с.
6. Braune Beute [Elektronische Ressource] // Der Spiegel. – Online verfügbar unter: <https://www.spiegel.de/spiegel/print/d-90750450.html>. – Zuletzt geprüft am: 07.10.2020.
7. Heuss, A. Die «Beuteorganisation» des Auswärtigen Amtes. Das Sonderkommando Künsberg und der Kulturgutraub in der Sowjetunion / A. Heuss // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. – Jg. 45, N. 4, 1997. – S. 535–556.

Иванова Т.П.

НЕМЕЦКИЕ АЭРОДРОМЫ ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ

Информационные сведения о немецких военных аэродромах на территории Беларуси периода Великой Отечественной войны содержатся в разведывательных сводках 1943–1944 годов, предоставляемых в Белорусский штаб партизанского движения.

Как видно, эти источники были разнообразными (показания партизанских разведчиков, данные подпольных горкомов и обкомов на оккупированной территории Беларуси, показания пленных немецких солдат и офицеров и др.). Данные предоставлены Национальным архивом Республики Беларусь накануне 75-летия Великой Победы и широко востребованы среди исследователей.

В данной публикации речь пойдет о немецких самолетах на временно оккупированной территории Беларуси (расположении, оснащении).

Согласно сводке № 5 от 20 января 1944 года «6-й воздушный флот немецких войск действует на среднем участке фронта. Его аэродромы находятся в гг. Минск, Витебск, Бобруйск. В составе 51-й истребительной эскадры служит до 30 испанских летчиков» [1, л. 2].

По данным летчика сбитого самолета «Фокс-Вульф-190» лейтенанта Шниккель, на 20 января 1944 года «на Бобруйском аэродроме имеется 8–10 самолетов». По данным перелетевшего к партизанам летчика – лейтенанта 51-й истребительной эскадры Вальтера Кёнига от 17 января 1944 года, «на Бобруйском аэродроме в середине декабря 1943 года находилось до 100 самолетов, в том числе от 6 до 8 разведчиков, до 10 ночных истребителей, 44 дневных истребителя и около 47 бомбардировщиков «Юнкерс-87». Все находившиеся на аэродроме самолеты подчинялись штабу 51-й истребительной эскадры. Аэродром охраняется расположен-

ными вокруг него зенитками (до 30 единиц). На аэродроме имеется радиостанция, поддерживающая связь с самолетами. Пополнения для складов боеприпасов и горючего для самолетов на аэродром поставляются по железнодорожной ветке, подходящей к нему» [1, л. 45]. По разведанным партизан и подпольщиков от 30 декабря 1943 года, на Бобруйский аэродром 20 декабря прибыло 200 самолетов [1, л. 4]. Из приведенных выше фактов видно, как постепенно укреплялось оснащение Бобруйского аэропорта на протяжении декабря 1943 года.

Есть данные, что с Бобруйского аэродрома в январе 1944 года самолеты убыли на Ленинградский фронт (до 150 пикирующих бомбардировщиков и 50 истребителей) [1, л. 116]. По данным на 8 февраля 1944 года на Бобруйском аэродроме базировалось 120-150 бомбардировщиков; на 14 февраля – 200 транспортных самолетов и бомбардировщиков, на 29 февраля – 130 самолетов, на 9 марта – до 110; на 15 мая – до 150; на 27 мая – 100 самолетов [1, л. 80, 116, 152, 225 об., 301, 344, 371].

По данным от 7 января 1944 года «Пуховичский аэродром занимает площадь в 15 га, расположен северо-восточнее Пуховичи. На аэродроме ежедневно находятся до 100 боевых самолетов. База горючего расположена в юго-западной части аэродрома [1, л. 8]. По данным от 17 января 1944 года, на аэродроме Пуховичи базируется до 100 двухмоторных бомбардировщиков; на 1 февраля – до 130 бомбардировщиков и 20 истребителей, а на 8 февраля – 150 бомбардировщиков и 20 истребителей; на 10 февраля – 8 самолетов; на 7 марта – 10, на 19 марта – 5 (из них 3 – неисправные) [1, л. 54, 96, 116, 198, 206]. Далее почти два месяца не было никаких сообщений о данном аэродроме. А по данным на 17 мая 1944 года Пуховичский аэродром вновь введен в эксплуатацию, 15 мая на нем находилось 30 бомбардировщиков, 13 июня – 15 двухмоторных бомбардировщиков. Аэропорт был расширен до поселка Глушка (4 километра от Пуховичей), ожидалось прибытие большого количества самолетов [1, л. 350, 401].

На аэродроме в Могилеве в марте 1944 года ежедневно посадку производили 15–20 бомбардировщиков. На аэродроме располагались 4 склада авиабомб и 2 склада с бензином, по 1000 тонн каждый. Вокруг аэродрома установлены 18 орудий зенитной артиллерии [1, л. 206].

На аэродроме Луполово (восточнее Могилева) размещены 30 истребителей и легких бомбардировщиков; противовоздушная оборона аэродрома представлена 12 орудиями зенитной артиллерии. По данным на конец марта – начало апреля 1944 года базировалось 33 истребительных, 34 бомбардировщика и 24 транспортных самолета; на 27 мая – 50 самолетов [1, л. 115, 231, 371].

По данным от 10 января 1944 года в Борисове, севернее старого аэродрома ежедневно базируется до 200 транспортных и бомбардировочных самолетов. На Борисовском аэродроме на 13 февраля «размещается до 60 самолетов, расчищается площадка для посадки самолетов в 6 километрах се-

вернее Борисова». На 10 марта в Борисове базировалось 15 самолетов «Ю-52», на 2 апреля – 18 транспортных самолетов [1, л. 7, 140, 173, 225 об.].

На Оршанском аэродроме, по данным на 8 февраля 1944 года, базируются 23 тяжелых бомбардировщика, 12 истребителей, 35 штурмовиков, 15 разведчиков и 13 санитарных самолетов. В казармах размещаются 120 человек летного и технического состава [1, л. 115, 140, 287].

По данным от 13 февраля 1944 года «на аэродроме в Червени (6 километров юго-западнее Орши) базируются до 50 двухмоторных самолетов новой марки, доступ к которым строго контролируется. Тип самолетов выясняется». Во второй половине февраля находилось до 100 самолетов. В марте здесь базировалась 3-я группа 1-й ночной истребительной эскадры численностью 500 человек летно-технического состава. На 1 апреля на аэродроме размещались до 300 самолетов, 3 тысячи человек летного и обслуживающего состава [1, л. 96, 140, 206, 287].

В начале мая 1944 года на аэродроме Бешенковичи находились 6 разведывательных и 1 транспортный самолет; противовоздушная оборона аэропорта Бешенковичей представлена 9 орудиями зенитной артиллерии. В 20 километрах восточнее Бешенковичей отмечен действующий аэродром между населенными пунктами Синяны и Засорье. На аэродроме базировалось до 25 самолетов [1, л. 330, 392].

На аэродроме Полоцка на 13 февраля 1944 года базировалось до 35 двухмоторных бомбардировщиков, а на конец марта – начало апреля 1944 года – 60 самолетов [1, л. 139].

На аэродроме западнее Толочин на 26 апреля 1944 года находились 15 одномоторных истребителей, здесь же располагался склад авиабомб. В лесу севернее Голянка (3 километра восточнее Толочин) – склад горючего [1, л. 323].

По данным от 8 февраля 1944 г. «на аэродроме Кобрин производятся работы по устройству земляных ограждений для стоянок самолетов». На 31 мая здесь базировалось 13 самолетов [1, л. 96, 406].

По данным от 14 января 1944 года на аэродроме Жабчицы (в 8 километрах западнее Минска) базируются 100 самолетов противника. В конце февраля 1944 года на аэродром подвезены 3 эшелона авиабомб (50-ти и 500-х килограммовых) [1, л. 45, 146].

На 10 января 1944 года на аэродроме Слепянка (3 километра восточнее Минска) базировалось до 40 транспортных самолетов. По данным от 10 февраля 1944 года «автозапчасти, базирующиеся на аэродроме Слепянка, выбыли в направлении Слепянка – Брест». И далее: «на аэродром Слепянка прибыло 194 скоростных и пикирующих бомбардировщиков из района Орша – Бобруйск». По данным от 13 февраля на аэродроме отмечено до 250 двухмоторных бомбардировщиков. На 16 апреля здесь базировалось 52 самолета, 300 человек обслуживающего состава, 6 орудий зенитной артиллерии с прожекторами; на 11 мая – до 70 самолетов [1, л. 54, 80, 96, 287].

Южнее Минска на 11 мая 1944 года размещалось 40 бомбардировщиков и 8 истребителей [1, л. 371]. На аэродроме западнее Минска базировалось до 200 самолетов, в основном «Ю-52» [1, л. 80]. На аэродроме юго-западнее Минска 6 июня базировалось до 100 транспортных самолетов [1, л. 389].

По разведанным от 16 января 1944 года: «противник срочно ремонтирует бывший польский аэродром, расположенный вблизи м. Пружаны, в 38 километрах южнее Кобрина. 20 января ожидается прибытие летного состава» [1, л. 45].

На аэродроме в Докудово на 7 апреля 1944 года базировалось 17–20 бомбардировщиков; на 30 апреля – до 100 бомбардировщиков; ежедневно производились вылеты в Ушачскую партизанскую зону; на 17 мая базировалось 150 самолетов [1, л. 311, 387].

По данным от 10 января 1944 г. аэродром в Будслав (22 километра от Докшиц) расширяется. 1 февраля на аэродроме разгружено 12 вагонов авиабомб. 10 февраля в Будславе находилось 20 боевых самолетов, производивших вылеты в направлении Полоцка. В конце февраля – марте на аэродроме располагалось 23 самолета; 30 мая – 30 самолетов [1, л. 96, 139, 231, 371].

На аэродроме Ситце-Вельке (15 километров от Докшиц) в марте–апреле 1944 года базировалось 40 боевых самолетов; в мае – 30 [1, с. 175, 273, 315, 371, 384].

По данным от 8 февраля 1944 года в районе Пинска немцами построено два аэродрома. На аэродроме Добра-Воля (6 километров северо-западнее Пинска) базируется 60 самолетов [1, л. 96].

На 25 января 1944 года в 1 километре юго-западнее хутора Кострень (5 километров западнее Житковичи) «отмечен немецкий аэродром, над которым патрулируют 2 истребителя. База горючего находится на территории бывшей МТС на восточной окраине Житковичей». На аэродроме в Житковичи на 5 апреля находилось 9 самолетов, 8 орудий артиллерии и 16 прожекторов [1, л. 96, 311].

По данным от 11 февраля 1944 года на аэродроме Малашевичи (9 километров юго-западнее Тересполь) базируются боевые и транспортные самолеты. Аэродром севернее Малашевич (12 километров юго-западнее Бреста) рассчитан на единовременное базирование 180–200 самолетов. 6 января 1944 г. здесь находилось до 200 самолетов разных типов [1, л. 96, 130].

На аэродроме Лунинец на 13 апреля базировалось 72 самолета, [1, л. 273].

На аэродроме Мачулищи на 1 марта находились 17 самолетов «Ю-52» и 6 разведчиков. Летный состав размещался в бараке в 3 километрах севернее Александровки. По агентурным данным – «немцы намереваются расширить аэродром для размещения на нем 280 самолетов».

По данным на 7 марта 1944 г. 100 самолетов базировалось на аэродроме в Уречье (24 километра юго-восточнее Слуцка) [1, л. 152, 175].

На аэродроме в 2 километрах западнее Березино на 21 апреля базировалось 50 самолетов [1, л. 315]. На аэродроме в Завалены (23 километра от Глуска) на 28 марта – 5 самолетов [1, л. 231]. На аэродроме Каролин (в 12 километрах юго-восточнее Гродно) «производят посадку самолеты типа «Мессершмидт». Большое количество военных и транспортных самолетов базировалось в районе Белосток (на бывшем советском аэродроме) [1, л. 259].

По мере приближения освободительных военных действий Советских Вооруженных Сил к территории Беларуси, в базировании и оснащении немецких аэродромов происходят изменения. Одни из них свертывают свою деятельность и приходят в упадок, причем посадочные полосы ликвидируются, а имеющееся оборудование вывозится. Вместо них строятся посадочные площадки в местах новой дислокации для выполнения конкретных заданий. Отдельные аэропорты, наоборот, расширяются. По данным на 1 марта 1944 года стали расширяться аэродромы в Молодечно, Полоцке, Луполово (около Могилева) и др. [1, л. 231].

Обратим внимание на то, что ряд новых аэродромов стал возводиться непосредственно в период начала освобождения Беларуси, накануне операции «Багратион». Так, по разведсводке № 14 от 26 февраля 1944 года, «противник строит аэродром в районе населенного пункта Илья (20 километров восточнее Бешенковичи)». В соседних деревнях с аэропортом Мачулищи размещен немецкий строительный батальон в количестве 3400 человек, венгерская строительная рота в количестве 120 человек и до 600 русских военнопленных [1, л. 131–132].

Наблюдалось перебазирование немецких аэродромов на запад Беларуси. По данным на 11 мая 1944 года «противником восстановлен бывший советский аэродром в районе Черлона (36 километров юго-восточнее Гродно), на котором базируется 30 боевых самолетов» [1, л. 330]. Проводились работы по расширению аэропорта в Лунинце, где ожидалось прибытие большого количества самолетов, произведено усиление ПВО аэродрома [1, л. 350].

В апреле 1944 года строился немецкий аэродром севернее Радзевичей (36 километров юго-восточнее Гродно). На 28 мая 1944 года в районе Глубокого завершено строительство аэропорта, на котором базировалось от 5 до 10 самолетов. На 8 июня подготовлен аэродром в Ивацевичи (65 километров юго-западнее Барановичи). На аэродроме Малашевичи (8 километров юго-западнее Тересполья) базировалось 260 бомбардировщиков. На 22 июня заканчивалось строительство аэродрома в районе Скрыгова (10 километров северо-западнее Кобрин). В Кобрине базировалось 30 самолетов [1, л. 257, 384, 426, 430].

На 22 июня 1944 года в Жабчицы (8 километров от Пинска) базировалось 15 бомбардировщиков [1, л. 430]. На аэродроме Будслав к 3 июня число самолетов увеличилось с 2 до 53 [1, л. 401].

В 1 километре южнее Пястун (10 километров севернее Радона) на аэродроме находилось до 100 самолетов, 4 отряда 3-й группы 53-й истребительной эскадрильи [1, л. 406].

На ряде аэродромов строительные работы стали переносить под землю. Так, по данным на 17 января «в Малашевичах строится подземный аэродром». «На аэродроме Барановичи (5 километров южнее города в районе Гнилище) наблюдается строительство подземных ангаров». Имеются сведения об этом и относительно аэродрома в Витебске. Расширен подземный аэродром в районе Барановичей. «На северной стороне летного поля Лидского аэропорта строятся подземные ангары». На аэродроме Слепянка построен ангар, самолеты размещены по окраинам аэропорта [1, л. 132, 311, 371, 418].

Оборудованы посадочные полосы для немецких самолетов: в Метнево (3 километра западнее Толочина) Старотино (32 километра южнее Слуцка), Сметаничи (15 километров восточнее Концевичи), в районе Жиличи (30 километров восточнее Бобруйска), на окраине Речки (в 6 километрах от Богушевска), в районе Воропаево и Матиево (4 километра от Толочина), в 2 километрах от Докшиц, западнее Зоровье (32 километра юго-восточнее Толочина), в районе Огородники (48 километров севернее Бреста). Разведкой партизан на 6 июня 1944 года установлено наличие посадочных площадок: севернее Якшицы (44 километра от Пуховичей), Ракута (32 километра северо-западнее Минска) на северной окраине Столбцов и в Новогрудке [1, л. 311, 323, 330, 356, 378, 398].

Ряд немецких аэропортов приходит в запустение. По данным на 24 марта аэродром в Кличеве не эксплуатируется, бетонированных дорожек нет, летное поле вспахано. С аэродрома Ситце Вельке (15 километров северо-западнее Докшиц) «через станцию Парафьяново вывозится все оборудование аэродрома и склады авиабомб». На 3 мая 1944 года в Березинском аэропорту самолетов не было. По данным на 27 мая «аэропорт в Бобруйске не эксплуатируется, отрыт противотанковый ров» [1, л. 225 об., 323, 350].

На 10 мая летный состав и самолеты с Оршанского аэродрома перебрасывались на Витебское направление, частично – на южный рубеж. На летном поле аэродрома выполнялись работы по разборке стандартных ангаров [1, л. 152].

В документах содержатся данные о строительстве временных посадочных площадок для немецких самолетов: в 1 километре восточнее Глубокого, в 1 километре юго-западнее Гливина (8 километров юго-восточнее Н. Борисова), северо-западнее Печи, северо-восточнее Капуевичи (в 10 километрах севернее Копаткевичи), северо-восточнее Немоницы (в 4 километрах северо-восточнее Борисова), в Лососне (2 километра

южнее Гродно), в районе Чечерска (северо-западнее Могилева), на западной окраине Лядище (2 километра западнее Борисова), севернее Шабынки (26 километров юго-восточнее Борисова) [1, л. 159, 198, 406, 412].

Ряд аэродромов были перенесены непосредственно в центры городов. Так, по данным на 21 июня на городской площади Слуцк подготовлена посадочная площадка для посадки самолетов; а также на городской площади Дзержинска подготовлена площадка, производили посадку 10 истребителей [1, л. 426]. На 13 июня на стадионе в Могилеве (Севернее Дома Правительства) оборудован аэродром, площадь которого 1000 на 500 метров, на котором производя посадку истребители [1, л. 401]. Как видим, в исследованных разведывательных сводках обращают на себя внимание названия районов и областей Беларуси, а также объектов, принятые в довоенный период.

Заметим, что разведсводки содержат данные не только о реально действующих немецких аэродромах, но и о ложных. Так, ложные немецкие аэродромы были оборудованы в районе пос. Заболотье (в 7 километрах южнее Минска), в д. Большое Сциклево (10 километров юго-восточнее Минска), в Дергай (в 11 километрах южнее Минска, где установлено до 300 макетов самолетов и световая сигнализация) [1, л. 4, 153]. По данным на 4 февраля 1944 года отмечен ложный аэродром в районе Поречье (14 километров от Витебска), на котором находились 18 самолетов. Ложные аэродромы противника зафиксированы также в 6 километрах южнее Могилева (1,5 километра западнее Гребенево), в 13 километрах южнее Могилева (в районе Лыково), в 22 километрах северо-восточнее Борисова (в 2 километрах от станции Приямино), западнее действующего аэродрома в Барановичи, в Курдеки (17 километрах северо-западнее Докшицы), юго-восточнее Куресовщины (в 7 километрах севернее Лиды) [1, л. 132, 175, 206, 418].

По данным на 7 мая 1944 года на аэродроме Барановичи функционировала школа летчиков. Как отмечается партизанскими разведчиками, «при обучении наблюдается большое количество пожаров и аварий в воздухе» [1, л. 371]. Как видно, в момент агонии фашистского оккупационного режима на территории Беларуси сделана попытка привлечь и некавалифицированные летные кадры.

На конец мая – начало июня 1944 года в Докудово размещалось до 76 самолетов, в Гольшки – до 60, в Северном Борисове – до 50, в Луполово – до 50, в Мачулищах – до 30 самолетов [1, л. 418].

Из Бобруйска в район Слуцка прибыло авиационное соединение, имеющее до 300 самолетов, из которых 150 16 июня убыли в направлении Барановичей и не возвратились, а остальные размещены на аэродромах: Номговичи (18 километров севернее Слуцка) – до 140, в Уречье – до 10. Подготовлен аэродром в районе Набушево (13 километров северо-восточнее Слуцка). Таким образом, производилось перебазирование авиации [1, л. 418].

21 июня из Витебского аэродрома обслуживающий персонал прибыл в Пуховичи. А с аэропорта Бобруйск, наоборот, персонал на 500 машинах убыл – частично в Барановичи, частично размещен в Олеговичи, Сороги, Рыбак (восточнее Слуцка). На 24 июня на аэродроме Слепянка (восточнее Минска) базировалось 90 самолетов, в Мачулищах (южнее Минска) – до 30 самолетов. На 25 июня на аэродром в Пуховичи из Бобруйска прибыло 90 самолетов, разместившихся в направлении Глушки [1, л. 401, 430].

С апреля 1944 года в сводках появились данные о бомбардировках, осуществленных советскими самолетами, и об ущербе, нанесенном немецко-фашистским захватчикам в результате этих бомбардировок.

Копии всех разведсводок Белорусского штаба партизанского движения направлялись достаточно большому кругу лиц, включая руководство Вооруженными Силами СССР. Т. е. можно говорить о важной значимости данных, добытых разведчиками для действующих частей советских Вооруженных Сил.

Таким образом, архивные данные позволяют говорить о целом ряде немецких аэродромов, размещенных на оккупированной территории Беларуси. По нашим подсчетам, только на конец 1943 – первую половину 1944 года, согласно данным разведсводок Белорусского штаба партизанского движения, количество действующих немецких аэродромов составило 44, ложных – 10. Введенные в научный оборот новые данные о дислокации и оснащении аэродромов позволяют всесторонне отразить трудные будни военных лет, степень военного оснащения немецких войск и противоборствующей советской стороны; вновь сказать о героизме партизан и подпольщиков, осуществляющих разведку на временно оккупированной территории. Исследованные документы позволяют подтвердить и выявить новые аспекты, способствующие успешным операциям советских Вооруженных Сил, и в конечном итоге, факторы Великой Победы.

1. Разведывательные сводки №№ 1-59 // Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд Белорусского штаба партизанского движения. Д. 6. Л. 1–403.

Дьякова Е.В., Топчий Д.С.
**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ХАРЬКОВСКОЙ «ПРОСВІТИ»
В ПРАВОСЛАВНОЙ СФЕРЕ**

Одним из важных периодов в воссоздании Украинской автокефальной православной церкви является Вторая мировая война.

Целью данной публикации является освещение влияния на жизнь православных Харькова украинской общественной организации «Просвіта».

Эта тема частично освещена в монографии А. Скоробогатова [4]. Важное значение для исследования данной проблемы имеют уголовные дела П. Байды, Ф. Булдовского, Ивана Камышана, Я. Кравчука, Николая Криворученко [5–9].

Еще до нападения на Советский Союз А. Гитлер и его окружение разработало несколько планов по установлению своей власти на оккупированной территории. В этих планах важное место занимало развитие религии [1]. Гитлеровцы намеревались уничтожить православие. Но в начале войны, чтобы получить поддержку местного населения, они собирались всячески помогать возрождению и развитию религии. В конце января 1942 года заместитель рейхскомиссара Украины фон-Ведельштедт так объяснял такое отношение ко всем вероисповеданиям: «Немцы понимают важное значение церкви. Церковь должна взять опеку над населением и духовным перевоспитанием масс в духе нового времени, в духе подчинения их законам и порядкам немецких властей» [цит. по: 7, л. 65].

Для этого немецкое командование за несколько месяцев до нападения на Советский Союз начало вербовать священников в специальные команды, чтобы они на захваченных землях восстанавливали храмы, начинали богослужения, освящали новых священников.

Такая политика А. Гитлера и его окружения прельщала украинских националистов, многие из которых были глубоко верующими людьми. Тем не менее, немцы хоть и считали украинских националистов своими союзниками, всё же их духовенство находили не духовниками, а «политиканами в рясах» [цит. по: 4, с. 201].

Когда гитлеровская Германия напала на Советский Союз, многие украинские националисты служили во вспомогательных войсках Вермахта. При оккупации того или иного населенного пункта Украины националисты помогали оккупантам устанавливать власть.

Также, чтобы иметь поддержку украинцев, немецкое оккупационное командование разрешило возрождение старых и создание новых общественных организаций. Благодаря этому были возрождены «Просвіти» (Просвещение), созданные в Украине еще в конце XIX века и ликвидированные советской властью в 1930-х годах.

После гитлеровской оккупации 23 октября 1941 года в Харькове начало возрождаться украинство. Активизировались местные украинские националисты. В городе появилось небольшое количество бандеровцев и мельниковцев, прибывших вместе с немецкими оккупантами. Вначале между ними шел процесс консолидации. Совместно они уже в первые недели оккупации возродили в Харькове «Просвіту». Это была многочисленная организация, насчитывающая до 600 человек украинской интеллигенции [3, т. 4, л. 78]. Среди просвитян были участники национально-демократической революции 1917–1921 годов. Возглавил организацию историк Василий Дубровский. При «Просвіті» работали кружки по интере-

сам, различные учебные курсы. «Просвіта» стремилась проникнуть во все сферы общественной и духовной жизни харьковцев. Поэтому при этой организации была создана Церковно-богословская комиссия. В нее вошли Владимир Доленко (авторитетнейший украинский националист Харькова), Михаил Ветухов (заведующий земельным отделом городской управы, в 1942–1943 годах – ректор Харьковского университета), Василий Потиеенко (управляющий делами Епархиального управления, советский агент [3, т. 7, л. 17]), М. Васьковский, Г. Гармаш, И. Геращенко и другие [3, т. 4, л. 79; 4, с. 201].

Приезжие националисты, бандеровцы и мельниковцы, не входили в состав Церковно-богословской комиссии. Но мельниковцы имели влияние на ее политику.

Комиссия на своих заседаниях обсуждала религиозную ситуацию в городе, «квалификацию» священников, содержание молитв и т. п. Особое место в работе комиссии занимала украинизация православной церкви. Под влиянием западных украинских националистов украинизация православия рассматривалась в двух направлениях: перевод богослужений на украинский язык и воссоздание Украинской автокефальной православной церкви (далее – УАПЦ).

Еще 20 ноября 1941 года Владимир Доленко на заседании Церковно-богословской комиссии в своей речи отметил: «В отличие от 1922–1924 гг. теперь на Украине должна существовать единая церковь – автокефальная, исходя из принципа не территориально-национального, а территориально-государственного. Украина – государство, в котором церковь есть украинская, автокефальная, независимо от того на каком языке совершается богослужение. Не следует допускать церковного разделения, антагонизма и внутрицерковной борьбы. Церковную власть и инициативу надо взять в свои руки» [цит. по: 2, л. 18].

Среди харьковского духовенства большим влиянием пользовались митрополит Феофил (Булдовский) и отец Яков (Кравчук).

Феофилу Булдовскому в 1941 году было 76 лет. Это был уважаемый на Левобережной Украине священник. Не смотря на поддержку быстрой украинизации церкви в годы революции, в 1941 году митрополит уже не был столь категоричен в языковой политике в православье.

Яков Кравчук прибыл в Харьков в составе абверкоманды-204 [8, т. 1, л. 78] и стремился влиять на общественную жизнь Харькова. Именно он требовал немедленной украинизации богослужений. Местные националисты, руководители города к Я. Кравчуку относились враждебно, считая его «авантюристом, темной, подозрительной» личностью [4, с. 202; 9, л. 80]. Тем не менее это не мешало ему влиять на духовную жизнь города.

Ни Ф. Булдовский, ни Я. Кравчук не входили в Церковно-богословскую комиссию «Просвіти». Но их взаимодействие чувствовалось во многих планах, которые намеревались воплотить в жизнь не только

в Харькове, но и по всей Украине. Особенно это касается возрождения Украинской автокефальной православной церкви.

Приезжие украинские националисты и, прежде всего, мельниковцы хотели провозгласить митрополитом УАПЦ Иллириона (Ивана Огиенко). Но против этого выступило гитлеровское правительство, считая его шовинистом [2, л. 19]. Немцы предполагали, что для них более приемлемой кандидатурой является митрополит Феофил (Булдовский) [3, т. 4, л. 80об.]. Естественно, что националистам пришлось согласиться с мнением своих союзников. Они начали подготавливать Феофила к освящению на сан митрополита УАПЦ. Суть этой подготовки заключалась в том, чтобы «исключить всякое постороннее влияние на Феофила и подчинить его целиком и полностью намеченной линии своей церковной политики» [2, л. 19], т.е. возрождению УАПЦ.

К этой поддержке подключилась и Церковно-богословская комиссия «Просвіти». Члены организации стремились материально и морально поддержать Феофила, видя в нем митрополита УАПЦ.

В день хиротонии (возведения в сан епископа) Ф. Булдовского в городе по инициативе «Просвіти» прошли праздничные мероприятия. Было проведено торжественное богослужение, на котором присутствовала делегация от украинской общественности. В нее входили председатель «Просвіти» Василий Дубровский, заместитель бургомистра города Александр Семененко, сотрудник городской управы профессор педагогики Александр Попов. Делегаты выступили с хвалебными речами, сравнивая Феофила с митрополитом Петром Могилей [2, л. 20].

Ко дню рождения Ф. Булдовского, 5 августа, по инициативе просвितян были напечатаны фотография и биография митрополита в количестве 2000 экземпляров, распространенных среди населения [2, л. 20].

Однако немецкое правительство вскоре поменяло свои планы и предстоятелем УАПЦ стал Поликарп (Сикорский). Вскоре было решено, что православные приходы Харькова переходят в подчинение УАПЦ.

Но это не нравилось местным священникам и верующим, т. к. они в основном были приверженцами Русской православной церкви. Кроме того, они выступали против украинизации богослужений. И даже просили митрополита Феофила разрешить вести богослужения по-старому, на старославянском языке [6, л. 159].

Непосредственное участие Церковно-богословская комиссия принимала в организации религиозного отдела городской управы и Епархиального управления. В религиозный отдел входили Гавриил Лебединский и Василий Потиевка [4, с. 203]. Епархиальное управление состояло из: митрополита Ф. Булдовского – председатель; протоиерея Александра Кривомаза – заместитель председателя; мирянин Гавриила Лебединского – заместитель по хозяйству; протоиерея Певного – члена управления по снабжению; мирянина Василия Потиевка – ответственный секретарь [6, л. 32].

Сам Ф. Булдовский был зарегистрирован в религиозном отделе не только как священнослужитель, но и как «митрополит всея Украины» [2, л. 11].

Отношения между этими двумя учреждениями были напряженные, т.е. каждый желал быть главнее другого. В результате этой борьбы религиозный отдел был ликвидирован, а власть сосредоточилась в руках Епархиального управления. Правда, и здесь произошли кадровые перестановки: «Просвіта» добилась введения своего представителя – А. Попова (вместо протоирея Васьковского) [4, с. 203].

Таким образом, можно констатировать, что харьковская организация «Просвіта» имела непосредственное влияние на политику православной церкви. Она вмешивалась и влияла на духовную жизнь харьковцев, требуя украинизации церкви, определяя священников на службу в храмы.

1. Веденеев, Д. Гитлеровский рейх и религиозная сфера оккупированной Украины. Часть 2. [Электронный ресурс] / Д. Веденеев // Православная жизнь. – Режим доступа: <https://pravlife.org/ru/content/gitlerovskiy-reyh-i-religioznaaya-sfera-okkupirovannoy-ukrainy-chast-2>. – Дата доступа: 10.03.2020.
2. Докладная записка народного комиссара внутренних дел УССР В. Сергиенко. Центральный государственных архив общественных организаций Украины // Центральный государственных архив общественных организаций Украины. – Ф. 1. Оп. 23. Д. 90.
3. Литерное дело бывшего Управления НКГБ УССР по Харьковской области на людей, оставшихся в тылу врага в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Отраслевой государственный архив Службы Безопасности Украины (далее – ОГА СБУ). – Д. 99615.
4. Скоробогатов, А.В. Харків у часи німецької окупації (1941–1943) / А.В. Скоробогатов. – Харків : Прапор, 2004. – 368 с.
5. Следственное дело по обвинению Байды П.С. // Государственный архив Харьковской области. – Ф. Р-6452. Оп. 1. Д. 5346.
6. Следственное дело по обвинению Булдовского Ф.И. // ОГА СБУ. – Д. 0-21966.
7. Следственное дело по обвинению Камышана И.Я. // ОГА СБУ. – Д. 035795.
8. Следственное дело по обвинению Кравчука Я.А. // ОГА СБУ. – Ф. 5. Д. 67452.
9. Следственное дело по обвинению Криворученко Н.С. // ОГА СБУ. – Д. 036316.

Довгялло М.С.

**УЧАСТИЕ РОССИЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ
В НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЕ
ЮГОСЛАВСКОГО НАРОДА (1941–1945 гг.)**

Эмиграция из России имела исключительное значение в рамках всемирной эмиграции первой половины XX столетия. За границей эмигрировавшими россиянами было создано уникальное Русское Зарубежье. Одним

из его крупных составляющих и главным центром в те годы являлось Королевство сербов, хорватов и словенцев (КСХС) (с 1929 г. – Королевство Югославия). При этом правительство страны, утроившей свою территорию, столкнулось не только с социальными и экономическими, но и национальными проблемами. В этих условиях российские эмигранты, пусть и невольно, оказались причастными к внутренним проблемам страны пребывания. За время нахождения россияне привнесли свой самобытный колорит и оказали определенное влияние на военно-политическую, социально-экономическую и культурную ситуацию в этом государстве. В 30-е годы число русских в Югославии составляло 25-30 тыс. человек [1, с. 20]. При этом более 60% эмигрантов в той или иной степени имели в России отношение к интеллектуальной деятельности. В частности, российские специалисты работали в Военном министерстве Королевства 700 чел., а также в Министерстве связи и аппарате Министерства иностранных дел [7, с. 220].

События 1941–1945 гг. и их последствия стали тяжелейшим испытанием для народов Югославии и СССР. Война вторглась в судьбы многих «старых» эмигрантов. К примеру, когда фашистская Германия в апреле 1941 г. напала на Югославию, там находилось около 30 тыс. белоэмигрантов, в том числе 8 тыс. в Белграде [18, с. 181]. Военнообязанные российские эмигранты, принявшие югославянское подданство, были призваны в армию, где добросовестно выполнили свой долг. Так, около 12% русских участников Апрельской войны 1941 г. погибли, а часть солдат и офицеров (173 чел.) вместе с сербами оказались в немецких лагерях для военнопленных [17, с. 16]. Следует отметить, что после капитуляции и оккупации Югославии часть российской эмиграции принимала непосредственное участие в боевых действиях, как на стороне гитлеровской Германии, так и в движении Сопротивления.

Фашистская оккупация Югославии и нападение Германии на Советский Союз окончательно разделили российскую эмиграцию. Такое разделение было обусловлено закрытием всех российских периодических изданий и приостановлением деятельности всех русских организаций как заведомо ненадежных после оккупации. Как следствие, в российской эмиграции начался процесс самоорганизации, выявивший и первые противоречия. Эмиграция фактически была разделена на две части – «оборонцев» и «пораженцев». Первые считали, что гитлеровская Германия стремится уничтожить Россию, а, следовательно, следует помогать СССР в войне, вторые – лишь большевизм в России и желали ему поражения. В связи с этим значительная часть белогвардейской эмиграции стала на путь сотрудничества с оккупантами. Из ее рядов был сформирован костяк т. н. Русского Охранного Корпуса (РОК), который возглавил генерал-лейтенант Б.А. Штейфон, который, несмотря на свое еврейское происхождение, получил чин генерал-лейтенанта вермахта, а в июне 1944 г. был награжден германским Крестом военных заслуг II класса с мечами [10, с. 155]. Перво-

начально в Корпус была объявлена мобилизация мужского населения в возрасте от 18 до 51 года, а затем в него влилась значительная часть русских, более 2 тысяч белоэмигрантов, что составляло почти 30% мужчин, пригодных для военной службы. При этом примерно 10% от общего числа добровольцев составляла русская молодежь, выросшая вдали от родины [3, с. 291]. Необходимо отметить, что данное обстоятельство ухудшило отношение местного сербского населения к эмиграции. В конце 1941 г. Корпус приступил к несению службы по охране рудников, железнодорожных узлов и магистральных дорог, а в дальнейшем участвовал в борьбе с партизанами и регулярными войсками И.Б. Тито, практически заменив целую немецкую дивизию [11, с. 23]. РОК, вопреки надеждам и даже требованиям командования, не был направлен на Восточный фронт, чтобы бороться с большевиками, а остался в оккупированной Сербии в качестве вспомогательной немецкой части. За все время своего существования Корпус охранял склады с продовольствием и боеприпасами в Югославии и участвовал в боевых действиях против партизан в юго-восточной Сербии, а впоследствии – в Белградской операции [5, с. 222]. Вместе с тем, части русского Корпуса оказывали помощь сербскому населению от преследования и уничтожения его усташами. Так, в течение лета 1942 г. было перевезено через р. Дрину и спасено от смерти около 10–12 тыс. сербских православных беженцев, в 1943 г. в районе Зворника спасено свыше 1 500 чел., а 400 раненым оказана медицинская помощь [11, с. 17]. В июне 1944 г. в Корпусе находилось около 12 000 чел., а в мае 1945 г. – 4 500 солдат и офицеров, что составляло примерно четверть от общего числа прошедших через его ряды [3, с. 292]. За неполные четыре года существования РОК прошли более 17 тыс. человек, а общее число боевых потерь (погибшие, тяжелораненные и пропавшие без вести) составило 6 709 человек [17, с. 36]. Потери составили 70% личного состава. Из числа белогвардейцев германское командование вербовало охранников, шпионов и карателей. Только в оккупированной Югославии, например, около 200 белоэмигрантов сотрудничали с гестапо и абвером [18, с. 186].

Вместе с тем, многие эмигранты и их дети, которые родились в Королевстве, либо были вывезены родителями в юном возрасте из России, приняли активное участие в партизанском движении, сражаясь с фашистами в рядах Народно-освободительной армии Югославии (НОАЮ). 21 декабря 1941 г. была создана Первая пролетарская бригада, которая послужила началом формированию НОАЮ. Так, в прошлом полковник царской армии, выпускник Академии Генерального штаба, кавалер многих боевых наград Первой мировой войны Ф.Е. Махин переехал в Королевство СХС из Праги в качестве представителя «Земгора» в 1924 г., основал в Белграде русскую библиотеку, которая получала многие советские издания. В 1939-м он становится членом Компартии Югославии, затем – организатором партизанского движения. Ф.Е. Махин командовал отрядом в четниче-

ской армии Драже Михайловича, а в конце 1941 г. вступил в ряды югославских партизан и воинов НОАЮ под командованием И.Б. Тито. Всю войну Ф.Е. Махин был одним из руководителей отдела пропаганды Верховного штаба НОАЮ и начальником его исторического отдела. Активно сотрудничал в печатных органах коммунистов – «Военно-политическом обзоре Верховного штаба», «Борбе», «Новой Югославии» [15, с. 97], хорошо владел французским, немецким, английским, чешским, болгарским и в совершенстве сербскохорватским языками, исполняя роль переводчика, был награжден боевыми орденами. По некоторым данным, он был награжден орденом Ленина в Москве [13, с. 530]. Умер Ф.Е. Махин после освобождения Югославии в июне 1945 г. в звании генерал-лейтенанта НОАЮ.

В годы оккупации Белграда, где проживало наибольшее число русских эмигрантов, был создан «Союз советских патриотов» (ССП), в который входили главным образом представители второго поколения российской эмиграции. Был принят устав, в котором излагались цели организации и ее структура. Члены ССП ставили перед собой задачи: бороться с оккупантами, оказывать посильную помощь пленным красноармейцам и отправлять их в партизаны, собирать оружие, вести пропагандистскую работу в пользу Советского Союза и т.д. Наиболее активно Союз действовал в 1942–1943 гг. [6, с. 32]. В него входило около 120 чел., и он являлся частью антифашистского югославского подполья. Одним из руководителей Центрального комитета Союза был доктор В.А. Лебедев, обладавший хорошими организаторскими способностями и личной смелостью. До войны В.А. Лебедев являлся одним из редакторов сербского журнала «Русский архив». Среди членов ЦК Союза были поэт и литературовед, бывший доцент Белградского университета, доктор филологии И.Н. Голенищев-Кутузов и доктор юридических наук, профессор Б. Алексеев и др. Союз поддерживал тесные связи с югославскими партизанами, переправлял к ним добровольцев, в том числе и бежавших из фашистских лагерей советских военнопленных. Руководитель Союза эмигрант Ф. Высторопский «Феца» был арестован и погиб в августе 1944 г. [13, с. 247]. Несмотря на строгую конспирацию, в июле 1944 г. полиция выследила и арестовала ряд подпольщиков. Оставшаяся часть членов ССП, опасаясь дальнейших прорывов, летом покинула Белград, влившись в ряды бойцов НОАЮ.

В частях НОАЮ и партизанских отрядах воевали и другие российские эмигранты, не члены ССП. Так, сражался в партизанском отряде и был убит в бою талантливый российский эмигрантский поэт А.П. Дураков, многие патриотические стихи которого, по свидетельству вернувшегося после войны в СССР И.Н. Голенищева-Кутузова, остались ненапечатанными [8, с. 243]. Указом Президиума Верховного Совета СССР он посмертно награжден орденом Отечественной войны II степени. Мужественно сражались с оккупантами И. Бердяева. До войны студентка Загребского университета медицинского факультета, которую хорватские усташы,

выследив, схватили и сожгли, Е. Шеремет, погибшая в одном из боев с фашистами. В НОАЮ проявили себя с наилучшей стороны также медсестра М. Пятницкая, врач А. Чернозубов и др.

Российский эмигрант В. Смирнов окончил технический факультет Белградского университета, работал инженером-строителем мостов. После оккупации Югославии В. Смирнов вступил в партизаны, ив течение всей войны возглавлял Технический отдел Верховного штаба НОАЮ, участвовал в сражениях, был удостоен ряда высших югославских боевых наград. За великолепное знание военно-инженерного и взрывного дела и личное мужество югославские партизаны прозвали его «Влада Рус-Мостоубийца». После окончания войны генерал-полковник В. Смирнов занимал ряд руководящих постов в Югославской народной армии (ЮНА) [15, с. 136].

В борьбе югославских партизан участвовали российские эмигранты разных профессий и званий. Так, значительный вклад в борьбе с фашизмом внес известный бактериолог, доктор медицины Н. Чернозубов, начальник Отделения эпидемиологии Верховного штаба НОАЮ, кавалер многих высших наград Народной Югославии, в довоенные годы преподававший на медицинском факультете Белградского университета. В октябре 1944 г. погиб, выполняя 24-й вылет и повторив подвиг советского летчика Н.Ф. Гастелло, сын русских эмигрантов командир звена военно-воздушных сил НОАЮ майор А.И. Попов и др.

Многие российские эмигранты, не принимая непосредственного участия в борьбе с оккупантами, отказывались от сотрудничества с местными властями, что тоже требовало немало мужества. Так поступил врангелевский, первый русский генерал-майор авиации В.М. Ткачев, один из лучших русских летчиков в годы Первой мировой войны. Благодаря своим организаторским способностям он был назначен в годы войны на пост командующего русской военной авиацией. Затем он «в период гражданской войны являлся самым сильным организатором и тактиком в применении авиации» [14, с. 128]. В эмиграции проживал в Королевстве СХС. С 1921 г. В.М. Ткачев был бессменным председателем «Общества офицеров Российского военно-воздушного флота в Королевстве СХС» [9, с. 21]. Он отказался сотрудничать с оккупационными властями, а в 1945 г. явился с повинной к советскому командованию. Был осужден и отбывал срок в ГУЛАГе. После амнистии остался жить в Советском Союзе.

Эти примеры свидетельствуют о том, что тысячи российских эмигрантов в Югославии осознали в те годы, что один и тот же враг стремится уничтожить все, что дорого было гражданам, как Советского Союза, так и Югославии. Они понимали, что только в борьбе с оккупантами можно отстоять жизнь и свободное будущее народов их старой и новой Родины. И вместе с тем, в российской эмиграции не было единства мнений и действий после освобождения Югославии. В первую очередь в главном вопросе – отношении к советской власти. В июне 1946 г. был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР «О восстановлении в гражданстве СССР поддан-

ных бывшей Российской империи, а также лиц, утративших советское гражданство, проживающих на территории Югославии» [12, с. 136]. После принятия Указа и ознакомления с ним населения в Югославии, по официальным данным, более шести тысяч российских эмигрантов подали заявления о своем желании перейти в советское гражданство [2, с. 136]. Многие из них, прежде всего бывшие подпольщики и партизаны, на основании Указа могли получить советское гражданство и вернуться на свою старую родину. Однако далеко не всем российским эмигрантам-участникам движения Сопротивления улыбнулась судьба, и некоторые из них вернулись домой под конвоем в качестве подследственных или заключенных.

В заключение следует отметить, что югославы сформировали мощную партизанскую армию еще тогда, когда гитлеровцы чувствовали себя хозяевами положения в значительной части Европы. Югославские партизаны, а затем НОАЮ нанесли немцам, итальянцам и хорватским уставам серьезные поражения. Победа над фашизмом досталась народам Югославии высокой ценой. Общее число жертв в Югославии превысило 1 млн. 700 тыс. человек, т. е. более 10% населения страны, в том числе на полях сражений погибло 305 тыс. человек [4, с. 366]. Большую помощь югославскому народу в освобождении страны оказали и российские эмигранты.

Вместе с тем участие российской эмиграции в национально-освободительной борьбе Югославского народа до настоящего времени не получило должной разработки ни в русской, ни в сербской литературе. Недостаточно освещены вопросы о количестве и численности воинских формирований из эмигрантов. Многие документы о личном составе частей и соединений НОАЮ сохранились не полностью, а имеющиеся в наличии не всегда содержат нужные сведения по интересующему вопросу.

1. Алексеева, Е.В. Российская эмиграция в Королевстве сербов, хорватов, словенцев (по документам Архива Югославии) / Е.В. Алексеева // Отечественные архивы. – 1995. – № 6. – С. 20–26.
2. Внешняя политика Советского Союза. Док. и матер. (январь – декабрь 1949 года). – М., 1953. – 626 с.
3. Гончаренко, О.Г. Изгнанная армия. Полвека военной эмиграции, 1920–1970 гг. / О.Г. Гончаренко. – М. : Вече, 2018. – 400 с.
4. Движение Сопротивления в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, 1939–1945 / В.В. Марьина [и др]. – М. : Радикс, 1995. – 547 с.
5. Кёсева, Ц. Болгария и русская эмиграция, 1920–1950-е годы / Ц. Кёсева. – М. : Русский путь, 2008. – 310 с.
6. Косик, В.И. Русская Югославия: фрагменты истории, 1919–1944 / В.И. Косик // Славяноведение. – 1992. – №4. – с.20–32.
7. Косик, В.И. Балканы: «Порвалась цепь великая...» (середина XIX – начло XXI вв.) / В.И. Косик. – Ин-т славяноведения, 2014. – 272 с.
8. Мейснер, Д.И. Миражи и действительность / Д.И. Мейснер. – М. : Изд. «Новости», 1966. – 301 с.
9. Окорочков, А.В. Молодежные организации русской эмиграции (1920–1945 гг.) / А.В. Окорочков. – М. : Б. и., 2000. – 111 с.

10. Русские без Отечества: Очерки антибольшевистской эмиграции 20–40-х годов. – М.: РГГУ, 2000. – 497 с.
11. Русский Корпус на Балканах. 1941–1945 гг. – М.: Вече, 2008. – 416 с.
12. Сборник законов, указов, постановлений, решений и распоряжений. 1946: [Указы Президиума Верховного Совета СССР и РСФСР, постановления Совета министров СССР и РСФСР, решения и распоряжения Ленингр. гор.сов. деп. трудящихся и др.]. – Л., 1947. – 583 с.
13. Серков, А.И. Русское масонство. 1731–2000: Энцикл. слов. / А.И. Серков. – М.: Росспэн, 2001. – 1222 с.
14. Спатарель, И.К. Против черного барона / И.К. Спатарель. – Кишинев: Картя молдовеняскэ, 1972. – 255 с.
15. Тесемников, В.А. Российская эмиграция в Югославии (1919–1945 гг.) / В.А. Тесемников // Вопросы истории. – 1988. – № 10. – С. 128–137.
16. Тесемников, В.А. Югославская одиссея Фёдора Махина / В.А. Тесемников // Родина. – 2007. – № 8. – С. 93–97.
17. Тимофеев, А.Ю. Русский фактор. Вторая мировая война в Югославии. 1941–1945 / А.Ю. Тимофеев. – М.: Вече, 2010. – 400 с.
18. Шкаренков, Л.К. Агония белой эмиграции / Л.К. Шкаренков. – Изд. 3-е. – М.: Мысль, 1987. – 236 с.

Чернявский И.В.

**НАГРАЖДЕНИЯ ПАРТИЗАН ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ МЕДАЛЬЮ
«ЗОЛОТАЯ ЗВЕЗДА» (1941–1945 гг.)**

К началу Великой Отечественной войны в 1941 г. наградная система Советского Союза не была обширной. За боевые подвиги обычно вручались ордена Ленина (высшая награда СССР), Красного Знамени, Красной Звезды, а также медали «За отвагу» и «За боевые заслуги». Что касается высшей степени отличия, то таковым с 1934 г. было установлено звание «Герой Советского Союза». Удостоенным его кавалерам с 1939 г. начали вручать специальный знак – медаль «Золотая Звезда».

Непосредственно в период Великой Отечественной войны было учреждено значительное количество новых орденов (Отечественной войны I и II степеней, Кутузова I, II, III ст., Невского и т.д.) и медалей (Ушакова, Нахимова, «Партизану Отечественной войны» I и II ст. и т.д.). В связи с характером боевых действий, которые велись как на фронтах, так и на оккупированных территориях, награждали орденами и медалями не только бойцов и командиров Красной Армии, но и личный состав партизанских формирований. Не были исключением и народные мстители западных областей Беларуси (Вилейская, Белостокская, Барановичская, Брестская и Пинская).

В период 1941–1942 гг. в связи с тяжёлым положением на театре военных действий награждения в принципе были нечастыми. А тем более медалью «Золотая Звезда». Если говорить о партизанах Западной Беларуси, то на тот момент связь с Большой землёй у них практически отсутствовала. Большинство формирований действовали самостоятельно. Поэтому возможности передавать информацию об отличившихся бойцах и коман-

дирах были очень ограничены. Это отразилось и на количестве награждённых медалью «Золотая Звезда». В период 1941–1942 гг. с территории Западной Беларуси таковых не было.

В связи с дальнейшим развитием партизанского движения и его централизацией ситуация изменилась. 20.01.1943 г. за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом отвагу и героизм звание Герой Советского Союза с вручением медали «Золотая Звезда» было присвоено В.В. Щербине (украинец; уроженец Донецкой обл.; член ВКП (б) с 1939 г.) и Г.М. Линькову (русский; уроженец Оренбургской обл.; член РКП (б) с 1918 г.) [10, л. 1].

Это были первые партизан Западной Беларуси, удостоенные высшей степени отличия в годы войны. Оба этих человека были отправлены во вражеский тыл ещё в 1941 г. по линии ГРУ Генштаба РККА. Вначале действовали на территории Витебской и Минской обл. Со временем Г.М. Линьков (партизанская кличка «Батя») стал командиром соединения, а В.В. Щербина (партизанская кличка «Бородач») возглавил отряд в его составе. Весной 1942 г. основные силы партизан ушли в южные районы БССР. «Бородач» со своими людьми оказался на территории Барановичской обл. По его инициативе из ряда партизанских формирований было создано Особое соединение партизанских отрядов (ОСПО), внёсшее свой вклад в развитие борьбы на оккупированных территориях. В сентябре 1942 г. В.В. Щербина погиб в результате несчастного случая при взрыве мины. Таким образом, Героем Советского Союза он стал посмертно. Г.М. Линьков со своим соединением обосновался в Пинской обл. и дождался до освобождения Беларуси.

Следующее награждение партизана из Западной Беларуси медалью «Золотая Звезда» относится к 20.09.1943 г. В этот день Героем Советского Союза стал К.П. Орловский (белорус; уроженец Могилёвской обл.; член РКП (б) с 1918 г.). С осени 1942 г. он командовал спецотрядом «Соколы», заброшенном по линии НКВД на оккупированную территорию Барановичской обл. Во время знаменитого Машуковского боя в феврале 1943 г. он был тяжело ранен. Спустя некоторое время, К.П. Орловский был отозван в советский тыл, где и получил свою награду [8]. Таким образом, все 3 партизана западных областей БССР, награждённые медалью «Золотая Звезда» в 1943 г., были заброшены на данные территории по чекистской линии.

01.01.1944 г. был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении за образцовое выполнение правительственных заданий в борьбе против немецко-фашистских захватчиков в тылу противника и проявленные при этом отвагу и героизм, а также за особые заслуги в развитии партизанского движения в Беларуси целого ряда бойцов и командиров. Среди них оказалось сразу 5 представителей народных мстителей западных областей БССР. Трое из них были командирами соединений. Так, А.Е. Клещев (белорус; уроженец Гомельской обл.; член ВКП (б) с 1928 г.)

с 1941 г. находился во вражеском тылу на территории Пинской обл. С весны 1943 г. командовал партизанским соединением данной области. С осени 1942 г. на территории Брестской обл. воевал С.И. Сикорский (белорус; уроженец Могилёвской обл.; член ВКП (б) с 1930 г.). С весны 1943 г. он руководил областным соединением. И, наконец, В.Е. Чернышев (русский; уроженец Орловской обл.; член ВКП (б) с 1928 г.) весной 1943 г. прибыл на территорию Барановичской обл., где позже возглавил областное соединение.

Ещё один кавалер, удостоенный 01.01.1944 г. медали «Золотая Звезда», Ф.Г. Марков (белорус; уроженец Вилейской обл.; член КПЗБ с 1934 г.) участвовал в партизанском движении на территории Вилейской обл. с 1941 г. К концу 1942 г. создал из отдельно действовавших отрядов первую в области бригаду: им. Ворошилова, которой и командовал. В том же регионе воевал и А.С. Азончик (белорус; уроженец Вилейской обл.; член ВКП (б) с 1943 г.). Летом 1941 г. он организовал и возглавил партизанскую группу. Со временем она выросла в отряд «Патриот» бригады им. Будённого [5, с. 294].

Следующее награждение партизан, действовавших в Западной Беларуси, состоялось 04.02.1944 г. В этот день за образцовое выполнение боевого задания в тылу противника и проявленные при этом отвагу и героизм Героями Советского Союза стали И.Н. Банов и подполковник А.П. Бринский. Скупые строки наградных указов не могли в полной мере передать весь их путь. Так, И.Н. Банов (русский; уроженец Ростовской обл.; член ВКП (б) с 1939 г.) по линии ГРУ Генштаба РККА летом 1942 г. был заброшен на территорию Гомельской обл., а позже воевал в составе соединения Г.М. Линькова в Западной Беларуси на территории Барановичской, Пинской и Брестской обл. После отзыва последнего в советский тыл возглавил всё формирование. А.П. Бринский (украинец; Хмельницкая обл.; член ВКП (б) с 1927 г.) начало войны застал в РККА. Перешёл к партизанской борьбе на территории центральных и западных областей Беларуси, а позже ушёл на Украину [11].

Уже после освобождения территории БССР 15.08.1944 г. вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении за образцовое выполнение правительственных заданий в борьбе против немецко-фашистских захватчиков в тылу противника и проявленные при этом отвагу и героизм и за особые заслуги в развитии партизанского движения в Беларуси целого ряда бойцов и командиров. Это было самое массовое награждение партизан западных областей БССР: сразу 7 человек получили медали «Золотая Звезда». Ст. лейтенант Б.А. Булат (русский; уроженец Тульской обл.; член ВКП (б) с 1941 г.) воевал в составе 31 танковой дивизии, попал в плен. После побега оказался во вражеском тылу. С весны 1942 г. участвовал в партизанском движении в Барановичской обл., где сначала командовал группой, отрядом, а затем бригадами им. Ленина и «Вперёд» [3, л. 39]. В этой же области воевал капитан Ф.М. Синичкин (русский; уроженец Куйбышевской обл.; член ВКП (б) с 1926 г.), встре-

тивший войну в рядах 2 стрелковой дивизии. С весны 1942 г. – в партизанах. Позже командовал бригадами им. Ленина и им. Кирова [2, л. 14]. Третьим представителем Барановичской обл. был В.З. Царюк (белорус; уроженец Барановичской обл.; член КПЗБ с 1924 г.). Весной 1943 г. прибыл из советского тыла; возглавлял Столбцовское партизанское соединение. В наградной указ попали два представителя от Вилейской обл. А.И. Волынец (белорус; уроженец Вилейской обл.; член КПЗБ с 1934 г.) весной 1942 г. выступил на борьбу с оккупантами. С 1943 г. командовал отрядом «За Советскую Белоруссию», позже развёрнутым в одноимённую бригаду. Первой и единственной женщиной с Западной Беларуси, награждённой медалью «Золотая Звезда», стала А.И. Масловская (белоруска; уроженка Вилейской обл.; член ВЛКСМ). С зимы 1942 г. – участница Поставского подполья, а затем – в партизанском отряде им. Пархоменко бригады им. Ворошилова [1, с. 69].

В.З. Корж (белорус; уроженец Пинской обл.; член ВКП (б) с 1929 г.) был организатором одного из первых партизанских отрядов в Беларуси, а позже возглавлял Пинское партизанское соединение. Техника-интенданта 2 ранга С.Г. Жунина (русский; уроженец Тверской обл.; член ВКП (б) с 1943 г.) война застала во время службы в 36 кавалерийской дивизии. С 1941 г. – в партизанах. Командир группы, отряда, а затем 8 Круглянской бригады в Могилёвской обл. Под его руководством зимой 1943/1944 гг. был совершён рейд на территорию Брестской обл., где партизаны и встретили освобождение [4, л. 26].

05.11.1944 г. ещё два партизана-чекиста с западных областей БССР стали Героями Советского Союза. О.С. Бычок (украинец; уроженец Черниговской обл.; член ВКП (б) с 1940 г.) с лета 1943 г. командовал спецотрядом «Третьи» на территории Витебской, Минской и Вилейской обл. Погиб в бою в мае 1944 г. Награду получил посмертно [9, с. 219]. А.И. Шихов (русский; уроженец Кировской обл.; член ВКП (б) с 1944 г.) с начала 1944 г. командовал спецотрядом на территории Пинской и Брестской обл. [6, л. 5–6].

Крайним награждённым с западных областей БССР стал К.С. Гнидаш (украинец; уроженец Сумской обл.; член ВКП (б) с 1939 г.). С конца 1943 г. он руководил разведывательной группой в Пинской, Брестской и Барановичской обл. В июне 1944 г. погиб в бою. 24.03.1945 г. посмертно был удостоен звания Герой Советского Союза [7, л. 43–44].

Таким образом, общее число награждённых медалью «Золотая Звезда» за партизанские действия на оккупированной территории Западной Беларуси, составляет 20 чел. Все награждения были произведены в период Великой Отечественной войны: 1941–1942 гг. (0 чел.); 1943 г. (3 чел.); 1944 г. (16 чел. – 80% от всех награждённых); 1945 г. (1 чел.). В послевоенные приказы никто с западных областей БССР не попал. По половому признаку 19 чел. (95%) было мужчинами, 1 чел. – женщиной. По национальности из награждённых партизан 9 чел. (45%) было белорусами (из них 6 чел. были уроженцами Западной Беларуси); 7 чел. (35%) – русскими,

4 чел. (20%) – украинцами. Все кавалеры были либо членами партии (в том числе 3 члена КПЗБ), либо комсомольцами. 7 чел. были заброшены на оккупированную территорию Западной Беларуси в составе спецгрупп по чекистской линии, а 5 чел. – как организаторы; 4 чел. – бывшие военнослужащие РККА, оставшиеся во вражеском тылу; 4 чел. – местные жители, вставшие на путь борьбы с оккупантами. 3 чел. (15%) были награждены посмертно.

1. Герои партизанского края / И.В. Можченко ; редкол.: А.К. Демянюк [и др.]. – Минск : БЕЛТА, 2019. – 120 с.
2. Донесение о безвозвратных потерях Западного фронта (от 22.06.1943 г.) // Центральный архив Министерства обороны РФ (далее – ЦАМО). – Ф. 33. Оп. 11458. Д. 83.
3. Донесение о безвозвратных потерях Западного фронта (от 26.07.1943 г.) // ЦАМО. – Ф. 33. Оп. 11458. Д. 92.
4. Донесение о безвозвратных потерях Западного фронта (от 26.07.1943 г.) // ЦАМО. – Ф. 33. Оп. 11458. Д. 93.
5. Навечно в сердце народном / редкол.: П.У. Бровка (гл. ред.) [и др.]. – 2-е изд. – Мн. : Главная редакция Белорусской Советской Энциклопедии, 1977. – 520 с.
6. Наградной лист на А.И. Шихова (от 25.09.1943 г.) // ЦАМО. – Ф. 33. Оп. 686044. Д. 1686.
7. Наградной лист на К.С. Гнидаша (от 29.07.1944 г.) // ЦАМО. – Ф. 33. Оп. 793756. Д. 11.
8. Орловский Кирилл Прокофьевич [Электронный ресурс] // Герои страны. – Режим доступа: http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=1326. – Дата доступа: 15.03.2020.
9. Партизанские формирования Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944) : краткие сведения об организационной структуре партизанских соединений, бригад (полков), отрядов (батальонов) и их личном составе / Институт истории партии при ЦК КП Белоруссии – филиал Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС ; А.Л. Манаенков [и др.]. – Минск : Беларусь, 1983. – 763с.
10. Указ ПВС СССР о присвоении звания Герой Советского Союза начальствующему составу Красной Армии (от 20.01.1943 г.) // ЦАМО. – Ф. 33. Оп. 682525. Д. 4.
11. Указ ПВС СССР от 04.02.1944 г. [Электронный ресурс] // Подвиг народа. 1941–1945. – Режим доступа: <http://podvignaroda.ru/?#id=1560642064&tab=navDetailDocument>. – Дата доступа: 16.03.2020.

Тимофеев Р.В.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА В ПОСЛЕОККУПАЦИОННЫЙ ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

С осени 1943 г. на освобожденных от немецко-фашистских захватчиков участках железных дорог Беларуси развернулись восстановительные работы. Когда Советская Армия 26 ноября этого года освободила Гомель, железнодорожный узел был разрушен дотла [1, с. 100]. Поэтому по иници-

ативе коммунистов рабочие и служащие депо, дистанции пути и связи, других предприятий железнодорожного транспорта с первого же дня после освобождения начали восстановительные работы.

За короткий срок по Гомельской области было уложено более 150 километров пути, отремонтированы сотни стрелочных переводов, построены десятки искусственных сооружений, производственно-технических зданий. В ноябре 1943 г. было создано важное Управление строительно-восстановительных работ народного комиссариата путей сообщения (НКПС), которое разместили в г. Гомеле [2, с. 10].

Большая часть материалов, деталей и инструмента гомельскими железнодорожниками производились на месте. Путьцы Гомельского региона зимой 1943–1944 гг. изготовили 226 тонн скреплений, сотни комплектов инструмента, собрали 50 тонн деталей. Упорно трудились коллективы Гомельских паровозного и вагонного депо, станции, дистанции связи. Уже в июне 1944 г. рабочие Гомельского депо ремонтировали паровозы в цехах [1, с. 100]. Повсеместно работы производились в основном силами своих коллективов и материалами, изысканными на месте.

Вскоре для работы по восстановлению участков железнодорожного направления Москва – Брест в Беларусь прибыли отряды стройуправления № 101, которые были известны на железнодорожном транспорте как боевая строительная организация [2, с. 10]. Восстановление железных дорог на территории БССР вынуждены были осуществлять штатные работники и вновь создаваемые Управления строительно-восстановительных работ. На железные дороги БССР в 1944 г. было направлено свыше 15,5 тысячи человек из населения республики. Дорогам была оказана помощь лесом, стройматериалами, станками и транспортом [3, с. 15]. Неоценимое содействие оказали многие железные дороги СССР. Без этой помощи железнодорожники БССР не смогли бы короткие сроки залечить свои раны.

Такими усилиями, например, в Минской области уже на шестые-седьмые сутки после изгнания врага в июле 1944 г. была полностью перешита железнодорожная колея, частично восстановлено стрелочное хозяйство и водоснабжение. В рекордно короткий срок – три дня – трудящиеся Минска восстановили железнодорожный мост через реку Свислочь, перешли железнодорожное полотно, и уже 9 июля 1944 года в Минск прибыл первый поезд. В самый западный пограничный пункт Белоруссии – Брест поезда прибыли на третий день после освобождения его Советской Армией 28 июля 1944 г. и Брест-Литовская дорога уже смогла без задержек пропускать поезда к линии фронта [2, с. 10].

После освобождения территории БССР железнодорожники вместе со всем народом приступили к повсеместному восстановлению народного хозяйства. Ущерб, причиненный оккупантами железнодорожному транспорту республики, оказался значителен и превысил 8 млрд. руб. в ценах 1941 г. Так, было разрушено восемьдесят процентов путевых зданий, шестьдесят процентов насосных станций. Оккупанты уничтожили и угнали также 3383 паровоза

и мотовоза, 12713 вагонов [2, с. 10]. Целиком было выведено из строя свыше 4 тысяч километров, или три четверти всех главных путей, и более трех с половиной тысяч стрелочных переводов. Полностью или частично были разрушены мосты через Днепр, Сож, Березину, Неман, Западную Двину и многие другие реки. Выведено из строя 60% насосных станций, 80% водоемных зданий [3, с. 15].

В труднейших условиях военной обстановки железнодорожники подготовили сложное хозяйство к работе в зимних условиях 1944–1945 гг. Все предприятия Белорусской, Брест-Литовской, Белостокской и Западной железных дорог своевременно получили паспорта готовности к работе зимой, а коллектив Белостокской дороги, добившийся наилучших результатов, завоевал переходящее Красное знамя Государственного Комитета Обороны. На этой дороге к 1 января 1945 г. вошли в строй все паровозные депо.

На Западной железной дороге были введены в строй паровозные депо Орша, Витебск, Минск, вагонное депо Минск и другие. Из важнейших работ на Белорусской железной дороге, осуществленных в 1944–1945 гг., были: сооружение мостов через реку Березина у Бобруйска, реку Сож у Гомеля, реку Днепр у Речицы, восстановление депо Жлобин, Гомель, Могилев и ввод в действие электростанций в Жлобине, Гомеле, Калинковичах, Кричеве, Осиповичах, Могилеве.

На Брест-Литовской дороге железнодорожники восстановили за 1944–1945 гг. около 700 километров главных и станционных путей, привели в порядок все деповские пути, построили один большой, пять средних и 59 малых мостов. Заново были оборудованы пункты водоснабжения на станциях Доманово, Береза-Картузская, Столбцы, Барановичи, Брест, Жабинка, отстроены вагонное депо на станции Столбцы, вагоноремонтные пункты в Бресте и Барановичах. Успешное продвижение советских войск вдохновляло железнодорожников на новые трудовые свершения.

Повсеместно на всех дорогах Беларуси широко развернулось социалистическое соревнование по профессиям, а также комплексное соревнование работников решающих служб за полное использование внутренних резервов при организации перевозок. Соревнуясь за достойную встречу 28-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, железнодорожники Волковысского узла достигли значительных результатов. Так, машинист Молчанов в 3 квартале 1944 г. провел 7 тяжеловесных и 12 скоростных поездов [1, с. 104].

Волковысский машинист Миненко в конце 1944 г. провел 6 тяжеловесных и 19 скоростных поездов. Паровозные бригады во главе с коммунистами Молчановым и Миненко сэкономили за это время более чем по 20 тонн топлива. Отлично работал машинист Коновалов, который водил только тяжеловесные и скоростные поезда и ежеквартально экономил свыше 12 тонн топлива. В 1 квартале 1945 года первое место в социалистическом соревновании на Белостокской железной дороге заняло вагонное депо Волковыск. В авангарде соревнования шли коммунисты

[1, с. 104]. Лозунг «Все для окончательного разгрома врага» находил выражение в труде. Коллектив Оршанского отделения за высокие показатели в работе в 1 квартале 1945 г. был удостоен переходящего Красного знамени.

Во 2 квартале 1945 года Оршанское отделение добилось еще более значительного улучшения в работе. План погрузки был перевыполнен, оборот вагона ускорен на 8 часов, участковая скорость повышена на 2,8 километра в час. Отделению было присуждено переходящее Красное знамя Государственного Комитета обороны. Поездные диспетчеры Пахоменко, Макрицкая, Бумаге, Пасиевич своей кропотливой работой обеспечили перевыполнение плана погрузки, быстрейший оборот вагона, ускоренный прием и передачу поездов. Дав отличную оценку их действиям, НКПС заслуженно присвоил им звание лучших диспетчеров страны. Высокими показателями закончили 2 квартал 1945 г. железнодорожники Витебского отделения (начальник Герой Социалистического Труда Н.А. Макаров). План погрузки отделение выполнило на 125 процентов [1, с. 105]. В итоге совместными усилиями первоочередные работы по восстановлению железнодорожного транспорта еще в ходе войны были выполнены.

1. Кость, А.В. Железнодорожная магистраль Белоруссии: К 100-летию со дня введения в строй / А.В. Кость, В.Ф. Лазаретов ; под ред. Е.П. Юшкевича. – Минск: Беларусь, 1971. – 208 с.
2. Белорусская магистраль накануне своего столетия. 1871–1971 гг. / БЖД, ДНТБ. – Минск : ДЦНТИ, 1970. – 42 с.
3. Этапы большого пути: 125 лет Белорусской железной дороге (1871–1996) / П.В. Белоцкий [и др.] ; под ред. Е.И. Володько. – Минск : ДЦНТИ, 1996. – 145 с.

Раздел 4 ПАМЯТЬ О ВТОРОЙ МИРОВОЙ И ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНАХ

Космач В.А.

ВЕЛИЧИЕ ПОБЕДЫ: ГЛАВНЫЕ ИТОГИ, ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ И УРОКИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙН 1939–1945 гг.

9 мая 1945 г. московское радио сообщило москвичам и всем жителям Советского Союза о **Великой Победе**. В стране был объявлен праздник. Три миллиона москвичей, надев все лучшее, собрались на Красной площади и на прилегающих улицах. Гремел тысячепушечный салют. Это было всенародное ликование тех, кто победил и выстоял, несмотря на те страшные испытания и жертвы, которые коснулись каждой советской семьи. Это был знаменательный для всех советских людей и Великого государства (Советского Союза) день, незабываемый триумф и для России, внесшей решающий вклад в Победу. Через полтора месяца, 24 июня 1945 г. маршал Г.К. Жуков, восседая на белом коне, принял Парад Победы, которым командовал маршал К.К. Рокоссовский. Когда 200 воинов резко повернули направо и у Мавзолея бросили наземь знамена гитлеровского вермахта, Красная площадь замерла. В тот день лил дождь, но в ту великую минуту торжества все забыли о ненастье и трагедиях, которые принесла война в каждый наш дом.

2 сентября 1945 г. в Токийском заливе на борту американского линкора «Миссури» под председательством главнокомандующего союзными войсками американского генерала Д. Макартура состоялось подписание акта о капитуляции Японии. С капитуляцией Японии закончилась Вторая мировая война. Важнейшим итогом войны стал разгром держав, вставших на путь, откровенной агрессии, пренебрегших нормами международного права, пытавшихся вернуть человечество к временам варварства, диктата грубой силы и произвола.

В мае – сентябре 1945г. завершились Великая Отечественная и Вторая мировая войны. **Великая Отечественная война 1941–1945 гг.** советского народа с германским фашизмом шла почти 4 года – долгих 1418 дней и ночей. **Вторая мировая война** продолжалась 2 194 дня или 6 лет и один день, в ней участвовало 61 государство или почти 80% населения мира. Военные действия велись на территории 40 государств. Обе войны были настоящей глобальной катастрофой в истории человечества. Они унесли жизни более 60 млн. человек [13, с. 548–551]. Это в 5-6 раз больше, чем в Первой мировой войне 1914–1918 гг. Материальный ущерб, причиненный

Второй мировой войной, в 10–12 раз превысил ущерб от Первой мировой войны. Военные расходы и военные убытки составили 4 трлн. долларов. Прямые военные расходы равнялись 1 117 млрд. долларов, в том числе стран антигитлеровской коалиции – 695 млрд. долларов, Германии и её союзников – 422 млрд. долларов [8, с. 147; 9, с. 3–8; 10, с. 232–237; 12, с. 28–43; 13, с. 548–550; 18, с. 3–19; 20, с. 9–27].

Таблица 1

Участвовало государство	61	Военные действия шли на территории 40 государств	Общие затраты на войну составили от 2,5 до 4 трлн. долларов.
Население стран, вовлечённых в войну – человек	1,7 млрд.	<i>Вторая мировая война (1939–1945 гг.)</i>	Население стран, вовлечённых в войну – 80 % населения планеты
Продолжительность – дня	2194	Число погибших более 60 млн. человек (возможно около 100 млн. человек)	Материальные затраты СССР – 2600 млрд. руб.; БССР – 75 млрд. руб. (в ценах 1941 г.)
СССР потерял 27 млн. человек. Уничтожено 30% национальных богатств. Разрушено: городов, сел и деревень, заводов и фабрик, выведено из сельскохозяйственного оборота га посевных площадей.		Самые пострадавшие государства: Китай – 35 млн.; СССР – 27 млн.; Германия – около 14 млн. человек	БССР потеряла более половины национального богатства страны. Разрушено и сожжено 209 городов и райцентров (из 270), 9200 деревень, разрушено 100, 5 тыс. предприятий, 10 тыс. колхозов, 8825 (из 12294) школ, все вузы, НИЦентры, АН БССР и т.д.

Самым пострадавшим государством и одновременно государством – победителем оказался **Советский Союз**. Вторая мировая война унесла жизни 27 млн. советских людей [9, с. 3; 10, с. 232]. Но это была Победа – великая и трагическая одновременно. После освобождения Пскова 23 июля 1944 г. перед воинами Красной Армии предстала ужасная картина: города, как такового, не существовало. Всюду были только развалины, территория города от железнодорожного вокзала до Троицкого собора просматривалась насквозь. Из имевшихся в довоенном Пскове 3 тыс. зданий было полностью разрушено 1380, остальные – полуразрушены. За годы оккупации

сохранилось лишь 15% одноэтажных зданий [5, л. 49; 25, с. 12]. Особенно сильные разрушения пришлись на центральную часть города, где были взорваны практически все здания. Были уничтожены многие промышленные предприятия, водопровод, трамвайный парк, 45 лечебных учреждений, 15 общеобразовательных и специализированных школ. Оставшиеся дома были заминированы.

Более половины своего национального богатства потеряла **Беларусь**. Каждый третий, а по некоторым данным, каждый второй житель Республики Беларусь погиб или пострадал от этой страшной войны и оккупации. В городе Витебске, например, в день освобождения в живых осталось лишь 118 человек [9; 10; 23].

В числе других наиболее пострадавших государств от Второй мировой войны оказались Китай (10 млн. 35 тыс. погибших), Польша (около 5,6 млн.), Югославия (1,8 млн.). Германия потеряла 7,5 млн., Япония – 2,6 млн. человек [3; 13, с. 548–550; 9; 10].

Таблица 2

Потери СССР	Страна (потери убитыми)
Погибло 27 млн. человек	СССР – 27 млн. человек
Уничтожено 30% нац. богатств	Германия – 13,5 млн. человек
Разрушено:	Польша – 6 млн. человек
1710 городов	Китай – 10 млн. человек
70 тыс. сел и деревень	Япония – 2,5 млн. человек
31850 заводов и фабрик	Индонезия – 2 млн. человек
1135 шахт	Югославия – 1,7 млн. человек
16 тыс. паровозов	Филиппины – 1 млн. человек
420 тыс. вагонов	Франция – 600 тыс. человек
65 тыс. км железнодорож. путей	Англия – 375 тыс. человек
Выведено из с/х оборота:	США – 300 тыс. человек
36,8 млн. га посевных площадей	

Главный урок обеих разрушительных войн XX века может быть только один – подобных войн, как и войн вообще, допускать категорически нельзя. К сожалению, история свидетельствует об обратном. Если взять период от заключения Амфикионова трактата (первый в истории мирный договор между воюющими сторонами) в 1496 г. до н. э. по 1861 г., то есть временной отрезок в 3 357 лет, то на 227 лет мира приходится 3 130 лет войны или 1 год мира на 13 лет войны. К сожалению, государства больше воевали друг с другом, чем жили в мире.

Главное историческое значение и глобально-геополитическое последствие Второй мировой войны – это разгром фашистской Германии, крах и уничтожение германского национал-социализма, других фашистских и полуфашистских режимов, освобождение Европы и Азии

от «коричневой чумы». Решающий вклад во все это внесли народы Советского Союза, и в особенности, по словам **И.В. Сталина**, русский народ. Великая Отечественная война советского народа с германским фашизмом, советско-германский фронт и известные «10 сталинских ударов» в ходе войны на восточном фронте стали главной составляющей всей истории Второй мировой войны. Они же определили ее главные всемирно-исторические итоги и геополитические последствия [3; 13, с. 548; 9; 10].

Таблица 3

Дата	Всего войск у Германии (дивизий)	На советско-германском фронте	в %	Другие фронты	в %	Оккупированные территории	в %
22.06. 1941	217	153	69,6	2	0,9	62	29,5
1.07. 1942	241	184	76,3	3	1,2	54	22,5
1.07. 1943	296	196	66,0	8	2,7	92	31,3
1.07. 1944	337	172	51,8	98	28,8	64	19,2
1.01. 1945	300	179	60,6	107	34,9	14	4,5

В годы Второй мировой войны **Советский Союз и народы СССР** продемонстрировали всему миру, что такое сильная страна и сильная армия. Известно, что на советско-германском фронте в 1941–1945 гг. было разгромлено 607 дивизий вермахта (на западном фронте фашистская Германия потеряла 176 дивизий). На восточном фронте погибло более 6 млн. солдат и офицеров вермахта (из 7,5 млн. общих потерь), было потеряно более 75 % танков и авиации. Несомненно, что всё это – свидетельство превосходства советских вооружённых сил в войне с фашистской Германией, начиная уже с 1942 г. Потери в личном составе, нанесённые вермахту на советско-германском фронте, были в 4 раза больше, чем на западноевропейском и средиземноморском театрах военных действий, вместе взятых, а по числу убитых и раненых – в 6 раз. На советско-германском фронте было задействовано до 70% всех дивизий фашистской Германии: 52–81% – орудий и миномётов, 54–67% – танков и штурмовых орудий, до 60% – самолётов. Вплоть до лета 1944 г. здесь находилось в 15–20 раз больше вражеских дивизий, чем перед войсками США и Великобритании в Северной Африке и Италии [21, с. 435; 22, с. 315–316].

На советско-германском фронте было уничтожено не менее 2/3 сухопутных сил Германии. В свою очередь, союзники нанесли поражение основным силам фашистской Италии, вели активные бомбардировки территории нацистской Германии, которые разрушали ее военно-стратегический и экономический потенциал. Он оставался весьма значительным даже в конце войны. Вплоть до середины 1944 г. выпуск вооружения, боеприпасов в Германии неуклонно возрастал, а ее способность к сопротивлению была еще не исчерпана. Только победы Красной армии, Советского Союза, руководимых И.В. Сталиным, и, в какой-то степени, высадка США и Великобритании в Нормандии помешали Германии затянуть войну, что привело бы к появлению у нее ядерного оружия. Кроме того, СССР и союзники по антигитлеровской коалиции вынесли основную тяжесть войны на Тихом океане. При этом большая часть сухопутных сил Японии была занята в Китае. О роли, которую он сыграл во Второй мировой войне, часто вообще не упоминают.

Советские войска не только отстаивали свободу и независимость своей Родины, но и участвовали в освобождении от фашистского ига 11 стран Европы, а также Северо-Восточного Китая и Северной Кореи от японской оккупации. Были восстановлены национальная независимость и территориальная целостность тех стран, которые утратили её в результате агрессии в 1930–1940-е гг. Это Австрия, Чехословакия, Албания, Польша, Югославия, Греция, Эфиопия и другие. Их границы были восстановлены или установлены с учётом ранее принятых союзниками решений. Так, Польше были переданы Силезия, Померания и часть Восточной Пруссии. Это компенсировало её отказ от Западной Украины и Западной Белоруссии в пользу Советского Союза в 1939 г. Но это уже была другая Польша. СССР получил большую часть Восточной Пруссии с Кенигсбергом (Калининградом), Закарпатскую Украину, сохранил территориальные приобретения 1940 г. – Бессарабию, республики Прибалтики, приграничные районы Финляндии с городом Выборг. Однако эта победа была оплачена огромной ценой. Как уже было сказано выше, Вторая мировая война унесла 27 млн. жизней советских людей, в том числе 11,3 млн. воинов погибли на фронтах, около 6 млн. оказались в плену, свыше 4 млн. из них были уничтожены фашистами [3; 9; 10; 13, с. 548].

Как бы ни нагтели в наши дни недобитые нашими дедами фашисты в Украине, Польше, странах Балтии, им следует помнить одно – **Победа не за ними, возмездие настигнет фашизм как тогда, в 1945 году.** В Великой войне против фашизма объединились все советские люди, независимо от национальности, кроме предателей.

Таблица 4

Национальность	Погибли за Родину*	Участников ВОВ – Героев Советского Союза**
Титульные нации союзных республик		
Русские	5 756 000	7 998
Украинцы	1 377 400	2 021
Белорусы	252 900	299
Казахи	125 500	96
Узбеки	117 900	67
Армяне	83 700	89
Грузины	79 500	90
Азербайджанцы	58 400	43
Молдаване	53 900	2
Киргизы	26 600	12
Таджики	22 900	15
Туркмены	21 300	16
Эстонцы	21 200	9
Латыши	11 600	12
Литовцы	11 600	15
Другие народы СССР		
Татары	187 700	161
Евреи	142 500	107
Мордва	63 300	63
Чуваши	63 200	45
Башкиры	31 700	38
* Даны лишь боевые потери, а также погибшие от ран и обморожений в госпиталях. Потери гражданского населения в таблице не учтены.		
** По данным МО СССР на 1 ноября 1947 года.		

Огромный вклад в победу внесло движение **Сопротивления**. Антифашисты действовали на оккупированных территориях СССР, Югославии, Польши, Франции, Бельгии, Греции, Норвегии и многих других стран. На протяжении первых лет войны Германия направляла на борьбу с партизанами на Востоке больше сил, чем против стран Запада. Интернациональным по своему характеру в годы войны являлось движение Сопротивления на территории Беларуси. Только в рядах партизан Беларуси сражались против общего врага многие интернационалисты из 13 зарубежных стран, в том числе около 2 500 поляков, более 400 чехов и словаков, свыше 200 югославов, около 100 немцев, свыше 60 французов, 81 бельгиец, 24 австрийца, 16 голландцев, 6 итальянцев. За активное участие в партизанском движении в Беларуси правительственными наградами Советского Союза отмечены по неполным данным 703 поляка, 184 словака, 36 греков, 33 чеха, 25 немцев,

24 испанца, 14 французов, 8 австрийцев, 6 югославов, 2 венгра [21, с. 66–67]. В свою очередь немало белорусов приняли активное участие в движении Сопротивления в Польше, Чехословакии, Югославии, Италии, Франции, Греции и других стран.

Важное значение для победы народов СССР над фашистской Германией имели **«второй фронт» в Европе** со стороны США и Великобритании, их материальная и техническая помощь Советскому Союзу, включая американский **«ленд-лиз»**. Поставки союзников по ленд-лизу хотя и поступали нерегулярно, и составляли лишь 4% общего объема промышленной продукции, выпускаемой в СССР, по отдельным видам техники и вооружения были значительными: 17% – по самолетам, 10,4% – по танкам и более 200 % – по автомобилям [21, с. 437].

Таблица 5

Номенклатура поставок	Произведено в СССР в 1941–1945 гг.	Поставлено по ленд-лизу	Доля импорта, %
Бронетранспортеры	0	7 172	100
Паровозы	92	1 981	95
Грузовики	265 000	375 833	58
Взрывчатка (тыс. т.)	1 700	900	52
Джипы	100 000	50 000	50
Авиационный бензин (тыс. т.)	8 091	2 670	33
Шины (тыс. шт.)	14 561	3 786	26
Истребители	60 000	13 875	18
Зенитные орудия	38 000	8 218	17,7
Бомбардировщики	18 000	3 633	17
Танки и САУ	109 100	12 755	10,4
Автомобили всех видов и марок	205000	467000	более 200

В ценах 1946 г. Америка прислала в Россию по ленд-лизу товаров на общую сумму в 13 с лишним миллиардов долларов, Великобритания – на 430 миллионов фунтов стерлингов. Суммируя все поставки по ленд-лизу, их объем в собственном советском производстве аналогичных товаров можно оценивать примерно в 25% [6, с. 11]. Война доказала, что при возникновении общей для всех угрозы народы, живущие в условиях различных политических режимов, приверженные различным системам ценностей и идеологиям, способны к сотрудничеству и взаимопониманию. Не умоляя важности западной помощи, надо все же отметить, что она не играла решающей роли. Основной поток грузов пошел в СССР только в 1943–1944 гг., объем поставок боевой техники был сравнительно не велик и не всегда высокого качества.

Историческим уроком Второй мировой войны должен стать и урок **«созидательного патриотизма»**, который исключал бы великодержавный шовинизм и радикальный национализм, неприязнь к другим нациям и народам, любые рассуждения об «элитном» или «титულльном» этносе и т.д. Самый антигуманный вариант «патриотизма» был сформирован в национал-социалистической Германии. Согласно его доктрине и планам национал-социалистического руководства Германии как «расово неполноценных», планировалось уничтожить 18 млн. славян и 11 млн. евреев. Когда удалось остановить этот страшный конвейер смерти, было уничтожено 12 и 6 млн. соответственно. Особенно страшными и бесчеловечными вариантами геноцида по отношению к мирному населению оказались план «Ост», реализованный нацистами на оккупированной части территории СССР, и «холокост» по отношению к евреям. В годы национал-социалистической диктатуры и второй мировой войны Европа покрылась сетью концентрационных лагерей, самыми страшными из которых были Освенцим, Майданек, Трешлинка, Дахау, Бухенвальд, Заксенхаузен, Равенсбрюк, Маутхаузен.

Нашим народам и государствам (и не только нашим) нужен сегодня именно «созидательный патриотизм», сердцевинной, основой которого остаются патриотические ценности и идеалы тех поколений советского народа, которые победили фашизм и спасли человечество от «коричневой чумы». Патриотизм, основанный на преувеличенных оценках истории, как и патриотизм, основанный на ложных идеалах из советского прошлого, могут оказаться политически, социально и духовно опасными для настоящего и будущего России и Беларуси, бывших республик СССР, что в Эстонии и других странах Балтии мы, к сожалению, наблюдаем в наши дни.

Вторая мировая война продемонстрировала мировому сообществу решимость навсегда покончить с фашизмом, национал-социализмом, геноцидом, расизмом и шовинизмом. Сегодня в числе самых серьезных угроз миру остаются радикальный национализм, международный терроризм и диктаторские режимы. К сожалению, оказалось, что и фашизм способен временами к ренессансу. Поэтому мировое сообщество должно обладать эффективными средствами сдерживания и наказания агрессии. И в этом плане исторические уроки Второй мировой войны и поучительны, и уникальны.

С ноября 1945 по октябрь 1946 г. в городе Нюрнберге, где ранее проводились съезды национал-социалистов, состоялся **Международный военный трибунал** – судебный процесс над лидерами фашистской Германии. К смертной казни было приговорено 12 лиц, признанных военными преступниками (Г. Геринг, Й. Риббентроп, В. Кейтель, Э. Кальтенбруннер, А. Розенберг, Г. Франк, В. Фрик, Штрейхер, А. Йодль, Ф. Заукель, А. Зейсс-Инкварт, М. Борман, заочно), 3 – к пожизненному заключению (Р. Гесс, В. Функ, Э. Редер), 4 – к различным срокам тюремного заключе-

ния (Б. Ширах, А. Шпеер, Нейрат, Денниц). Трое были оправданы (Я. Шахт, Ф. Папен, Фриче). Впоследствии оккупационные власти в Германии провели ещё ряд судебных процессов и административных расследований. Виновными были признаны около 120 тыс. человек. Большинство из них отделалось денежными штрафами и ограничениями в занятии должностей на государственной службе [9; 10; 13, с. 556–558].

Тем не менее, решения трибунала стали основой международно-правовых норм, устанавливающих ответственность политических лидеров за преступления против человечества. В ноябре 1948 г. в Токио Международный военный трибунал после судебного процесса, продолжавшегося более двух лет, вынес обвинительные приговоры в отношении 28 преступников – организаторов агрессии Японии против народов стран Азии. Семеро из них были казнены, 16 – приговорено к пожизненному заключению, двое – к меньшим срокам заключения. Всего в Японии было признано виновными 4200 человек, из них 720 были приговорены к смертельной казни. Во Франции за сотрудничество с оккупантами было привлечено к ответственности 126 тыс. человек, 11 тыс. из них были казнены, 40 тыс. отправлено в тюрьмы. Суды над коллаборационистами и местными фашистами прошли и в других странах Европы [13; с. 557–558].

На Параде Победы 9 Мая 2014 г. Президент Российской Федерации **В.В. Путин** подчеркнул: «Железная воля Советского народа, его бесстрашие и стойкость спасли Европу от рабства. Именно наша страна гнала фашистов до их логова, добилась их полного и окончательного разгрома, победила ценой миллионов жертв и страшных испытаний» [7, с. 2]. Вручая ветеранам в преддверии Дня защитника Отечества юбилейные медали «70 лет Победы в Великой Отечественной войне» в Георгиевском зале Кремля 20 февраля 2015 г. Президент Российской Федерации В.В. Путин отметил: «Ваши судьбы и подвиги – неотъемлемая часть славы России. Приняв бой в самый сложный час и в самой жестокой войне в истории человечества, вы выстояли и победили. Вы терпели лишения, жертвовали собой – и спасли Отечество. Вы выполнили высокую освободительную миссию, о которой помнит весь мир. Вы шли на фронт по велению совести, бились насмерть за каждую пядь родной земли. А уничтожив врага, также самоотверженно восстанавливали страну. Сделали её действительно великой державой. Ваш пример сплочённости, силы духа, бескорыстной отваги и готовности к работе во имя Отечества будет жить в наших сердцах. И именно к вам, у солдат – победителей, мы учимся любить Родину и гордиться ей» [16, с. 2].

Выступая на Параде в честь 65-й годовщины Великой Победы 9 мая 2010 г. Президент Республики Беларусь **А.Г. Лукашенко** заявил, что «в памяти народной навсегда останутся самоотверженность и мужество тех, кто выдержал тяжелейшие испытания и победил в самой жестокой войне прошлого столетия. Значение той Победы для всего человечества непреходяще. Она стала символом торжества жизни над смертью, свободы над рабством, гуманизма над расизмом. Воплотила в жизнь справедливое возмездие агрес-

сии и насилию. Вынесла суровую оценку безумным амбициям и идеям о мировом господстве ... Немало стран приняло участие в битве против агрессора. Но историческая правда состоит в том, что решающую роль в антифашистской борьбе сыграл Советский Союз. Именно он стал той силой, которая изменила характер Второй мировой войны, предупредила ее исход. Решила судьбу не только нашей Родины, но и многих других государств и народов, по сути – всего международного сообщества» [24, с. 1].

Во время одного из своих визитов в Санкт-Петербург в январе 2014 г. посол США в Российской Федерации **Майкл Макфол** официально заявил: «Я бы хотел выразить своё глубокое уважение ныне живущим мужественным защитникам города ... Без вашей победы в Ленинграде и в других сражениях Второй Мировой войны мировая история могла бы пойти совсем по другому пути. Спасибо вам» [14, с. 2].

Победа над фашистской Германией и ее сателлитами была достигнута совместными усилиями государств антигитлеровской коалиции, всех свободолюбивых народов [21, с. 435]. Однако объективный ход и итоги войны свидетельствовали, что все ее тяготы легли на участников антигитлеровской коалиции далеко не в одинаковой степени. Главную роль в разгроме фашистской Германии, милитаристской Японии и их союзников сыграли советский народ и его вооруженные силы [22, с. 315]. 6 марта 1942 г. президент США **Ф.Д. Рузвельт** писал: «С точки зрения большой стратегии... трудно уйти от того очевидного факта, что русские армии уничтожают больше солдат и вооружения противника, чем все остальные 25 государств Объединенных Наций, вместе взятые» [21, с. 435–436; 22, с. 316].

1. Беспалов, В.В. Правда и вымысел о победе советского народа в Великой Отечественной войне (1941–1945) / В.В. Беспалов // Социально-гуманитарные знания. – 2010. – № 1. – С. 23–34.
2. Великая Отечественная война 1941–1945 годов : в 12 т. / редкол.: С.К. Шойгу (гл. ред.) [и др.] – М. : Кучково поле, 2011–2015. – Т. 2 : Происхождение и начало войны / Ю.А. Поляков [и др.] ; редкол.: В. Г. Куликов (гл. ред.) [и др.]. – 2012. – 864 с.
3. Великая Отечественная война 1941–1945 годов : в 12 т. / редкол.: С.К. Шойгу (гл. ред.) [и др.] – М. : Кучково поле, 2011–2015. – Т. 5 : Победный финал. Завершающие операции Великой Отечественной войны в Европе. Война с Японией. – М. : Кучково поле, 2013.
4. Великая Отечественная война 1941–1945 годов : в 12 т. / редкол.: С.К. Шойгу (гл. ред.) [и др.] – М. : Кучково поле, 2011–2015. – Т. 9 : Союзники по антигитлеровской коалиции. – М. : Кучково поле, 2014.
5. Государственный архив новейшей истории Псковской области. – Ф. 1219. Оп. 1. Д. 93.
6. Залесский, С. Ленд-лиз: 25 процентов победы? / С. Залесский, С. Тучкова // Труд. – 2007. – 19 июня.
7. Известия. – 2014. – 12 мая.
8. История Второй мировой войны 1939–1945 : в 12 т. – М. : Наука, 1973–1982. – Т. 12 : Итоги и уроки Второй мировой войны. – М. : Наука, 1982. – 496 с.

9. Космач, В.А. Вторая мировая война: уроки истории и современность / В.А. Космач // Веснік Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта. – 2005. – № 2. – С. 3–8.
10. Космач, В.А. Итоги и уроки Второй мировой войны / В.А. Космач // Віцебшчына у 1941–1944 гг.: Супраціў. Вызваленне. Памяць : матэрыялы Рэсп. навук.-практ. канф., Віцебск, 18–19 чэрвеня 2009. – Віцебск : УА «ВДУ імя П.М. Машэрава», 2009. – С. 232–237.
11. Комарков, А.Ю. Военно-морской ленд-лиз для СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / А.Ю. Комарков. – СПб., 2014.
12. Кульков, Е.Н. Победа советского оружия и крах фашистской коалиции / Е.Н. Кульков // Ежегодник германской истории. 1985. – М., 1986. – С. 28–43.
13. Мировые войны XX века: в 4 кн. / Рос. акад. наук, Ин-т всеобщей истории, Асоц. историков Первой мировой войны, Асоц. историков Второй мировой войны ; сост. А.П. Жилин ; отв. ред. В.К. Шацилло. – Кн. 3 : Вторая мировая война. – М., 2002.
14. Макфол, М. Без вашей победы мировая история могла бы пойти по другому пути / М. Макфол // Невское время. – 2014. – 25 января.
15. Мединский, В.Р. Война. Мифы СССР. 1939–1945 / В.Р. Мединский. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2011.
16. Невское время. – 2015. – № 31. – 21 февраля.
17. Орлов, А.С. Ленд-лиз: взгляд через века / А.С. Орлов, В.П. Кожанов // Новая и новейшая история. – 1994. – № 3. – С. 176–194.
18. Орлов, А.С. Крушение «третьего рейха» / А.С. Орлов // Новая и новейшая история. – 2005. – № 2. – С. 3–19.
19. Путь от Эльбы до Красной площади. Взаимоотношения с союзниками по антигитлеровской коалиции спустя 65 лет после Победы // Московская неделя. – 2010. – № 85. – С. 12–13.
20. Ржешевский, О.А. Великая Победа советского народа / О.А. Ржешевский // Ежегодник германской истории. 1985. –1986. – С. 9–27.
21. Сёмин, В.П. История: Россия и мир : учебное пособие / В.П. Сёмин. – М.: КНОРУС, 2012.
22. Сёмин, В.П. История России : учебник / В.П. Сёмин. – М. : КНОРУС, 2013.
23. Скопцов, С.Г. Белорусская ССР в годы Великой Отечественной войны Советского Союза 1941 – 1945 гг. / С.Г. Скопцов, Д.Б. Мельцер. – Минск : БГУ им. В.И. Ленина, 1968.
24. СБ. Беларусь сегодня. – 2010. – 11 мая.
25. Филимонов, А.В. Поднятый из руин: Послевоенное восстановление и развитие Пскова (1944 – начало 1950-х гг.) / А.Ф. Филимонов. – Псков, 2008.

Корсак А.И.

ПЕРЕЗАХОРОНЕНИЕ ОСТАНКОВ ВОИНОВ КРАСНОЙ АРМИИ И ПАРТИЗАН НА ТЕРРИТОРИИ ЛИОЗНЕНСКОГО РАЙОНА ВИТЕБСКОЙ ОБЛАСТИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В этом году заканчивается Государственная программа на 2015–2020 годы по увековечению погибших при защите Отечества и сохранению памяти о жертвах войн (принята Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 4 июня 2014 г. № 534), координато-

ром которой является Министерство обороны Республики Беларусь, где в том числе внимание обращено на то, что «развитие информационных технологий, предоставляющих доступ исследователям к архивным документам, позволяет проводить работу не только по поиску неучтенных воинских захоронений, но и устанавливать информацию о погибших, числящихся в воинских захоронениях как неизвестные» [12]. До принятия Государственной программы по данным 2014 г. только по Лиозненскому району в 80 захоронениях Второй мировой войны из 29 855 увековеченных в них имен 9 617 человек имели статус «неизвестные», что составляет 32, 21% от общего количества [9]. Следует понимать, что количество увековеченных имен в захоронениях периода Великой Отечественной войны во многих случаях не соотносится с количеством захороненных в них останков.

В связи с этим на основе архивных документов Государственного архива Витебской области и официальных данных Управления по увековечению Министерства обороны Республики Беларусь на примере Лиозненского района Витебской области проанализируем процесс перезахоронения останков воинов Красной армии и партизан и учета захоронений в исторической динамике с учетом выполнения выше обозначенной Государственной программы.

На протяжении 1940-х гг. Лиозненский район неоднократно упоминался на заседаниях Бюро Витебского областного комитета КП(б)Б Витебского областного совета депутатов трудящихся, проводимых по итогам проверки состояния военных кладбищ, братских и индивидуальных могил периода Великой Отечественной войны, расположенных на территории Витебской области, не в самом лучшем виде: «в ярде случаев (в особенности в Лиозненском, Оршанском и других районах) имеют место явно недопустимое отношение к местам захоронений воинов Красной Армии и партизан, не учтены полностью могилы и имена погибших, могилы не благоустроены, холмики обвалились и заросли травой, надписи на памятниках не возобновляются, оград нет...» [5, л. 115–116], «совершенно неудовлетворительно выполнено указание Облисполкома по благоустройству могил № 48 от 21 апреля 1949 года: Богушевским, Лиозненским, Меховским и Ореховским исполкомами райсоветов депутатов трудящихся. Могилы погибших воинов Советской Армии и партизан в этих районах остаются до сих пор не благоустроены» [6, л. 91].

В 1950–1960 гг. негативная риторика о не благоустроенности воинских захоронений периода Великой Отечественной войны в контексте других районов также имела место быть [3, л. 73; 4, л. 162; 7, лл. 2, 42].

Контроль за осуществлением политики увековечения в советский период времени и сейчас осуществляется Военными районными и городскими комиссариатами, занимающие, как правило, максимально объективную позицию к данному делу. Примечательным в этом отношении является Акт от 24 июля 1956 г., составленный комиссией в составе Лиозненского райвоен-

кома подполковника Красько, старшего офицера РВК капитана Клиновского, офицера РВК ст. лейтенанта Скалозуба, заведующего Лиозненским дорожным отделом т. Агеевым, инструктором РК КПБ т. Шемелева и офицера в отставке подполковника Бельчикова, вместе с сопроводительной запиской. Приведем выдержки из данного документа: «в ряде сельских советов военные кладбища и могилы находятся в неудовлетворительном состоянии: ограды разрушены и не восстанавливаются, могилы заросли сорной травой, часть надмогильных холмиков запала, временные памятники на могилах на 70–80% пришли в ветхость, повалены и на большей части памятников надписи фамилий похороненных не сохранились и не обновляются, а в таких сельских советах как Лиозненский и Лиозненский горсовет, Выдрейский и другие часть военных кладбищ, братских и индивидуальных могил даже не взяты на учет, на большинство захороненных отсутствуют учетные данные фамилий», «перезахоронение останков погибших воинов и партизан из неудобных мест на благоустроенные военные кладбища ни в одном сельском совете не производится» [2, л. 48] и т. д. Следует отметить, что в апреле этого же года было принято решение № 32 от 4 апреля исполкома Лиозненского районного Совета депутатов трудящихся, где отмечено, что причиной сложившейся ситуации, еще до проверки со стороны районного военного комиссариата, является недооценка со стороны руководителей района «этой важнейшей работы по благоустройству и переносу кладбищ и отдельных могил погибших воинов Советской Армии и партизан по увековечению памяти павших воинов и партизан за освобождение нашей Родины от захватчиков» [2, л. 51].

После того, как эти данные были обнародованы перед Председателем Лиозненского РИК и Витебским областным военным комиссаром, дело сдвинулось в лучшую сторону.

В 1956 г. на территории Лиозненского района согласно архивным документам (выявлено 54 акта о перезахоронении) на протяжении августа – сентября активно проходил процесс перезахоронения останков из выявленных первичных мест захоронения. К примеру, по Горбовскому с/с на протяжении сентября – октября 1956 г. было осуществлено перезахоронение из 12 первичных мест захоронения: «восточнее д. Бондоры 700 м.» 15 могил, «западнее д. Бондоры 600 м.» 2 БМ и 6 ИМ, «северо-западнее д. Бондоры 1,2 км.» 3 БМ и 1 ИМ – перенесены на центральное военное кладбище в д. Выходцы [2, л. 54]; «восточнее д. Горбово-1 0,2 км.» 4 БМ, «восточнее д. Выходцы 0,5 км.» 1 ИМ, «восточнее д. Выходцы 1,5 км.» 1 ИМ – перенесены на центральное военное кладбище восточнее д. Горбово-1 0,8 км. [2, л. 56]; «южнее д. Ситно 4 км.» 22 могилы, «юго-восточнее д. Ситно 2,5 км.» 12 могил и «восточнее д. Ситно 1 км.» 2 могилы – на центральное военное кладбище д. Жуковка [2, л. 58]; «западнее д. Горбово-2 0,3 км.» 1 ИМ советского воина, «южнее д. Горбово-2 0,1 км.» 1 ИМ партизана, «в центре Барсеево» 1 ИМ капитана Красной (Советской) Армии – на военное кладбище в д. Выходцы [2, л. 60]. Общее количество перезахороненных 157 человек [2, л. 123].

Из докладной записки секретаря Витебского обкома КПБ Д. Тябута от 18 августа 1959 г. следует, что «в Лиозненском районе в текущем году (1959 г. – авт.) произведено перезахоронение останков 58 партизан и воинов из 22 военных кладбищ и могил» [7, л. 19].

Таким образом, вторая половина 1950-х гг. для Лиозненского района определяющая в плане увековечения памяти погибших и умерших от ран воинов Красной Армии и партизан в период 1941–1945 гг. посредством перезахоронения их останков из первичных мест захоронения, расположенных в «неудобных местах» (оврагах и т.д.), в специально выбранные для этого воинские захоронения (уже существующие).

Примечательно, что в дальнейших отчетных документах 1960-х гг. Лиозненский район не упоминался как отстающий в данном деле.

В дальнейшем в советское время, после того, как были на всех образованных воинских захоронениях установлены памятники, руководителям районов и городам оставалось только поддерживать их благоустройство, что в принципе и делалось на протяжении всего последующего времени и на территории Лиозненского района.

С обретением независимости Республики Беларусь отношение к захоронениям периода Великой Отечественной войны приняло новые обороты. Со стороны государства периодически выделялись деньги на реконструкцию памятников на могилах. Не исключением в этом плане является и Лиозненский район, ставший показательным в современности исправив ошибки прошлого.

Таким образом, процесс учета первичных мест захоронения, их перезахоронения и паспортизации на примере Лиозненского района в исторической динамике можно представить в виде диаграммы.

[составлена автором на основе: 6, л.151; 11; 2; 8; 9; 1].

Так, после принятия во второй половине 1940-х гг. первых нормативно-правовых документов союзного и республиканского уровней касательно увековечения памяти погибших воинов Красной армии и партизан активизировался данный процесс на местах, благодаря чему имеются первые данные о количестве учтенных воинских кладбищ, братских и индивидуальных могил. На территории Лиозненского района таковых было выявлено на момент 1949 г. общим количеством 2 143, что составляет 6,1% от общей цифры по республике (34 810 захоронений) [10, л. 64].

Далее, по причине того, что первая волна перезахоронений, характерная для всей территории Беларуси в 1948–1949 гг., в Лиозненском районе в полном масштабе произведена не была, то соответственно данные на момент 1951 г. мало отличительны от 1949 г.

А вот данные за 1956 г. резко отличаются от последних и связано это, как указывалось выше, с активизацией процесса укрупнения захоронений периода Великой Отечественной войны. Так, общее количество сократилось на 81,38%. Значит, работа была проведена соответствующим образом.

За 1960–1970 гг. данных не имеем, поэтому за основу была взята информация (выборка) из академического издания 1985 г. [8] по количеству индивидуальных, братских могил, воинских кладбищ и мест массового уничтожения мирного населения и военнопленных. Данные для сбора предоставлялись непосредственно городскими и районными отделами культуры. Доверять в полной мере данным цифрам не следует, так как по разным причинам не все захоронения были учтены в издании. Но, тем не менее, принимать их во внимание обязаны, особенно факт фиксации места массового уничтожения (в терминологии советского времени «могила жертв фашизма» на восточной окраине г. п. Лиозно на берегу р. Мошна – 1 200 человек), чего ранее не было зафиксировано в документах.

Если в 2014 г. на момент начала принятия Государственной программы в Лиозненском районе было зафиксировано 80 захоронений, то ближе к концу по данным 2019 г. на 4 захоронения больше.

Чтобы понять эффективность реализации данной программы нужно в первую очередь брать во внимание не количество могил, учетом которых на протяжении 75 лет занимались на разных уровнях, а количественные показатели по двум критериям – «неизвестные» и «известные», на что и был сделан упор в содержании самого документа. Так, по данным Управления по увековечению 2014 г. на территории Лиозненского района из общего количества увековеченных имен в 29 855 человек, из которых 20 238 известные и 9 617 неизвестные. В ходе верификации данных по различным информационным источникам (в первую очередь, обобщенному банку данных «Мемориал») на момент 2019 г. имеем следующие цифры – из общего количества в 32 011 (следует понимать разницу в счет вновь выявленных имен) человек 25 640 известных и 6 371 неизвестных [1] (сократилось на 3 246 человек).

Следует отметить, что сложно перевести из категории «неизвестные» в категорию «известные» места массового уничтожения гражданского населения (появившиеся в ходе реализации «окончательного решения еврейского вопроса» и проведения карательных операций с жертвами сожженных деревень) и военнопленных по причине отсутствия данных или ограниченного доступа к ним.

Таким образом, проведенный анализ процесса перезахоронения останков воинов Красной армии и партизан и учета захоронений в исторической динамике с учетом выполнения выше обозначенной Государственной программы показывает, что на территории Лиозненского района работа в данном направлении имела наиболее успешные свои результаты в 1950-х и 2010-х гг. На наш взгляд, самый важный момент в 1944–1949 гг., когда еще можно было относительно легко выявить первичные места захоронения, был упущен, что на сегодняшний момент усложняет решение многих вопросов, а именно соотношение количества захороненных и количества увековеченных имен в захоронениях периода Великой Отечественной войны.

1. Автоматизированный банк данных «Книга памяти» Республики Беларусь. Статистическая информация по состоянию на 10 марта 2020 г. // Управление по увековечению памяти защитников Отечества и жертв войн Министерства обороны Республики Беларусь (данные предоставлены Начальником группы управления по увековечению памяти защитников Отечества и жертв войн Вооруженных Сил Республики Беларусь).
2. Государственный архив Витебской области (далее – ГАВО). – Ф. 160. Оп. 3. Д. 96.
3. ГАВО. – Ф. 1966. Оп. 12. Д. 427.
4. ГАВО. – Ф. 1966. Оп. 12. Д. 535.
5. ГАВО. – Ф. 1966. Оп. 5. Д. 19.
6. ГАВО. – Ф. 1966. Оп. 5. Д. 65.
7. ГАВО. – Ф. 1п. Оп. 2. Д. 654а.
8. Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Віцебская вобласць / АН БССР, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору ; рэдкал.: С. В. Марцэлеў (гал. рэд.) [і інш]. – Мінск : Беларус. Сав. Энциклапедыя, 1985. – 496 с.
9. Каталог воинских захоронений на территории Беларуси. Витебская область. – Минск : Рекхауз, 2013. – 370 с.
10. Национальный архив Республики Беларусь (далее – НАРБ). – Ф. 4п. – Оп. 62. – Д. 46.
11. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 62. Д. 151.
12. Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 4 июня 2014 г. № 534 «Государственная программа на 2015 – 2020 годы по увековечению погибших при защите Отечества и сохранению памяти о жертвах войн» [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=C21400534>. – Дата доступа: 20.03.2020.

Юрчак Д.В.
ВОИНСКИЕ ЗАХОРОНЕНИЯ
ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
КАК ОБЪЕКТЫ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ:
РЕАЛИИ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В советские времена на территории Беларуси были возведены знаковые для всего СССР мемориальные комплексы, а также тысячи памятников и обелисков, которые были направлены на увековечение подвига народа. Причем именно западная часть Советского Союза, которая была оккупирована, где долгое время стоял фронт и активно развёртывалось движение сопротивления, выделяется большим количеством подобных объектов. В том числе это касается и Беларуси, где в каждом районе можно найти сотни памятников, которые напоминают нам о военных годах, героизме воинов-освободителей, партизан и подпольщиков, трагедии мирных жителей, которые так и не дождались дня Великой Победы.

Вопрос о сохранении памяти о Великой Отечественной войне стал актуальным сразу после завершения боевых действий. На белорусской земле, превращённой в руины и пепелища, находились тысячи захоронений, мест связанных с мужеством советских граждан. Для приведения всего этого в надлежащий вид необходимо было заложить правовой фундамент и выработать систему сохранения этих объектов.

Большая часть подобных памятников учитывались и охранялись в рамках законодательства в сфере культуры. С 1978 г. в БССР данная сфера была урегулирована в рамках Закона «Об охране и использовании памятников истории и культуры». Памятниками истории признавались воинские захоронения и братские могилы, произведения монументального искусства, связанные с увековечением событий Великой Отечественной войны, места расположения партизанских и подпольных групп, боев и т.д. Вместе с ними охранялись и другие памятники, например, государственным деятелям, деятелям культуры и т.д.

Таким образом, в послевоенные годы в Советском Союзе и БССР в частности проводилась значительная работа, направленная на сохранение памяти о Великой Отечественной войне, которая проявлялась в учете и благоустройстве воинских захоронений, создании мемориалов, памятников, памятных знаков, мемориальных досок как на местах захоронений, так и в местах, связанных с военными событиями. Все они учитывались как памятники истории независимо от художественных особенностей, даты создания, а главное, это никак не влияло на их поддержание в надлежащем состоянии.

Однако после распада Советского Союза в нашей стране ситуация существенно изменилась. В настоящее время в Республике Беларусь существует довольно сложная система регулирования в сфере сохранения воинских захоронений и памятников, связанных с Великой Отечественной войной. В частности, можно говорить о том, что в этой сфере широко задействованы отдельные министерства (обороны, культуры, жилищно-

коммунального хозяйства), а также местные органы власти. В некоторых случаях сферы деятельности различных министерств и ведомств пересекаются (на что представители этих ведомств не обращают внимание, но это очень заметно на местах), в других наоборот, из-за изменений законодательства некоторые объекты, связанные с Великой Отечественной войной, оказались вне правового поля.

Чтобы понять имеющиеся сложности попробуем разобраться в действующей системе. Особое место в ней отводится структурам в составе Министерства обороны Республики Беларусь, которое регулирует вопросы сохранения воинских захоронений и захоронений жертв войн. Основным документом, регламентирующим эту сферу, является Указ Президента Республики Беларусь № 109 от 24 марта 2016 г. «Об увековечении памяти о погибших при защите Отечества и сохранении памяти о жертвах войн». Государственный учет воинских захоронений и могил жертв войн возлагается на Министерство обороны и местные территориальные распорядительные органы.

Всем воинским захоронениям также может быть придан статус историко-мемориального места погребения, однако данная норма, за реализацию которой отвечает Министерство жилищно-коммунального хозяйства, из-за отсутствия конкретики в нормативно-правовом акте на практике практически не применяется.

Вопросами сохранения отдельных видов памятников занимается Министерство культуры, в компетенцию которого входят сохранение историко-культурного наследия, а также создание произведений монументального и монументально-декоративного искусства, которые увековечивают память о событиях и участниках Великой Отечественной войны.

Законодательство в этой сфере за последние годы претерпело существенные изменения. Поэтому новая система охраны объектов наследия отличается от той, которая существовала в БССР и СССР. В частности, в 1992 году Закон «Об охране историко-культурного наследия» и его последующие редакции под влиянием мирового опыта существенно изменили подход к ведению списка историко-культурных ценностей, которые пришли на смену памятником истории и культуры. Основной акцент делался не на памятники (в широком понимании этого термина), а на объекты наследия, которые обладают отличительными научными, историческими, художественными, документальными достоинствами. Под это определение никак не подходили многие памятники на воинских захоронениях, что привело к имеющимся сложностям.

До формирования нового списка продолжал действовать старый советский, который состоял из двух частей (памятники регионального и республиканского значения). Однако в соответствии с Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 19 сентября 2001 г. № 1383 облисполкомам и Минскому горисполкому было рекомендовано до 1 января 2002 отменить все решения об утверждении списков памятников истории и культуры местного значения. Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 1 сентября 2003 года №1141 был отменен советский список памятников истории и культуры республиканского значения. На тот момент по информации про-

фессора И.Э. Мартыненко в список входило 3496 объекта только республиканского значения. А памятников регионального значения было в несколько раз больше. При этом в действующем общем списке (который объединяет объекты наследия международного, республиканского и регионального значения) насчитывается всего около 5,7 тысяч ценностей.

В результате этих шагов ранее существующие памятники истории оказались вне правового поля и никак не учитывались ни на республиканском, ни на местном уровне. Только в Витебской области по состоянию на начало 1990-х годов насчитывалось 2278 памятников истории регионального значения. Абсолютное большинство из них – это воинские захоронения и памятники, связанные с Великой Отечественной войной.

В соответствии с действующим законодательством в Государственном списке историко-культурных ценностей Республики Беларусь в Витебской области всего 259 памятников истории. Из них воинские захоронения составляют 244 объекта наследия. То есть уместно говорить о сокращении их числа как минимум в 9 раз.

Исчезли из списка многочисленные памятники и памятные знаки историческим личностям, мемориальные доски, памятные места. В частности, вне списка оказались памятники М.Ф. Шмырёву и В.З. Хоружей в Витебске, памятники Л.М. Доватору в д. Хотино и г.п. Ула Бешенковичского района, Курган Дружбы в Верхнедвинском районе, памятник детям М.Ф. Шмырёва в Витебском районе и большая часть других знаковых объектов, которым уделяется большое внимание со стороны местных властей, но они остались без государственного учета и правовой регламентации.

Значительная часть из них не может претендовать на статус историко-культурных ценностей, так как не обладают отличительными научными, историческими, художественными, документальными достоинствами. А главное, с момента их создания не прошло 40 лет (условие закреплено в п. 2 ст. 92 Кодекса Республики Беларусь о культуре).

В качестве иллюстрации можно привести статистику по некоторым районам Витебской области, чтобы увидеть какое количество разнообразных мемориальных объектов осталась «вне закона».

Район	Всего объектов в Списке по состоянию на 1985 г.	В том числе, связанных с Великой Отечественной войной	Всего объектов в Списке по состоянию на 2020 г.	В том числе, связанных с Великой Отечественной войной
Бешенковичский	97	67	31	9
Витебский	185	151	54	29
Городокский	184	141	49	27
Лиозненский	131	108	24	24
Оршаский	217	109	45	10
Сенненский	98	56	19	7
Шумилинский	85	70	30	19

Такая же картина наблюдается и в других областях республики, что позволяет говорить о серьезности проблемы, которая не такая простая и имеет две составляющие:

- 1) нахождение воинских захоронений в действующем Государственном списке историко-культурных ценностей ведет к их двойному учету;
- 2) из-за изменения законодательства многие из них оказались вообще вне правового поля.

В рамках данной работы постараемся сконцентрировать внимание на первой из проблем, предложив варианты решения имеющихся противоречий.

Почему вопрос о двойном учёте настолько актуальный сейчас? Во-первых, включение воинских захоронений в Государственный список историко-культурных ценностей Республики Беларусь требует дополнительных затрат на изготовление паспорта (до 1500 рублей на объект), охранной доски (есть ли в ней необходимость при наличии учетной знаку воинского захоронения?), зон охраны (самая затратная часть, так как предусматривает оплату работ проектных организаций). Всё это создает значительные сложности и существенно увеличивает стоимость многих работ по реконструкции воинских захоронений, проведению текущего ремонта и нанесения имен погибших, установленных поисковиками. При проведении любых работ на объектах необходимо дополнительно оплачивать работу аттестованных специалистов, которые могут курировать проведение работ на историко-культурных ценностях, потом ждать согласования документов в Министерстве культуры. А это всё деньги и время! Те деньги, которые могли бы быть направлены на иные благие цели.

Во-вторых, нужно учитывать и моральный аспект. Почему захоронения одних бойцов, погибших за свободу Отечества, относятся к историко-культурным ценностям, а другие нет? Они вместе погибли, сражаясь за нашу свободу, нашу жизнь, а мы их сегодня так делим. А ведь они одинаково своими жизнями заплатили за мирное небо над нашей землёй, и где-то там, на небесах, они все раны!

Почему же всё так получилось? Откуда такая несправедливость? Все дело в том, что при формировании нового Государственного списка на местах не существовало единого подхода. В каждом районе на свой лад подходили к этому вопросу. Доходило местами до анекдотичных ситуаций. В частности, в г.п. Боровуха-1 (сейчас микрорайон в г. Новополоцке) было два абсолютно однотипных воинских захоронения с одинаковыми типовыми памятными знаками. В итоге, один из них был включён в Государственный список историко-культурных ценностей и до сих пор там остаётся, а второй нет.

В Министерстве культуры и Министерстве обороны чаще всего не видят проблему, так как ведут отдельные учёты своих объектов. Но проблема очевидна на местах. В районах очень часто сознательно идут на нарушение законодательства об охране историко-культурного наследия, с целью уменьшения стоимости проведения работ на воинских захоронениях, являющихся

историко-культурными ценностями. И это крайне негативная тенденция. Поэтому власти на местах готовы поддержать инициативу исключения большинства воинских захоронений из Государственного списка историко-культурных ценностей, так как это упростит их работу и позволит сэкономить значительные средства.

Правда, нужно сделать оговорку. Не во всех районах этот вопрос настолько актуален. Ведь в Витебской области есть регионы, которые когда-то взвешено подошли к вопросу и не стали массово включать воинские захоронения в Государственный список историко-культурных ценностей. В итоге в Чашникском районе всего одно воинское захоронение является историко-культурной ценностью, в Толочинском районе – 2, Глубокском – 3. В то же время есть Полоцкий район, где соответствующий статус имеет 38 объектов. И большее число районов относится ко второй группе.

Двойной учёт воинских захоронений, который существует на данный момент (при условии возможного придания статуса историко-мемориальных мест погребения даже тройной), связанных с Великой Отечественной войной, на наш взгляд, является излишне сложным и неоправданным. На реализацию всех норм законодательства приходится тратить лишние финансовые и человеческие ресурсы (через дублирование работы специалистов на местах).

С целью минимизации двойного (тройного) учёта необходимо взять за основу один из существующих учётных списков. Наиболее точным и полным видится учёт воинских захоронений местными властями и военкоматами в соответствии с Положением об увековечении памяти о погибших при защите Отечества и сохранению памяти о жертвах войн, утвержденного Указом Президента Республики Беларусь от 24 марта 2016 г. № 109.

При этом необходимо из Государственного списка историко-культурных ценностей Республики Беларусь исключить почти все воинские захоронения. Это существенно упростит ситуацию на местах. В Государственном списке можно оставить только мемориальные комплексы и наиболее знаковые военные захоронения, на которых установлены авторские произведения монументального искусства, либо они расположены на месте наиболее значимых военных операций и представляют целостный архитектурный комплекс и т.д. (не более 5–10% от включённых на данный момент). В условиях постоянной и пристального внимания со стороны местных органов власти и общественности к воинским захоронениям, их учёта по линии Министерства обороны, наличия паспортов установленной формы, ответственности за противоправные действия в отношении подобного рода объектов, нет необходимости в двойном учёте.

Вместе с тем, для их исключения из Государственного списка необходимо внесение изменений в Кодекс Республики Беларусь о культуре, что позволило бы определить правовую основу для этого, которая на данный момент отсутствует. Такое предложение в конце 2019 года было внесено

управлением культуры Витебского облисполкома в рамках комплексных предложений по изменению Кодекса.

Стоит обратить внимание и на тот факт, что большая часть содержащихся в Государственном списке историко-культурных ценностей воинских захоронений периода Великой Отечественной войны совершенно не соответствуют критериям, предъявляемым к историко-культурным ценностям. Из-за чего на данный момент они просто не были бы признаны историко-культурными ценностями в соответствии с в п. 1–2 ст. 92 Кодекса Республики Беларусь о культуре.

Альтернативной формой охраны и без учёта всех воинских захоронений может стать придание им статуса историко-мемориальных мест погребения (вместо статуса историко-культурных ценностей). Это бы позволило сохранить за ними высокий статус (что важно для формирования положительного общественного мнения при оптимизации учёта), но не тратить деньги на изготовление паспортов, охранных зон, охранных досок (последние часто портят вид памятника). При этом сохраниться другой «двойной учёт», но он не будет таким затратным и позволит проводить работы по текущему ремонту и реконструкции в рабочем порядке.

При этом в данном вопросе также необходимо совершенствование законодательства, путем внесения дополнений в постановление Совета Министров Республики Беларусь от 18 августа 2015 г. № 699 и другие нормативно-правовые акты.

В частности, часть вторую статьи 16 Закона Республики Беларусь от 12 ноября 2001 года «О погребении и похоронном деле» необходимо изложить в следующей редакции: «Месту погребения либо его части может быть присвоен статус историко-мемориального места погребения в порядке и на условиях, установленных Советом Министров Республики Беларусь». Такая формулировка позволит присваивать статус историко-мемориального места погребения не только кладбищу полностью, но и их структурным частям, включая отдельные захоронения. Потому что нет оснований из-за одного братского захоронения или индивидуальной могилы военного, расположенных на действующем кладбище, расширять статус историко-мемориального места погребения на кладбище полностью.

Кроме того, необходимо часть первую статьи 16 Закона Республики Беларусь от 12 ноября 2001 года «О погребении и похоронном деле» дополнить пунктом: «старинные кладбища, воинские захоронения и захоронения жертв войн, созданные до принятия отечественного законодательства по вопросу погребения и похоронного дела, полностью либо частично сохранившиеся до настоящего времени».

Это позволит при необходимости придавать статус историко-мемориальных мест погребения всем старинным кладбищам, воинским захоронениям и другим объектам, не являющимся до сих пор официально «местами погребения», так как появились они задолго до разработки существующего законодательства и их существование является свершившимся фактом.

При этом может возникнуть другое предложение: а давайте всем воинским захоронениям придадим статус историко-культурных ценностей. Тем самым, всех уравнием. Этого, к сожалению, сделать невозможно! Во-первых, они не соответствуют критериям, предъявляемым к историко-культурным ценностям, о чём уже говорилось выше. Во-вторых, это очень дорого, и тратить исключительно ради звучного статуса большие средства нет необходимости.

Не будет ли лишение статуса историко-культурной ценности проявлением неуважения к Воинам-Освободителям и понижением статуса захоронений? При условии внесения изменений в действующее законодательство никакого понижения статуса не будет. Для этого достаточно в ст. 66 Кодекса Республики Беларусь о культуре добавить отдельный пункт, «2.4. воінскія пахаванні і гісторыка-мемарыяльныя месцы пахаванняў». Тем самым, все воинские захоронения и историко-мемориальные места погребений (или только воинские захоронения) юридически будут считаться «культурными ценностями» Республики Беларусь. То есть будут иметь одинаковый статус с историко-культурными ценностями, предметами музейного, библиотечного и архивного фонда. Это будет подчеркивать их значимость и особый статус для нашей культуры и истории.

Тем самым, в настоящее время в вопросах сохранения памятников истории, связанных с Великой Отечественной войной, и воинских захоронений имеются некоторые сложности, что обусловлено запутанностью действующего законодательства. Однако, путём внесения некоторых изменений можно существенно упростить ситуацию, чётко определив высокий статус этого вида объектов наследия и сэкономив значительные средства на местах.

Брижицкая С.А.

МОГИЛА И МУЗЕЙ ТАРАСА ШЕВЧЕНКО В КАНЕВЕ В 1941–1944 гг.: ГУМАНИТАРНЫЙ АСПЕКТ

18 июня 1939 г. на Чернечей (теперь Тарасовой горе) в Каневе были торжественно открыты памятник на могиле Тараса Шевченко (скульптор М. Манизер, архитектор Е. Левинсон) и здание музея Тараса Шевченко (архитектор В. Кричевский). Это знаменательное событие было приурочено к 125-летию со дня рождения Кобзаря.

9 июня 1939 г. правительственная комиссия разрешила открыть экспозицию музея. Экспонаты раскрывали жизненный и творческий путь Тараса Шевченко, чествование его памяти народами СССР, популяризацию его наследия в культуре и искусстве. Тогдашний директор музея Шевченко В.А. Коваленко вспоминал, как в январе 1938 г. по решению ЦК КП Украины и Совета Министров была создана комиссия по написанию тематико-экспозиционного плана музея Шевченко. Комиссия давала творческие заказы художникам Украины, Москвы, Ленинграда на создание кар-

тин, связанных с жизнью и творчеством Т.Г. Шевченко, привлекала лучших художников-копиистов, которые работали в Харьковской картинной галерее для написания копий художественных произведений Шевченко. Огромный труд был вложен работниками Киевских художественных мастерских в изготовление десятков тематических гобеленов и ваз. Неоценённая помощь была представлена при создании экспозиции музея Академией наук УССР, Институтом им. Т.Г. Шевченко АН УССР, Союдами писателей, композиторов УССР, театрами, которые передали в дар музею не одну тысячу книг, журналов, изданных до октября 1917 г., фотокопии произведений Шевченко, разных документов, связанных с жизнью и деятельностью поэта. В экспозиции было представлено более трёх тысяч экспонатов [8]. «Музей выглядит, как столичное художественное заведение», – так, оценил экспозицию Г. Линчевский, искусствовед, журналист 22 июня 1941 г. [15, с. 27]. В этот воскресный день в музее было около 200 посетителей. Евдокия Стецюк, работавшая тогда в музее экскурсоводом, вспоминала (перевод на русский язык. – С.Б.): «В первый день войны пришло много пароходов из Киева, было много экскурсий. А потом кто-то как закричит. Что такое? Война. То все побежал под гору к пароходам, ведь дома остались семьи. И в музее стало пусто. Тогда и мы заревели...» [9, с. 1].

В «Книге записей отзывов и предложений» за период с 22 июня до 25 июля 1941 г. сохранилось 27 записей посетителей (на украинском и русском языках), в которых они дают свою оценку началу войны. 22 июня экскурсант из Киева А.Т. Духота записал: «... выходя из музея, мы услышали страшную весть: германские самолёты бомбардировали наши города, Киев, Житомир... Мы всеми силами будем защищать свою родную землю. Врагу не пройти!!!» [15, с. 26]. На могиле Шевченко воины клянутся, что не дадут топтать гитлеровцам родной земли.

Бои на Каневском плацдарме шли очень ожесточённые. Ф. Гальдер, начальник генерального штаба вермахта записал в своём дневнике, что с 01 по 16 августа под Каневом было использовано такое количество боеприпасов, какое предвиделось всем планом «Барбаросса» [5, с. 7]. Враг оккупировал город 15 августа 1941 г.

Музей Шевченко работал как музей во время войны два года – с 1941-го по 1942-й. Фонды не были эвакуированы.

О том, как хозяйничали в оккупированном музее, гитлеровцы рассказал в своих воспоминаниях свидетель Иван Яковлевич Цэрэх, австриец по происхождению, хорошо владевший русским и немецким языками. Ещё с осени 1936 г. он работал цветоводом на музее Шевченко. Его воспоминания воспринимаются как хроника событий (перевод на русский язык. – С.Б.): «Впервые увидел я немцев возле Чернечьей горы 21 августа 1941 г. ...поднимаются по ступенькам на гору немцы, топают сапогами, громко смеются... Впереди всех важно идёт высокий худой немец в пенсне. Я потом узнал, это был корсунский гебитскомиссар Лорманн со своей граб-

комиссией. Ходят вокруг могильной плиты, в вазы для цветов тыкают свои сигареты-вонючки... Потом пошли к музею... Выломали немцы дверь, зашли. А там так хорошо – чисто, светло, всё сияет. Начался обход. Лорманн поспешно ходил по залах, как хозяин, алчно осматривая из-под пенсне всё богатство музея. И то, что ему понравилось, тянули в кучу. Большие картины... всего одиннадцать картин – сорвали со стен. Отобрал Лорманн также одиннадцать резных кресел, радиоприёмник, арифмометр и много иных предметов. Всё награбленное немцы снесли вниз, погрузили на машины и отъехали... Через несколько дней второй негодяй приехал на Чернечью гору – каневский комендант Кребель. Пробыл в музее он недолго и вывез в своей машине фарфоровые сервизы, вазы, ковры, гардины. А потом стаями и поодиночке появлялись в музее немецкие солдаты, набивали сумки и вещевые мешки ценными предметами, пьянствовали, бесчинствовали. Лорманн приезжал из Корсуня раз двадцать, и после каждого его приезда опустошались залы музея и нагруженные до верха машины вывозили ценные картины и дорогую мебель» [16, с. 403–404].

Директором музея в оккупацию работал каневский житель Д.В. Лебедко (1901–1948) (впоследствии, 6 июня 1944 г., был арестован органами НКВД, осуждён на 15 лет лишения свободы с конфискацией имущества, наказание отбывал в Норильске, где и умер в 1948 г.). В штате музея были экскурсоводы (известны имена двоих – Лаврентия Чумаченко и Виктора Бойко) и технический персонал из жителей ближайших к Чернечьей горы улиц (10 человек). Работники заповедника содержали могилу Шевченко, музей и территорию в чистоте и порядке, как и до войны. Содержательные воспоминания об этом оставила цветовод А.С. Мазуркевич [6, с. 11].

В сентябре 1943 г., когда линия фронта подошла к Днепру, на Чернечьей горе появились эсэсовцы. Они расселились в соседних домах, предварительно выгнав всё население подальше от Днепра. Гитлеровцы превратили музей Шевченко в трудовой лагерь, который тут функционировал с сентября 1943 г. по январь 1944 г.

После проведения облав в Каневе и сёлах района, нацисты и полицаи привозили на телегах и сгоняли в музей, главным образом, детей 13–14 лет, юношей и девушек 15–17 лет. Были тут и люди старшего возраста – военнопленные, матери, которые шли сюда вместо своих детей. Ночью, во время ведения боёв, под свист пуль, они строили оборонительные сооружения (копы, траншеи, блиндажи, бункеры) на линии фронта вдоль правого берега Днепра. Были случаи тяжелых ранений детей, которые заканчивались смертью. Работали в любую погоду. На работу гнали небольшими группами по 12–15 человек в сопровождении конвоиров и собак. Существовала норма: за ночь один человек должен был выкопать окоп длиной в пять метров. За невыполнение нормы или неудовлетворительное выполнение работы, по мнению надзирателя, заключенные подвергались моральным и физическим издевательствам: их били нагайками из прово-

локи, резиновыми плётками. После того, как начались побег, гитлеровцы усилили суровость режима: оградил здание музея колючей проволокой в два ряда, в середине бегали овчарки, снаружи ходила охрана с автоматами. В залах музея была устроена конюшня и военная кухня. Среди охранников музея были не только немцы, а и представители иных национальностей: румыны, поляки, «югославы», чехи.

Кормили заключенных один раз в сутки, плохо, так, чтобы не умерли, а именно: картофелем, сваренным в кожуре, гнилой капустой, гороховым супом с букашками, похлёбкой в которой попадались мыши, крысы, лягушки; хлеб давали только 1–2 раза в неделю маленькими кусочками. Еду готовили немцы. Заключенные носили воду из Меланчиного потока. Многие этим пользовались для того, чтобы убежать. Но если их ловили, то били и закрывали в комнату без окон.

Культура – это внешнее проявление характера человека. Когда заключенные начали прибывать в музей, то он уже был опустошен оккупантами: экспозиция разрушена и разграблена, скульптура разбита, везде валялись книги и мусор. «Больно было смотреть, когда немец-повар разжигал печь котла кухни прекрасными, неповторимыми картинами... когда немцы использовали катрины и скульптуры, как мишени» [14, с. 263] (перевод на русский язык. – С.Б.), – вспоминал бывший заключённый Н.А. Билопол. Цветовод Цэрэх (по прозвищу дед Фуфайка) свидетельствовал: «Денщики растягивали по офицерских блиндажах ковры, вытканые руками искуснейших украинских мастеров, полотнами ценных картин завешивали окна домов, покрывали спины лошадей. А книгами разжигали печи» [16, с. 403–404]. Бывшая заключенная Мария Слинько рассказывала (перевод на русский язык. – С.Б.): «Каторжной была работа на строительстве укреплений, но ещё страшнее были ночи в лагере. Пьяные крики, стрельба, разбой не утихали в музее до самого утра. Особенно свирепствовал комендант лагеря Фукс. Бил палкой, стрелял без разбора...» [4, с. 13].

Ольга Стокиз, бывший экскурсовод музея, которая в начале октября 1943 г. несколько часов провела в трудовом лагере, была поражена увиденным: «Вся территория... возле музея была устлана экспонатами, книгами, рваными полотнищами со следами масляной краски на них, газетами, бумагой. Всё было порвано, грязное, стоптано подковами грязных сапог и лошадей... Под стенами [в библиотеке. – С.Б.] сидели и лежали молодые женщины, очень замученные, утомлённые...» [10, с. 1–2], «...я была там, где библиотека... за барьерчиком..., берлога не берлога и вши по барьерчику лазили» [11, с. 1].

Пять недель была осенью 1943 г. на подневольных работах в лагере Харита Груша. Больше всего ей запомнилось, что «вшей было много» [7, с. 5].

В 1992 г. научные сотрудники Шевченковского национального заповедника осуществили поисковую экспедицию в Каневе и районе и установили, что в трудовом лагере содержалось до 200 человек. Многие из них не вернулись из заключения или умерли после войны. Удалось установить

имена 120 человек и записать воспоминания, тех из них, которые выжил благодаря побегам. Сбежавшие молодые люди вернулись домой морально раздавленные, с подорванным здоровьем и клеймом пленного, что ограничивало их гражданские права. Те из них, кому удалось бежать, пережили внутреннее возрождение, которое происходит внутри нас каждое мгновение, оживает внутри со всей яркостью и непреложностью. Те, кого поймали – столкнулись со смертью как с реальной силой: нацисты их расстреливали во время облав.

В 2003 г. решением правления Федерального фонда «Память, ответственность и будущее» (Киев) в перечень мест заключения был добавлен Трудовой лагерь в мемориале поэта Шевченко в Каневе, Киевская область (сентябрь 1943 г. – январь 1944 г.). За этим решением около тридцати бывших заключённых лагеря получили статус жертв войны и право на соответствующие льготы и компенсацию от правительства Германии.

В 2008 г. была издана книга «За колючим дротом» («За колючей проволокой»), в которой представлены воспоминания бывших заключённых трудового лагеря. Эти воспоминания, не только бесценный источник исторической информации, но и душа каждого отдельного человека, с её ощущением, пониманием, оценкой происшедшего. Читая их, чувствуешь, как каждый момент жизни юных пленных в трудовом лагере был наполнен страданиями, а ежесекундный самоконтроль многим спасал жизнь. Каждый из этих молодых юношей и девушек воспринял в своём сознании фактор ареста и нахождения в трудовом лагере крайне тревожно, пессимистично и с невротическим страхом.

206-я стрелечья дивизия освободила Канев 31 января 1944 г. А уже 28 февраля 1944 года был составлен Акт государственной комиссии, в котором на 10 страницах изложен перечень совершенного нацистами на Чернечьей горе: «...осталось в музее после хозяйствования взбесившихся псов Гитлера 10 экспонатов; остальные экспонаты (более 2 тысяч) были вывезены, уничтожены или повреждены... Многие картины использовались фашистами для портянок и подстилок в блиндажах и казармах... Уничтожено 9 вспомогательных домов, отель со всем имуществом и двумя сараями, повреждены ступени на Чернечью гору. Уничтожено 800 деревьев на территории заповедника. Всего разграблено и уничтожено немецко-фашистскими оккупантами имущества и экспонатов на сумму 2913677 руб.» [3, с. 1].

Благодаря нюху собаки-бойца Джульбарса, сапёры штурмовой инженерно-сапёрной 14 бригады разминировали могилу Тараса Шевченка. За время войны этот пёс обнаружил более 7 тысяч снарядов. Стал почётным участником парада Победы. Из-за полученных ранений пёс не мог самостоятельно шефствовать. Собаку-героя с перебинтованными лапами пронесли по Красной площади в шинели верховного главнокомандующего [13].

Об освобождении Тарасовой горы писали воевавшие писатели, военные корреспонденты: Борис Полевой, Дмитрий Косарик, Сергей Смирнов, Андрей Малышко [1, с. 236–237]. О возложении венка из хвои на могилу

Шевченко рассказал в своей статье «Партизанский венок» в журнале «Памятники Украины» А. Радченко, бывший боец партизанского отряда «Батя» [12, с. 46–47].

Военный фотокорреспондент Яков Давидзон вспоминал, как он прилетал на самолёте У-2 из Киева в Канев в один из зимних дней 1944 г., когда ещё шли бои под Тарасовой горой, по специальному заданию для того чтобы «сделать съёмку на Чернечьей горе, чтобы засвидетельствовать злодеяния гитлеровских варваров»: «...Трудно представить картину, которую я увидел. Скульптуры все до одной были перебиты. Книги, картины искромсаны и разбросаны, везде царил хаос. Всё это я запечатлел на плёнку. Стрельба не утихала. Самолёт взял курс на Киев. Домой мы прилетели, когда стемнело. В этот же вечер проявил плёнку. Назавтра газета «Радянська Україна» опубликовала целую полосу материалов и фотографий обвиняющих гитлеровцев в ещё одном акте вандализма» [2, с. 46–48].

В фондах Шевченковского национального заповедника хранится 16 фото, которые свидетельствуют о состоянии музея и могилы Шевченко после освобождения от гитлеровцев. Но, к сожалению, нет, ни одного документального фильма на эту тему. Поэтому автор статьи благодарит Сергея Бовкуна, журналиста из Житомира за содействие в получении в 2019 г. из фондов Государственного кинофотофоно архива Украины имени Г.С. Пшеничного документального фильма «1944 рік» (Арх № 2187), а так же за создание к нему титров и за озвучивание (наложена песня «Ревёт и стонет Днепр широкий» в исполнении Академического ансамбля песни и пляски имени А.В. Александрова). Фильм «1944 рік» смонтирован на Центральной студии документальных фильмов в марте 1944 г. Оператор фильма Н. Быков. Съёмка была произведена в феврале 1944 г. во время полёта самолёта над Каневом, а также на Тарасовой горе и в музее Шевченко. Кадры кинохроники подтверждают рассказы свидетелей о тех бесчинства, которые сотворили гитлеровцы на этом святом, для многих посетителей, месте. Следовательно, бесценный сюжет кинохроники возвращён из небытия и может быть задействован в экспозиционной и других формах музейной и научно-просветительской работы.

Таким образом, изложенное в этой статье ещё раз даёт основание осудить власть нацистской Германии как преступную, античеловеческую, антиукраинскую, антигуманитарную и антигуманную. Гитлеровцы могли бы и не превращать это место памяти в трудовой лагерь, но тогда бы они не были бы нацистами, какими запомнила их история.

Из свидетельств заключенных трудового лагеря следует, что каждый из них остро чувствовал реальность вещей, реальность отношений, в которые он попал вопреки желанию, каждой клеточкой своего существования. Все боялись неизвестности и отрицательных переживаний. Все боялись смерти. Молодым людям сложно было спокойно смотреть в направлении неизбежной смерти и одновременно повышать скорость своего устремле-

ния к побегу. Наука победы над смертью заключается так же в способности человека встретить свою смерть достойно. Но это очень сложно для человека молодых лет. Процесс разрушения, непрерывно происходящий в человеческом организме, психике и всей жизни, имел у них свой источник и своего хозяина. И это не стёрлось из их памяти. Надеюсь, что эти воспоминания и всё вышеизложенное в статье помогут сохранить и донести грядущим поколениям объективное ощущение отечественной истории.

1. Буренко, І.Н. Канів у ІІ Світовій війні / І.Н. Буренко, В.В. Лепський. – Черкаси : вид. Андрощук П.С., 2019. – 436 с.
2. Давидзон, Я.Б. Незабываемое: Фотокнига [Текст] / Сост., макет и худож. оформил И. Семенюка / Я.Б. Давидзон. – К. : Мистецтво, 1982. – 111 с.
3. Акт Державної комісії від 28 лютого 1944 // Державний архів Київської області. – Ф. Радянський 4322. Оп. 1. Д. 1. Л. 810.
4. За колючим дротом : музей Тараса Шевченка в Каневі в роки німецько-фашистської окупації / упоряд. Р.В. Танана, О.В. Білокінь. – Черкаси : Вид. ПП Кандич С.Г., 2008. – 104 с.
5. Мельниченко, В. Книга правди і пам'яті / В. Мельниченко // Не підлягає забуттю : нацистський окупаційний режим на Черкащині (1941–1944) : збірник наукових статей, документів, матеріалів та спогадів / О.А. Воронкіна; упоряд. В.М. Мельниченко, Т.А. Клименко, Г.М. Голиш. – Черкаси : Вертикаль, 2013. – 366 с.
6. Спогади Ганни Степанівни Мазуркевич про Тарасову гору років війни 1941–45 рр. (розшифровка магнітного запису від 23 бер. 1991 р.) // Науковий архів Шевченківського національного заповідника. – Ф. 29. Оп. 1. Спр. 25. – 14 арк.
7. Спогади Груши Харитини Яківни про перебування в музеї восени 1943 р. // Науковий архів Шевченківського національного заповідника. – Ф. 29. Оп. 1. Спр. 28. – 7 арк.
8. Спогади директора музею Коваленка В. О. 1936–1941 рр. (Зібрані в 1969 році) // Науковий архів Шевченківського національного заповідника. – Ф. 29. Оп. 1. Спр. 7. – 104 арк.
9. Із спогадів Євдокії Стецюк про музей і Канів довоєнних років // Науковий архів Шевченківського національного заповідника. – Ф. 29. Оп. 1. Спр. 30. – 2 арк.
10. Спогади колишнього екскурсовода музею Т.Г. Шевченка О.Т. Стокіз (жовтень 1943 р. та 1944, 1945 рр.) // Науковий архів Шевченківського національного заповідника. – Ф. 29. Оп. 1. Спр. 24. – 5 арк.
11. Спогади Стокіз Ольги Тимофіївни про музей та Канів довоєнних і повоєнних років // Науковий архів Шевченківського національного заповідника. – Ф. 29. Оп. 1. Спр. 31. – 12 арк.
12. Радченко, О. Партизанський вінок / О. Радченко // Пам'ятники України. – 1972. – № 2. – С. 44–47.
13. Слова на песке [Электронный ресурс] // Вещдок. Особый случай. По ту сторону фронта. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=UxpVDG8gEIg>. – Дата доступа: 19.03.2020.
14. Танана, Р.В. Музей Кобзаря у Каневі в роки фашистської окупації / Р.В. Танана // Черкащина в контексті історії України : матеріали Другої науково-краєзнавчої конференції Черкащини, присвяченої 60-річчю Перемоги у Великій Вітчизняній війні 1941–1945 рр. – Черкаси : «Ваш дім», видавець ПП Дикий О.О., 2005. – С. 258–264.

15. Фонди Шевченківського національного заповідника. – Книга запису вражень та пропозицій. Державний заповідник «Могила Т.Г. Шевченка». Канів–1941 рік. – 40 с. (20 арк.) – КН -21810/А-188.
16. Церех, І.Я. Я свідчу / І.Я. Церех // Тарас Шевченко: документи і матеріали. 1814–1963 / под ред. С.Д. Пількевич. – К. : Державне видавництво політичної літератури УРСР, 1963. – С. 403–404.

Давидовская О.Н.

**«ВИТЕБСКАЯ ОБЛАСТЬ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЫ» (О ПЕРВОЙ ПОСЛЕВОЕННОЙ ВЫСТАВКЕ
ВИТЕБСКОГО ОБЛАСТНОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ)**

Витебский областной краеведческий музей (ВОКМ) – один из старейших и богатейших в Беларуси. Он был основан в 1918 г. на основе частной коллекции А.Р. Бродовского, насчитывающей около 10 тысяч предметов. На сегодняшний день в фондах музея – более 220 тысяч музейных предметов. Пополнение музейного собрания осуществлялось на протяжении всего периода существования учреждения, за исключением периода немецко-фашистской оккупации 1941–1944 гг. В эти годы музею пришлось пережить тяжелые испытания.

За несколько дней до захвата Витебска немцами, 7 июля 1941 г., большая часть музейных предметов была погружена в товарный вагон и вместе с фондами художественной галереи Ю.М. Пэна отправлена в эвакуацию в Саратов. Часть фондового собрания осталась в оккупированном городе. В здании музея (бывшей городской ратуше) новые власти разместили радиоузел, казарму солдат-связистов, в нижнем этаже – кинозал для немцев. По свидетельству очевидцев, часть музейных экспонатов, оставшихся в здании, была выброшена на улицу, где их подбирали местные жители. Остатки музейных фондов были перенесены в помещения библиотеки (она находилась в пристройке к ратуше со стороны ул. Суворова). Наиболее ценные предметы в конце 1942 – начале 1943 гг. немцы вывезли в Ригу. То, что не было вывезено, предположительно было перемещено в здание телеграфа по ул. Толстого, где их и обнаружили музейные работники после освобождения.

26 июня 1944 г. Витебск был освобожден от немецко-фашистских захватчиков. В числе первых восстановивших работу учреждений был Витебский исторический музей (так в то время именовался ВОКМ) – первый приказ, возвещающий о начале его работы, подписан 3 июля 1944 г. исполняющим обязанности директора Н.В. Кочетовым [4].

Перед сотрудниками стояли следующие задачи: реэвакуация музейных предметов из Саратова; возврат предметов, вывезенных в Ригу; учет и систематизация предметов, находившихся в годы оккупации в Витебске; подготовка музея к открытию и сбор материала для первой послевоенной

экспозиции (выставки). Кроме того, часть сил и средств шла на ремонтные работы в здании, где помимо музея находилась телефонная станция.

Согласно первому послевоенному плану работы учреждения, в нем предполагалось открыть следующие отделы: 1) историческое прошлое Витебщины, 2) советский Витебск, 3) Витебская область в годы Великой Отечественной войны [1].

Военный отдел начали готовить к открытию первым. Он должен был состоять из трех самостоятельных разделов: «Витебская область под гнетом оккупантов», «Партизанское движение в Витебской области», «Освобождение и восстановление Витебской области».

Комплектование музейного собрания новыми предметами для этих разделов началось уже в августе 1944 г. Тогда в фонды были приняты снятые со зданий вывески оккупационных властей, найденные на улицах города каски немецких военнослужащих, немецкие гранаты, мины, кресты с могил немецких военнослужащих, похороненных на кладбище недалеко от Сенной площади (ныне ул. Б. Хмельницкого).

В музейные фонды поступали предметы, переданные различными организациями и частными лицами. Большое количество предметов было закуплено специально для экспозиции. Почти 300 фотографий были приобретены сотрудниками музея в Москве в Бюро наглядных пособий. Это снимки фотокорреспондентов ТАСС Л. Великжанина, Ф. Кислова, П. Бернштейна, В. Лупейко, Д. Чернова, Е. Копыта, Г. Коновалова, Я. Ярина и других, отражающие историю партизанского движения в Беларуси, освобождение территории республики, а также последствия немецко-фашистской оккупации.

Витебская артель «Гигиена», совмещавшая функции парикмахерской и фотоателье, изготовила по заказу музея около 280 снимков с изображением разрушенного города, работ по восстановлению объектов и сооружений Витебска, а также территории бывшего концлагеря «5 полк» и надписей на стенах камер фашистской тюрьмы СД.

В 1944–1945 гг. в музей были переданы предметы, найденные на территории бывшего концлагеря «5-й полк» во время осмотра этой местности специальной комиссией. Лагерь находился на окраине города (в конце современной ул. Титова). Оттуда поступили медали, знаки, значки, личные фотографии военнослужащих немецкой армии, одежда и обувь охранников лагеря, монеты и банкноты оккупационных властей (пфенниги, марки).

Из отдела агитации и пропаганды Витебского обкома КП(б)Б в фонды музея были переданы документы о преступлениях немецко-фашистских захватчиков, воспоминания жителей Витебщины о периоде оккупации, а также материалы о партизанском движении: боевые донесения, подпольные газеты и листовки, рукописные стенгазеты и журналы бригад «Дубова», «За Советскую Белоруссию», им. Ленина, 1-й Заслоновской бригады и других.

Большие комплексы материалов поступили из Чашникского и Лепельского райкомов партии: документы о деятельности партизанских бригад «Дубова» и «Железняк», издания подпольной печати Лепельского райкома КП(б)Б (газеты, листовки, сводки совинформбюро, плакаты).

Часть предметов, пополнивших музейное собрание в 1944–1945 гг., представлена оружием. Немецкие противотанковые мины, пулемет МГ-34, винтовки системы «Маузер», самодельные автоматы партизан бригады «Дубова» и 1-й бригады им. К. С. Заслонова, пистолеты и другие предметы были переданы из Витебского областного военкомата, Витебского областного общества содействия обороне, авиационному и химическому строительству, а также после военной трофейной выставки.

Для отдела «Восстановление Витебской области» были приобретены образцы продукции некоторых витебских предприятий. Одним из первых после освобождения начал работу станкостроительный завод им. Кирова. В июне 1945 г. на предприятии были закуплены предметы домашнего обихода – грабли, котелок, сковородка, миска.

В числе предметов, поступивших в фонды музея от частных лиц, – материалы, касающиеся деятельности партизанских формирований, действовавших в годы войны на территории Беларуси. Их передали в музей бывшие командиры и комиссары партизанских бригад. М.Ф. Бирюлин передал комплекс фотографий по истории 1-й Витебской партизанской бригады, Б.К. Иванов сдал документы 1-й бригады им. К.С. Заслонова, которой он командовал в 1944 г., Ф.Ф. Дубровский – фотографии по Чашникской бригаде «Дубова».

Мать витебской подпольщицы Зинаиды Васильевой передала фотографию своей погибшей дочери, а врач Ярхо – нагрудный знак, который он носил, находясь в немецком концлагере.

Кроме того, по заказу музея специально для экспозиции витебские художники В.К. Дзежиц, В.И. Кухарев, А.А. Ткаченко, А.Г. Мозолев выполнили ряд графических и живописных работ. Художник Табаков изготовил макет лагеря «5-й полк».

Большая часть поступивших в музей предметов была представлена на выставке, открывшейся в начале июля 1945 г. и приуроченной к годовщине освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков. Выставка разместилась на 2-м этаже ратуши. Как и планировалось, состояла из трех отделов: «Оккупация», «Партизанское движение», «Освобождение и восстановление». За художественное оформление отвечал художник музея Анатолий Ткаченко.

Всего на выставке в 1945 г. было представлено более 560 предметов, сопровождавшихся информационными плакатами, текстовой информацией [3]. Как писала пресса, материалы первого отдела выставки «воспроизводят мрачные дни немецкой оккупации», демонстрируют «издевательства немцев над мирным населением» [2]. Здесь демонстрировались живопис-

ные и графические работы художников М.А. Гоборева («Облава»), А.А. Ткаченка («Виселица», «Подвалы СД», «Гетто», «Фабрика им. К. Цеткин»), В.И. Кухарева («В застенках СД», «Портрет Зины Васильевой»), А.Г. Мозолева («Портрет Лиды Березкиной») и других. Большой комплекс представляли фотографии, выполненные корреспондентами ТАСС, с изображением разрушенных белорусских населенных пунктов, казненных советских граждан, узников концлагерей, а также территории концлагеря «5-й полк» и некоторых зданий в Витебске, надписей на стенах камер тюрьмы СД. Отдельное место занимали обувь охранников концлагеря, медали и значки немецких военнослужащих, орудия пыток, вывески оккупационных властей.

Во втором отделе выставки, рассказывающем «о славных народных мстителях, их борьбе с врагом», были представлены «картины и зарисовки, посвященные боевым эпизодам партизан, их быту и отдыху» [2], в том числе живописные портреты партизан Героев Советского Союза М.Ф. Шмырева, К.С. Заслонова, Ф.Ф. Дубровского, В.Е. Лобанка, М.Ф. Сильницкого, П.М. Машерова, М.Ф. Бирюлина, П.М. Романова. Интерес посетителей вызывали документы (боевые донесения, удостоверения, справки, комсомольские билеты) партизанских бригад «Дубова», 1-й Заслоновской, «Алексея», им. Ленина, партизанские рукописные стенгазеты (боевые листки) и журналы, а также оружие партизан – трофейные винтовки, автоматы, пистолеты, самодельные мины, пистолеты-автоматы. Дополняли отдел фотографии ТАСС о боевых действиях, операциях, буднях партизан Беларуси, в том числе снимки о бригаде М.Ф. Шмырева.

В третьем отделе значительное место было уделено портретам советских военачальников Г.К. Жукова, К.К. Рокоссовского, И.С. Конева, Л.А. Говорова, К.А. Мерецкова, К.Е. Ворошилова, Н.Н. Воронова, В.В. Новикова и других. Как и в предыдущих разделах, здесь было представлено большое количество фотографий. Они были посвящены наступлению Красной Армии, боям за Лепель, Оршу, Витебск, демонстрировали успехи советских воинов, разбитую вражескую технику и захваченных в плен немцев, рассказывали об освобождении советскими войсками стран Европы.

Отдельный блок, посвященный восстановлению Витебска, был представлен фотографиями зданий и сооружений (обкома КПБ, средней школы № 10, пединститута, швейной фабрики им. КИМ и др.), текстовыми плакатами с информацией о восстановлении Витебщины (промышленности, транспорта, медицинских, культурно-просветительных учреждений). Художник В.К. Дзежиц специально для выставки предоставил живописную работу «Восстановление Витебска. Мост через Витьбу», посвященную первому массовому общегородскому воскреснику, состоявшемуся в декабре 1944 г., в котором приняли участие более 12 тысяч человек.

В течение 2-й половины 1940-х гг. выставка была дополнена новыми материалами. Так, в 1946 г. отдел «Партизанское движение» пополнился

личными вещами командира партизанской бригады «Алексея» А.Ф. Данукалова, личным оружием партизанских командиров В.Е. Лобанка, И.К. Захарова, Б.К. Иванова. В отдел «Оккупация» поступили новые образцы иностранного трофейного оружия. Отдел «Освобождение и восстановление» был дополнен фотографиями по теме: «Судебный процесс над немецкими преступниками в Беларуси», а также образцами продукции витебских предприятий – фабрик «Знамя индустриализации» и им. КИМ, кирпичного завода.

До настоящего времени сохранились не все предметы, представленные на первой послевоенной выставке музея. Некоторые экспонаты были похищены (например, «немецкая резиновая палка», один самодельный партизанский автомат-пистолет, несколько фотографий). Отдельные предметы были переданы в другие музеи области: образцы оружия – в музеи Бегомля, Полоцка, Могилева, Кобрин; живописная работа В. Кухарева «В застенках СД» – в Россонский Музей боевого содружества, скульптура из глины «Константин Заслонов» – в мемориальный музей ГСС К.С. Заслонова). Ряд документов, касающихся деятельности партизанских бригад «Дубова» и «Железняк», в 1971 году были переданы в партархив г. Витебска. Немецкие могильные кресты, макет лагеря «5 полк», портреты В.И. Ленина и И.В. Сталина художника В.К. Дзежица были исключены из фондов.

Большинство экспонатов выставки «Витебская область в годы Великой Отечественной войны» находится в ВОКМ и сегодня. Они активно используются в экспозиционной и исследовательской деятельности музея. Часть их представлена в постоянной экспозиции «Защитники Отечества». В 2019 г. к 75-летию освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков в музее работала выставка-ретроспектива, повторившая первую послевоенную выставку.

1. Государственный архив Витебской области. – Ф. 1947. Оп. 3. Д. 3.
2. Научный архив Витебского областного краеведческого музея (далее – Научный архив ВОКМ). – Ф. 43/1. – С. 4.
3. Научный архив ВОКМ. – Ф. 1066/4-6.
4. Научный архив ВОКМ. – Ф. 1353.

Станкевич Ю.В., Свилас С.Ф.
О ПРАЗДНОВАНИИ 8 МАЯ В ГЕРМАНИИ

8 Мая в США, Великобритании и ряде стран Западной Европы является праздником капитуляции Германии и завершения Второй мировой войны в Европе. Официально праздник отмечался лишь в 1945 г., однако спустя шестьдесят лет Генеральной Ассамблеей ООН был установлен День памяти жертв Второй мировой войны. Начиная с 2005 г. в этот день во многих странах-членах ООН проводятся памятные мероприятия, символизирующие уважение к отдавшим свои жизни за победу над нацизмом. Во Франции 8 мая – национальный праздник и выходной день. Церемони-

ал проведения Дня Победы во Франции схож с советской традицией: парад на Елисейских полях, сопровождающийся дальнейшим возложением венков к Могиле неизвестного солдата у Триумфальной арки [1].

В объединенной Германии 8 Мая не имеет статуса национального праздника, однако является Днем памяти, при этом в ГДР и ФРГ формировались две традиции празднования этой даты. В ГДР День освобождения немецкого народа от фашизма как официальный праздник отмечался в 1950–1966 гг., однако затем становится рабочим днем. В 1975 г., в 30-летнюю годовщину, 8 Мая было вновь объявлено праздничным днем, во время которого немецкие активисты вместе с советскими представителями народной дипломатии возлагали венки к памятникам, посещали мемориальные кладбища. Празднование на бытовом уровне проходило в «советском стиле». По воспоминаниям бывших граждан ГДР, люди уезжали на дачи и радовались праздничной атмосфере. Праздник Победы не получил широкого отражения в искусстве Восточной Германии, что во многом связано с притоком большого количества символов и мифов из СССР. Однако фильм Йоахима Кунерта «Приключения Вернера Хольта» (1965 г.) о жизни парня, призванного в нацистскую армию, можно считать ярким примером отражения событий того времени кинематографом ГДР. Последнее празднование Дня освобождения немецкого народа от фашизма на государственном уровне состоялось в 1985 г., что было связано с 40-летием памятной даты, в последующем же к каждой годовщине приурочивались отдельные официальные мероприятия [1].

В ФРГ 8 мая никогда не являлось официальным праздником, памятные мероприятия проводились только на большие юбилеи. В годы «холодной войны» в общественном мнении утверждается тезис о военном поражении Германии. Несмотря на проводившуюся политику денацификации, в намерения канцлера Конрада Аденауэра не входило увольнение бывших нацистов с государственной службы, хотя официально члены нацистской партии, совершившие преступления и уличенные в них, в сферу государственного управления не допускались. В 1951 г., когда был учрежден МИД ФРГ, выяснилось, что две трети его сотрудников – люди, имеющие нацистское прошлое. Конрад Аденауэр прокомментировал этот факт следующим образом: «Грязную воду не выливают, если нет чистой» [2].

С 1980-х гг. преобладает интерпретация 8 Мая как Дня освобождения страны от национал-социализма. Заметную роль в трансформации сознания граждан ФРГ в указанном направлении сыграла речь президента Рихарда фон Вайцзеккера, произнесенная 8 мая 1985 г. по случаю сорокалетия окончания Второй мировой войны. Вайцзеккер заявил: «Большинство немцев было уверено, что они сражаются и страдают за правое дело Родины. Но вот вдруг оказывается, что все было не только тщетно и бессмысленно, но даже служило бесчеловечным целям преступного руководства... Позади – мрачная пропасть прошлого, впереди – неопределенное, мрачное будущее. Но, все же,

с каждым днем нам становилось все яснее, и об этом мы все вместе должны сегодня заявить, что 8 мая было Днем освобождения. Этот день освободил всех нас от человеконенавистнической системы национал-социалистской тирании» [2].

Власти современной ФРГ полностью принимают ответственность Германии за преступления нацизма. 6 декабря 2019 г. Ангела Меркель прибыла в Освенцим – место, где располагался один из концентрационных лагерей времен Второй мировой войны. Её можно считать первым канцлером, посетившим мемориал за последние 24 года. До Меркель память узников Освенцима почтили Гельмут Шмидт (1977 г.), а также Гельмут Коль в (1989 и 1995 гг.). С премьер-министром Польши Матеушем Моравецким Ангела Меркель прошла через ворота с надписью «Arbeitmachtfrei» («Труд делает свободным») и возложила венок, перевязанный лентами в цвет немецкого флага, к «черной стене» – месту расстрела заключенных. Она заявила: «Я полна стыда за преступления, совершенные здесь Германией». В выступлении на территории бывшего лагеря смерти канцлер также подчеркнула, что перед Германией лежит огромная ответственность в борьбе с антисемитизмом, и призвала предпринять решительные действия для того, чтобы каждый человек в Европе мог чувствовать себя, как дома. Над сохранением мемориала на территории Освенцима работает Фонд «Аушвиц-Биркенау» и визит канцлера был приурочен к 10-летию Фонда, которому Берлин выделил 60 млн евро [3].

Во время церемонии в честь 75-летия Варшавского восстания (2019 г.) министр иностранных дел Германии Хайко Маас попросил у польского народа прощения за «ужасные поступки», совершенные нацистами в годы Второй мировой войны. Министр особо подчеркнул, что Германия несет полную ответственность за деяния нацистов, которые «просто не поддаются описанию»: «Мне стыдно за то, что было совершено в вашей стране немцами и во имя немцев. И мне стыдно, что эту вину после войны слишком долго замалчивали». Х. Маас предложил открыть в Берлине памятник полякам-жертвам нацистского режима, такой памятник стал бы жестом примирения Германии и Польши [4].

Несмотря на тенденцию проведения официальных мероприятий, приуроченных к 8 Мая, только в «круглые» годовщины, ряд депутатов бундестага, представители берлинского сената ежегодно возлагают венки к памятникам советским воинам. Подготовкой этой церемонии занимаются сотрудники посольств ряда бывших советских республик. Российские дипломаты традиционно возлагают венки 9 мая, а украинские – 8 мая. Германско-российский музей Берлин-Карлхорст, в стенах которого ранее располагалось офицерское казино училища инженерных войск вермахта, каждый год 8 мая проводит памятные мероприятия. Именно на территории музея в ночь на 9 мая был подписан акт о безоговорочной капитуляции нацистской Германии во Второй мировой войне. В этот день в музее каж-

дый час проводятся экскурсии на немецком, русском и английских языках, выставляется эксклюзивная экспозиция, проходит тематический показ художественных фильмов, устраиваются беседы и дискуссии. В 22:00 все собравшиеся поднимают «тост за мир», а в 22:45 наслаждаются праздничным фейерверком. В берлинском районе Лихтенберг выступает детский хор музыкальной школы имени Д.Д. Шостаковича, проводятся и другие мероприятия, в том числе для детской аудитории. Директор музея Йорг Морре отмечает, что его посещают пенсионеры, жильцы соседних домов с детьми, значительное число русскоговорящих жителей Берлина. В 2018 г. праздник посетили делегации ветеранов из Беларуси и России, а также бывшие военнослужащие Западной группы войск СССР [5].

Посольство Беларуси в Германии принимает непосредственное участие в ряде мероприятий по увековечиванию памяти жертв Второй мировой войны. Весной 2018 г. при содействии посольства у монумента «Воин-освободитель» в Трептов-парке, а также в музее «Берлин-Карлсхорст» выступил хор бывших малолетних узников нацистских концентрационных лагерей «Судьбы» из Минска. Коллектив «Судьбы» участвовал и в митинге-реквиеме, посвященном 73-й годовщине освобождения концентрационного лагеря «Бухенвальд». Членам белорусской делегации была передана урна с колючей проволокой и землей из концлагеря, которая хранится в крипте Храма-Памятника в честь Всех Святых (Минск). Белорусские дипломаты отдали дань уважения памяти жертв нацизма в мемориальных комплексах «Берген-Бельзен», «Бухенвальд», «Гарделеген» [6].

Таким образом, руководство Германии с сожалением высказывается о событиях, произошедших в 1933–1945 гг., признает свою ответственность за вызванные нацизмом последствия, оказывает материальную помощь и духовную поддержку жертвам войны. 8 мая трактуется Берлином как День освобождения страны от национал-социализма и тирании. Такая интерпретация этой даты получила достаточно широкое распространение среди граждан ФРГ. Празднование 8 мая в Германии не столь масштабно, как День Победы (9 мая) в Москве или в Минске, однако властями и представителями гражданского общества возлагаются венки к памятникам советским воинам. Символические мероприятия в городе Карлхорст, где был подписан акт о капитуляции нацистской Германии, стали ежегодной традицией Германии.

1. DDR Museum. Der 8. Mai, Tag der Befreiung in der DDR [Электронный ресурс] // DDR museum. – Режим доступа: <https://www.ddr-museum.de/de/blog/archive/der-8-mai-tag-der-befreiung-der-ddr>. – Дата доступа: 09.03.2020.
2. Речь Рихарда фон Вайцзеккера, произнесенная 8 мая 1985 г. по случаю сорокалетия окончания Второй мировой войны [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.bundespraesident.de/SharedDocs/Downloads/DE/Reden/2015/02/150202-RvW-Rede-8-Mai-1985-russisch.pdf?__blob=publicationFile&. – Дата доступа: 10.02.2020.

3. Ангела Меркель почтила память жертв концлагеря Освенцим [Электронный ресурс] // Deutsche Welle. – Режим доступа: <https://www.dw.com/ru/ангела-меркель-почтила-память-жертв-концлагеря-освенцим/a-51556203>. – Дата доступа: 09.03.2020.
4. Глава МИД ФРГ попросил прощения у поляков преступления нацистов [Электронный ресурс] // Deutsche Welle. – Режим доступа: <https://www.dw.com/ru/глава-мид-фрг-попросил-прощения-у-поляков-за-преступления-нацистов/a-49849360>. – Дата доступа: 09.03.2020.
5. Памятная дата 8 мая: как немцы вспоминают день победы над нацизмом [Электронный ресурс] // Deutsche Welle. – Режим доступа: <https://www.dw.com/ru/памятная-дата-8-мая-как-немцы-вспоминают-день-победы-над-нацизмом/a-43688984>. – Дата доступа: 09.03.2020.
6. Об участии представителей Посольства Беларуси в Германии в памятных мероприятиях, посвященных памяти жертв Второй мировой войны [Электронный ресурс] // Посольство Республики Беларусь в Федеративной Республике Германия / Министерство иностранных дел Республики Беларусь. – 20.04.2018. – Режим доступа: <http://germany.mfa.gov.by/ru/embassy/news/f151691ffa8dc4ae.html>. – Дата доступа: 09.03.2020.

Давидович А.В.

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО БЕЛАРУСИ 1941–1945 гг. КАК ХРАНИТЕЛЬ ПАМЯТНЫХ СОБЫТИЙ ВОЕННЫХ ЛЕТ

Скоро мы будем отмечать семьдесят пять лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Белорусский народ внес огромный вклад в победу. С первых дней войны многие работники культуры Беларуси мужественно сражались с врагом в рядах Красной Армии, на оккупированной территории в партизанских отрядах и подпольных группах, своим самоотверженным трудом приближали освобождение в эвакуации.

Творческая деятельность литераторов, художников, скульпторов, музыкантов, кинематографистов была направлена на отражение событий войны, мобилизацию людей на борьбу с врагом, на укрепление веры в победу и, конечно, на увековеченье памяти о войне.

Важный вклад в приближение победы над врагом внесли своей боевой деятельностью и творчеством художники республики. В рядах Красной Армии и партизан сражались А. Бембель, Г. Бржазовский, Н. Воронов, В. Громько, И. Давидович, А. Жоров, К. Космачев, А. Мозолев, П. Масленников, С. Селиханов, В. Суховерхов, М. Тарасиков и многие другие [2, с. 28, 193, 375].

Более 50 художников в 1942–1944 гг. жили в эвакуации. Художники работали в фронтовых изданиях, готовили листовки, плакаты, рисунки, которые стали основой художественной летописи войны.

Значительное место в белорусском изобразительном искусстве времен войны сыграл плакат. Большое расширение его функций, в то время, объяснялось разнообразием его форм. Например, был распространен вы-

пуск плакатов уменьшенного размера – типа листовки – со специально сделанным для него рисунком с плаката обычного размера. Так плакат проникал везде, даже на передовую. Очень распространен был плакат – листовка с воспроизведением известных картин, чаще боевых эпизодов. Уже на первом этапе войны появились два основных вида плаката – героический и сатирический. Часто плакат объединял в себе обе разновидности. Такие плакаты создавались и на территории Беларуси в годы войны. С июля 1941 г. – сначала в Гомеле, позднее в прифронтовой полосе, а после, до освобождения республики, в Москве – выходило сатирическое издание «Раздавим фашистскую гадину». До февраля 1942 г. оно представляло собой агитплакат, а потом переросло в сатирический журнал. Это боевое идеологическое оружие переправлялось в тыл врага для населения и партизан оккупированной Беларуси [5, с. 85].

Хорошо известен был и сатирический листок «Партизанская дубинка», который выходил с марта 1942 г. по март 1943 г. Сначала тоже в прифронтовой полосе, последние номера в Москве [6, с. 411]. В этих изданиях принимали активное участие художники З. Азгур, Я. Зайцев, У. Ахремчик, В. Букатый, Д. Красильников, У. Минаев, А. Шевченко, М. Филипович и другие [5, с. 85].

В большинстве плакатов времен войны преобладала тема героизма и драматизма.

Так одной из основных тем плаката 1942–1943 гг. стала тема страдания жителей Беларуси во время оккупации. Одни плакаты выражали резкий протест, другие, показывая ужасы геноцида, звали к мести захватчикам, высказывали веру в победу Красной Армии – освободительницы. Много работал над этой темой художник Виктор Корецкий «Будь героем!» (1941 г.), «Воин Красной Армии, спаси!» (1942 г.).

Еще одной разновидностью плаката, который существовал в годы войны, был именной плакат. Он посвящался конкретным бойцам – героям, героям Советского союза, самым прославленным из них, таким, например, как С. Супрун (первый дважды герой), А. Антоненко, П. Бринько, П. Харитонову, В. Талалихину, Н. Гастелло и другим [3, с.105].

К 1943 г. в плакат стали проникать новые настроения, говорящие о коренном переломе в ходе войны. Все больше появлялось плакатов, показывавших освобождение Красной Армией оккупированных городов и регионов, радостную встречу освободителей. Характерно, что люди в них показывались правдиво: войны усталые, запыленные, в боевом обмундировании. Их лица изображались натурально и просто. К концу 1944 г. ведущей, окончательно, стала тема победы. Здесь можно назвать, например, плакат А. Кокорекина «Войну – победителю – всенародная любовь!» (1944 г.). С 1944–1945 гг. стали появляться плакаты, которые призывали к восстановлению освобожденных городов и сел. Например, плакаты И. Серебрянного «А ну, взяли!» (1944 г.).

Большой вклад в память белорусского народа о войне внесла политическая карикатура. Она активно «сражалась» с врагом на полях войны.

В первые годы отступления, тяжелых потерь Красной Армии, полной оккупацией Беларуси, возникла острая потребность в информации о военных событиях в простой, доходчивой форме.

С помощью метких, удачных образов политическая карикатура не только изображала новости, но и агитировала за победу. Политическая карикатура Беларуси антифашистской направленности была собрана, главным образом, на страницах все того же плаката-газеты «Раздавим фашистскую гадину» и в сатирическом листке «Партизанская дубинка». В этих изданиях появлялись рисунки А. Волкова, Д. Красильникова, П. Гавриленко, Б. Звиноградского, В. Козака, Я. Красовского, Г. Валько и других художников [1, с. 25]. Они в своих карикатурах едко высмеивали немецких захватчиков и их руководителей, которые вынашивали античеловеческие планы. Эти «герои» показывались в самом гадком виде, очень часто в обстоятельствах и обстановке, понятных каждому зрителю.

Так, Д. Красильников в своем рисунке «Есть еще «ресурсы» у Третьей Империи» (1944 г.) используя метафору, показывал как Гитлер и его генералы перетрясают нательное белье в поисках «ресурсов» Третьей империи для мобилизации на фронт... вшей. Художник – карикатурист создал интересный образ агонии гитлеризма, так как 1944 г. – это год решительных побед Красной армии, которые обеспечили неминуемый разгром врага.

Гитлер являлся главным персонажем в большинстве карикатур. Так в плакате-газете «Раздавим фашистскую гадину!» А. Волков изображает его в гротескном виде. Фюрер, сидя в гробу, сложил руки в молитве, а перед ним книга «Майн Кампф». Вокруг него крысы. Волков изображает Гитлера «живым покойником»: у него вытянутый нос, вылезшие на лоб глаза, изможденное тело в дырявой одежде.

Большое значение придавали политической карикатуре настенные газеты, боевые листки, рукописные журналы партизан. Так, Николай Гутиев, пулеметчик Лепельской партизанской бригады, в перерывах между боями писал сатирические рисунки. Они печатались в партизанской типографии, а потом в виде плакатов распространялись среди жителей близлежащих населенных пунктов. Гутиев создал за период войны более 70-ти рисунков-карикатур. Главной мишенью в них был Гитлер со своими соратниками.

Среди партизан, авторов рисунков – карикатур были не только художники-профессионалы, как Н. Гутиев, но и художники-самоучки, имена которых в ряде случаев не сохранились. Известные фамилии, очень небольшого числа партизанских самодеятельных художников. Среди них: Л. Дятлов, Г. Ленъ и другие.

Сюжеты карикатур партизан были разные. Они их брали из героических действий народных мстителей, из вестей с фронта. Сама природа карикатуры, которая утверждала добро и истину через обличительный смех над злом, не давала усомниться в вере в окончательную победу над врагом. Способствовало этому и здоровое мировосприятие белорусского народа,

его жизненная сила и оптимизм. Поэтому часто содержание карикатур партизаны заимствовали из народного юмора.

Большой популярностью у советских воинов и партизан пользовались так же зарисовки из партизанской и фронтовой жизни, выполненные с натуры художниками фронтовиками, принимавшими непосредственное участие в борьбе с врагом.

Эти зарисовки, портреты, эскизы легли в основу многочисленных картин, правдиво отобразивших героический подвиг белорусского народа в период Великой Отечественной войны.

Многие белорусские художники, оказавшиеся в эвакуации, в трудных условиях военного времени, создавали картины, вносящие свой вклад в дело победы над врагом и увековеченье памяти об этом подвиге народа.

Так, картина И. Ахремчика «Лицо врага» (1942 г.) с большой убедительностью вскрывает суть, так называемого, «нового порядка» в оккупированной республике.

С большой жестокостью расправились оккупанты с семьей колхозника и с беззащитным цинизмом грабят нажитое многолетним трудом. Картина производит сильное впечатление своим драматизмом. Близким по сюжету с картиной И. Ахремчика стало полотно М. Беленицкого «Фашистская грабьярмия» (1942 г.). В нем продолжена тема разоблачения звериной сущности германского фашизма.

В основе сюжета – эпизод, характерный для оккупированной врагом Беларуси. В белорусском селе гитлеровцы грабят и избивают ни в чем неповинных жителей. Они забирают последнее, что осталось – корову, кормилицу семьи.

В полотнах, созданных в годы войны, особое место принадлежало партизанской теме. Среди полотен этого плана – «Партизаны в засаде» (1943 г.) Н. Обрыньбы, «В партизанском штабе К. Заслонова» (1943 г.) Е. Зайцева, «На посту» «Засада» (1942 г.) Л. Бойко, М. Гутиева «Партизанский аэродром» (1944 г.) и другие. Героической стойкости белорусских партизан и подпольщиков посвящены эскизы З. Павленко «Допрос в СД» и «В застенках гестапо» (1942 г.).

Отступая, после побед Красной Армии, фашисты уничтожали на своем пути буквально все. Эту трагическую картину запечатлели в своих картинах художники В. Бельнецкий-Бируля «По следам фашистских варваров» (1942 г.) и Н. Обрыньба «Фашисты прошли» (1943 г.) [4, с. 75].

Значительное место в творчестве белорусских художников в годы войны занимал портрет. Так художник Ф. Морозов, создал целую серию портретов белорусских партизан, таких как «Портрет партизана деда Талаша» (1943 г.), «Портрет М.Ф. Шмырева (Батьки Миная)» (1944 г.).

Партизанская борьба в тылу врага носила всенародный характер. В ней, наряду со взрослыми, принимали участие подростки. Об этом свидетельствуют работы Е. Зайцева «Юный партизан» (1943 г.), П. Гавриленко «Портрет мальчика – партизана» (1943 г.) [4, с. 234].

Рассматривая картины, карикатуры, плакаты белорусских художников времен войны, надо отметить, что они обладали документальностью, публицистичностью, обличительной силой, звали белорусский народ к борьбе с врагом. Выполненные в трудных условиях военного времени, они часто были несовершенны по форме, но сила, заключенная в них была велика. Создавая свои произведения, наши художники преследовали цель – запечатлеть подвиг белорусского народа в период войны, чтобы сохранить для потомков героический образ наших отцов и дедов, создать памятник безымянным героям, отдавшим свою жизнь за свободу своей Родины.

1. Баландзін, К.І. Культура Беларусі: здабыткі і страты ў гады Вялікай Айчыннай вайны / К.І. Баландзін // Беларускі гістарычны часопіс. – 2005. – № 5. – С. 20–27.
2. Беларускі саюз мастакоў : Энцыклапедычны даведнік / Б. Крэпак [і інш.]. – Мінск : ВТАА, 1988. – 664 с.
3. Галубовіч, А. «Вялікі стыль» у беларускім плакаце / А. Галубовіч // Роднае слова. – 2011. – № 2. – С. 105–107.
4. Дробов, Л.Н. Живопись Советской Беларуси (1917–1975 гг.) / Л.Н. Дробов. – Мінск : Вышшая школа, 1979. – 304 с.
5. Іоффе, Э. «Раздавім фашысцкую гадзіну» / Э. Іоффе // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. / рэдкал.: М. Біч [і інш.]. – Мінск: Беларуская энцыклапедыя, 2001 – Т. 6. – Кн.1. – С. 85.
6. «Партизанская дубінка» // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі ў 6 т. / рэдкал.: М. Біч [і інш.]. – Мінск: Беларуская энцыклапедыя, 1999– Т. 5. – С. 411.

Лагвіненка С.М., Півавар М.В.

ПАДРЫХТОЎКА ВІЦЕБСКАГА КАДЭЦКАГА ВУЧЫЛІШЧА ДА СВЯТКАВАННЯ 75-ГОДДЗЯ ПЕРАМОГІ Ў ВЯЛІКАЙ АЙЧЫННАЙ ВАЙНЕ

У сістэме вучэбна-выхаваўчай працы Віцебскага кадэцкага вучылішча тэма Вялікай Айчыннай вайны займае значнае месца. Святкаванне 75-годдзя вялікай Перамогі добрая нагода паглядзець на тое, што зроблена, падсумаваць вынікі, вызначыць накірункі будучай працы. Адзначым, што праца па ўвекавечанні ў вучылішчы не звязана толькі са святкаваннем юбілея, а праводзіцца пастаянна, у розных формах, з выкарыстаннем розных метадаў і метадык.

Можна вызначыць некалькі складаючых у гэтай працы: вучэбную, пазавучэбную і пазашкольную. У вучэбным працэсе тэма вайны выкладаецца на ўроках сусветнай гісторыі і гісторыі Беларусі ў адведзеных праграмай межах у 10 класе. У пазаўрачнай дзейнасці, у адпаведнасці з каляндарным планам выхаваўчых мерапрыемстваў у вучылішчы праводзіцца шэраг мерапрыемстваў. У гэтым годзе, як і звычайна, ва ўстанове пройдзе мясечнік грамадзянска-патрыятычных спраў «Служу

Айчыне» [8]. Ён уключае цэлы комплекс мерапрыемстваў, шэраг якіх звязаны з Вялікай Айчыннай вайной як у вучылішчы, так і за яго межамі.

Запланавана правядзенне класных гадзін «У жыцці заўжды ёсць месца подзвігу», «Подзвіг, які ўвайшоў у гісторыю», «Урок Памяці», «Юныя абаронцы Радзімы». Праходзяць адзіная інфармацыйная гадзіна «Вехі гісторыі», урокі мужнасці прысвечаныя 75-годдзю Перамогі ў Вялікай Айчыннай вайне. На пачатку лютага праводзіцца «Дзень юнага героя-антыфашыста».

Віцебскія кадэты – ужо візітовая картка горада. Амаль на кожным гарадскім, раённым, абласным святочным мерапрыемстве, яны прысутнічаюць як ганаровая вахта. На дзень Перамогі кадэты праходзяць ганаровым маршам каля мемарыяльнага комплексу «Вызваліцелям Віцебска» на плошчы Перамогі.

Ужо дваццаты раз у вучылішчы праводзіцца Фэстываль інсцыніраванай патрыятычнай песні, прысвечаны воіну-інтэрнацыяналісту Л. Беліцкаму. Асноўная тэматыка выступленняў, канешне, звязана з Вялікай Айчыннай вайной.

Па нядзелях у бібліятэцы адбываецца паказ мастацкіх фільмаў. Большасць з іх прысвечаны падзеям вайны. У тым ліку «Баллада о солдате», «Батальоны просят огня», «Судьба человека», «Горячий снег», «В бой идут одни старики» і іншыя.

Запланавана і праводзіцца наведванне музеяў і выстаў. Напрыклад, музея Героя Савецкага Саюза М.П. Шмырова, Віцебскага абласнога краязнаўчага музея, стацыянарнай выставы «Памяці патрыётаў Віцебшчыны» (былая турма СД), музей баявой славы 43-й Арміі ў гімназіі № 9, музей баявой славы 39-й арміі ў гімназіі № 5, Музея 335-й штурмавой авіядывізіі ў СШ № 17, музея «Памяць» у СШ № 15 і іншых.

Важнай часткай святкавання з'яўляецца ўдзел кадэт у гарадскіх, абласных і раённых мерапрыемствах, прысвечаных дню Перамогі: канцэртах, урачыстых пасяджэннях, спартыўных конкурсах, канферэнцыях і інш. Кадэты бралі ўдзел у ганаровых перапахаваннях астанкаў загінуўшых у гады вайны.

Напярэдадні 9 мая адбываюцца мітынгі, ускладаюцца кветкі, вянкi, гiрлянды, арганізуюцца ганаровыя вахты каля помніка Герою Савецкага Саюза Міхаілу Сільніцкаму на чыгуначнай станцыі Лужасна і помніка на месцы загібы савецкіх ваеннапалонных і мірных грамадзян у 1941–1944 гг. у в. Лужасна. На пачатку мая праводзіцца наведванні помнікаў з ускладаннем кветак і вянкаў да помнікаў у в. Сушчова, Мазалава, Буяны, Храпавічы, Чырвоны Двор, Доўжа, Герасімова, Вярхоўе Віцебскага раёна.

Аддаем мы і даніну памяці наведваючы месцы былых баёў, дзе засталіся сляды вайны – ужо амаль заплыўшыя зямлёй траншэі, бліндажы, сховішчы каля в. Лужасна, Хайсы, Баталі, Калінава.

21 сакавіка штогод, за 10 хвілін да першага ўрока у кожным класе адбываецца міні-мітынг «Хатынскі рэквіем», які прысвячаны беларускім вёскам, якія былі спалены разам з людзьмі фашысцкімі захопнікамі і не аднавіліся. На месцы 14 з іх у Віцебскім раёне былі ўсталяваны мемарыяльныя знакі: Аржавухава, Ваўчкі, Дубавіцы, Дубрава, Лычнёва, Падзародня, Парасятніца, Плоткі, Подцева, Сазаны, Стукальна, Стэськава, Шухвасты, Шыцікі. На жаль, памятныя знакі на месцы 6 страчаны: Аржавухава і Стукальна (Суражскі с/с), Дубавіцы, Падзародня, Сазаны, Стэськава (Запольскі с/с).

Кадэты бяруць актыўны ўдзел у добраўпарадкаванні пахаванняў часоў вайны. За вучылішчам замацавана брацкая магіла савецкіх воінаў і партызан (№ 4426) каля в. Сушчова. Таксама, кадэты на працягу года праводзяць добраўпарадкаванне помніка Герою Савецкага Саюза М.Ф. Сільніцкаму на станцыі Лужасна. Некалькі разоў навучэнцы выязджалі у в. Копці, дзе праводзілі добраўпарадкаванне Воінскага мемарыяла ў гонар Ленінскага камсамола. Вядома, што акрамя брацкай магілы, у якой пахаваны амаль 2 тысячы савецкіх воінаў, на мемарыяле ўсталяваны 9 помнікаў і памятных знакаў, у тым ліку загінуўшым землякам, вязням фашызма, авіяэскадрыльі «Нармандыі-Неман», воінам-татарстанцам і іншым. Тэрыторыя вялікая, аб'ектаў шмат, таму, дапамога неабходна.

Работа па ўвекавечанні памяці пра падзеі вайны ў вучылішчы мае не толькі выханаўчы, але і значны **практычны аспект**. Дзейнічае гурток «Актывісты ваеннай гісторыі», пад кіраўніцтвам палкоўніка ў адстаўцы Паўлючэнка С.Я., які займаецца удакладненнем спісаў загінуўшых на тэрыторыі раёна савецкіх салдат, унясеннем дадзеных пра іх у аўтаматызаваную базу дадзеных «Кніга Памяці». На працягу 2016–2019 гг. яны правялі апрацоўку адкументаў АБД «Мемарыял» і склалі картатэку загінуўшых воінаў [9].

Воінскае злучэнне	Колькасць картак на загінуўшых воінаў	Не былі ўлічаны ў пашпартах воінскіх пахаванняў	Час, рэгіён
16 гв. сд, 51 осбр	659 воінаў	459	1942 г., Віцебскі раён
11 гв. сд	1572	392	1943–1944 гг. Лёзненскі, Дубровенскі, Аршанскі, Шумілінскі
235 сд	1212	543	1943–1944 гг., Гарадоцкі, Шумілінскі
17 гв сд	2780		1943–1944 гг.

Апрацаваныя дадзеныя перададзены ў адміністрацыю раёнаў і ўключаны ў абласны банк дадзеных «Кніга Памяці Віцебскай вобласці».

Значная частка правядзення палявых даследаванняў ў вучылішчы звязана з працай турысцка-экалагічна-краязнаўчага клуба «Дзвіна» пад кіраўніцтвам Півавара М.В. На працягу навучальнага года па нядзелях праводзяцца паходы. Амаль кожны з іх праходзіць па месцах былых баёў ці падзей, нейкім чынам звязаных з Вялікай Айчыннай вайной. Акрамя добраўпарадкавання пахаванняў і помнікаў вайны, кадэты часам праводзяць выяўленне невядомых дасюль магіл салдат і ахвяр вайны. Так, на працягу 2018–2019 гг. былі знойдзены 40 пахаванняў. На іх распрацаваны прапановы аб узяцці на ўлік, аформлены абаснаванні, складзены інфармацыйныя лісты. Матэрыялы накіраваны ў Віцебскі райвыканкам (адзел ідэалогіі), раённы камісарыят для прыняцця рашэння, цэнтр пры музеі імя Героя Савецкага Саюза М.П. Шмырова.

Сабраныя ў паходах матэрыялы становяцца асновай для напісання навукова-даследчых прац. Так, у 2019 г. была падрыхтавана навукова-даследчая работа «Праблемы і дасягненні ва ўшанаванні памяці пра падзеі Вялікай Айчыннай вайны на Віцебшчыне» (Мельнікаў А.Ю.), у якой раскрываліся праблемы мемарыялізацыі, прапаноўваліся магчымыя шляхі паляпшэння сітуацыі. Яна атрымала дыплом I ступені на Рэспубліканскім конкурсе работ даследчага характару (канферэнцыі) па вучэбнаму прадмету «Гісторыя» (24 лютага 2019 г.), а таксама I дыплом на «Всероссийском суворовском конкурсе юношеских исследовательских работ 2018/2019 г.» (12 красавіка 2019 г.). Была распрацавана і апрабавана метадыка вырашэння некаторых праблем у палітыцы ўвекавечанні на лакальным ўзроўні. Зроблены вынікі, распрацаваны парады. Па-першае, трэба якасна правесці інвентарызацыю пахаванняў (воінскіх і ахвяр вайны) і ўлік месцаў, якія звязаныя з падзеямі Вялікай Айчыннай вайны і якія варты мемарыялізацыі. Па-другое, уключыць ў Дзяржаўны спіс гісторыка-культурных каштоўнасцяў найбольш значныя помнікі, прысвечаныя Вялікай Айчыннай вайне.

На аснове нашых прапаноў на працягу 2019 г. тром помнікам Вялікай Айчыннай вайны быў нададзены статус гісторыка-культурнай каштоўнасці 3 катэгорыі (Заполле, Вымна, Вароны). Аднак, з выяўленых больш 40 магіл, узяты на ўлік у «Сводно-учетную ведомость» пакуль толькі 6.

Па-трэцяе, на аснове матэрыялаў дасканала праведзенай інвентарызацыі падрыхтаваць «Звод помнікаў, памятных месцаў і пахаванняў Вялікай Айчыннай вайны» у кожным раёне краіны. Гэта дазволіць ахапіць усе катэгорыі помнікаў і памятных месцаў. Праца над «Зводам Віцебскага раёна» ідзе, сабраны матэрыялы больш былі пра 260 аб'ектаў (у «Зводнай уліковай ведамасці Віцебскага раёна» толькі 111 пахаванняў).

Прапановы былі ўключаны ў Рашэнне Віцебскага выканаўчага камітэта ад 16 лістапада 2018 г. «Звод помнікаў, памятных месцаў і пахаванняў Вялікай Айчыннай вайны» дапоўніць Кнігу «Памяць» Віцебскага раёна. Прыклад раёна аказаўся вельмі станоўчым. На пасяджэнні Віцебскага абласнога савета дэпутатаў ад 21.03.2019 г. было прынята рашэнне аб стварэнні «Звода» у кожным раёне вобласці.

Важным элементам палітыкі культуры памяці з'яўляецца **асветніцкая дзейнасць**. Так, з мэтай пашырэння ведаў пра падзеі вайны намі былі напісаны шэраг артыкулаў ў мясцовым перыядычным друку [1–6].

Па выніках праведзенага даследавання кадэтамі ВКВ падрыхтавана і ўсталявана інфармацыйная шыльда на месцы былога нямецкага канцлагера ў в. Лужасна. Яна была ўрачыста адчынена 8.02.2019 г. Сродкі на выраб шыльды сабралі кадэты. Сюжэт пра адкрыццё шыльды быў паказаны на Беларускай тэлебачанні. Тэма ўвекавечання падзей Вялікай Айчыннай вайны падымалася ў праграме «Вячэрні Віцебск» (18.06.2019) на абласным тэлебачанні, на якой выступаў віцэ-кадэт Мельнікаў А. У сюжэтах, паказаных 21.03. 2019 г. і 10.10. 2019 г. разглядаліся аспекты распрацоўкі стварэння «Зводу мемарыялаў, помнікаў і пахаванняў Вялікай Айчыннай вайны» на сесіях абласнога савета дэпутатаў у Віцебску і Дуброўна.

Такім чынам, у Віцебскім кадэцкім вучылішчы праводзіцца значная праца па падрыхтоўцы да святкавання 75-годдзя Перамогі ў Вялікай Айчыннай вайне. Яна садзейнічае лепшаму разуменню кошту вялікай Перамогі, недапушчэнню спроб перагляду вынікаў вайны і фальсіфікацыі гісторыі, фарміраванню запатрабаваных сучасным грамадствам і дзяржавай якасцяў патрыёта і грамадзяніна, перадачы гістарычнай памяці, прывіццю любові да Радзімы.

Праца па ўвекавечанні не скончыцца для кадэт святкаваннем 75-годдзя вялікай Перамогі. Праблемы застаюцца і іх мы будзем па меры сіл працягваць дапамагаць вырашаць дзяржаўным органам. Так, мы прапануем аднавіць некаторыя шыльды ў Віцебскім раёне, якія па розных прычынах былі страчаны. 1. Герою Савецкага Саюза У.Ц. Курыленка на будынку СШ ці сельсавета у в. Бабінічы. 2. Герою Савецкага Саюза П.Л. Грышчанка ў в. Кукавячына. 3. Герою Савецкага Саюза М.П. Шмырову – на радзіме, у в. Пунішча. 4. Стэлу і пліту «Месца баёў партызан» у в. Тарасенкі. 5. Пліту на «Месца растрэлу савецкіх патрыётаў» у в. Міхалкова [7].

1. Мельнікаў, А.Ю. Праблемы і дасягненні ва ўшанаванні памяці пра падзеі Вялікай Айчыннай вайны на Віцебшчыне / А. Мельнікаў // Эврика : материалы IX Областной научно-практической конференции учащихся, Витебск, 10 ноября 2018 г. / Вит. гос. ун-т ; редкол.: И.М. Прищепа (гл. ред) [и др.] – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2018. – С. 116–117.
2. Мельнікаў, А. Ад немецкаго плена / А. Мельнікаў // Жыццё Прыдзвіння. – 2018. – ліст. – С. 2.

3. Мельнікаў, А. Каб не было безіменных магіл / А. Мельнікаў // Віцебскія весці. – 2018. – 24 ліст. – С. 13.
4. Мельнікаў, А. Ахвяры нацызму / А. Мельнікаў // Жыццё Прыдзвіння. – 2 лют. – С. 6.
5. Мельнікаў, А. Ствараецца «Звод помнікаў» / А. Мельнікаў // Жыццё Прыдзвіння. – 9 лют. – С. 3.
6. Мельнікаў, А. Патрыятычны люты / А. Мельнікаў // Жыццё Прыдзвіння. – 2019. – 23 лют. – С. 4.
7. Півавар, М.В. Крыніцы да стварэння «Зводу помнікаў, памятных месцаў і пахаванняў часоў Вялікай Айчыннай вайны» / М.В. Півавар // Актуальныя праблемы істочніковедення : материалы V Международной научно-практической конференции к 110-летию Витебской ученой архивной комиссии, Витебск, 25–27 апреля 2019 г. / Витеб. гос. ун-т ; редкол.: А.Н. Дулов, М.Ф. Румянцева (отв. ред.) [и др.]. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2019. – С. 362–365.
8. План проведения месячника «Служу Отечеству» 2019–2020 учебный год // Бягучы архіў Віцебскага кадэцкага вучылішча.
9. Справаздача гуртка «Актывісты воінскай гісторыі» // Бягучы архіў Віцебскага кадэцкага вучылішча.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бондарева Елена Михайловна – заведующий отделом информационно-поисковых систем и автоматизированных архивных технологий учреждения «Государственный архив Витебской области», г. Витебск, Беларусь.

Брижицкая Светлана Анатольевна – кандидат исторических наук, заместитель генерального директора по научной работе Шевченковского национального заповедника, г. Канев, Украина.

Величко Нина Веняминовна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории и мировой культуры Витебского государственного университета имени П.М. Машерова, г. Витебск, Беларусь.

Генина Юлия Анатольевна – заведующий магистратурой Витебского филиала Международного университета «МИТСО», аспирант исторического факультета Витебского государственного университета имени П.М. Машерова, г. Витебск, Беларусь.

Гребень Евгений Александрович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой философии и истории Белорусского государственного аграрного технического университета, г. Минск, Беларусь.

Давидович Алевтина Валерьевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры «История белорусской государственности» Белорусского национального технического университета, г. Минск, Беларусь.

Давидовская Ольга Николаевна – главный хранитель фондов учреждения культуры «Витебский областной краеведческий музей», г. Витебск, Беларусь.

Дергунов Артем Сергеевич – студент Витебской ордена «Знак Почета» государственной академии ветеринарной медицины, г. Витебск, Беларусь.

Довгялло Михаил Степанович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории южных и западных славян Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь.

Дулов Анатолий Николаевич – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории Беларуси Витебского государственного университета имени П.М. Машерова, г. Витебск, Беларусь.

Дьякова Елена Васильевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Украины Харьковского национального педагогического университета имени Г.С. Сковороды, г. Харьков, Украина.

Иванова Татьяна Петровна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры правоведения и социально-гуманитарных дисциплин Витебского филиала Международного университета «МИТСО», г. Витебск, Беларусь.

Ивицкий Андрей Михайлович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры экономической теории и истории Витебской ордена «Знак Почета» государственной академии ветеринарной медицины, г. Витебск, Беларусь.

Исаева Ольга Николаевна – старший научный сотрудник Шевченковского национального заповедника, г. Канев, Украина.

Латышева Виктория Александровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры источниковедения Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь.

Кондратенко Артур Сергеевич – аспирант кафедры истории южных и западных славян Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь.

Корсак Алеся Иосифовна – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории и туризма Полоцкого государственного университета, г. Полоцк, Беларусь.

Космач Вениамин Аркадьевич – доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета Витебского государственного университета имени П.М. Машерова, г. Витебск, Беларусь.

Лобода Дмитрий Александрович – ассистент кафедры всемирной истории и методики преподавания истории Полтавского национального педагогического университета имени В.Г. Короленко, г. Полтава, Украина.

Логвиненко Сергей Матвеевич – кандидат медицинских наук, доцент, директор Витебского кадетского училища, г. Витебск, Беларусь.

Мандрик Иван Владимирович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории Беларуси Витебского государственного университета имени П.М. Машерова, г. Витебск, Беларусь.

Новиков Сергей Евгеньевич – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории, всемирной культуры и туризма Минского государственного лингвистического университета, г. Минск, Беларусь.

Николаева Ирина Владимировна – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории и мировой культуры Витебского государственного университета имени П.М. Машерова, г. Витебск, Беларусь.

Пивовар Николай Васильевич – кандидат исторических наук, доцент, учитель истории Витебского кадетского училища, г. Витебск, Беларусь.

Свилас Светлана Францевна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры международных отношений Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь.

Станкевич Юлия Викторовна – студентка факультета международных отношений Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь.

Стельмах Алина Владимировна – директор учреждения культуры «Лепельский районный краеведческий музей», г. Лепель, Беларусь.

Тимофеев Ростислав Владимирович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Беларуси Витебского государственного университета имени П.М. Машерова, г. Витебск, Беларусь.

Топчий Даниил Сергеевич – студент исторического факультета Харьковского национального педагогического университета имени Г.С. Сковороды, г. Харьков, Украина.

Циватый Вячеслав Григорьевич – кандидат исторических наук, доцент, заслуженный работник образования Украины, доцент кафедры новой и новейшей истории зарубежных стран Киевского национального университета имени Тараса Шевченко, г. Киев, Украина.

Чернявский Илья Валерьевич – аспирант исторического факультета Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь.

Щавлинский Николай Борисович – кандидат исторических наук, доцент кафедры «История белорусской государственности» Белорусского национального технического университета, г. Минск, Беларусь.

Юргевич Наталья Казимировна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры экономической теории и истории Витебской ордена «Знак Почета» государственной академии ветеринарной медицины, г. Витебск, Беларусь.

Юрчак Денис Валерьевич – кандидат исторических наук, доцент, главный специалист управления культуры Витебского областного исполнительного комитета.

Яковлева Галина Николаевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории и мировой культуры Витебского государственного университета имени П.М. Машерова, г. Витебск, Беларусь.

Ямпольская Лариса Николаевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всемирной истории Харьковского национального педагогического университета имени Г.С. Сковороды, член Харьковского военно-исторического общества «Рубеж», г. Харьков, Украина.

Научное издание

ПОБЕДА – ОДНА НА ВСЕХ

Материалы II Международной научно-практической конференции

Витебск, 23–24 апреля 2020 г.

Технический редактор

Г.В. Разбоева

Компьютерный дизайн

Е.В. Крайло

Подписано в печать 2020. Формат 60x84¹/₈. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 21,15. Уч.-изд. л. 12,24. Тираж экз. Заказ .

Издатель и полиграфическое исполнение – учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

Свидетельство о государственной регистрации в качестве издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий

№ 1/255 от 31.03.2014.

Отпечатано на ризографе учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.